ВСЕГДА–
В СТРОЮ!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1983

Во время вручения награды. Телефото ТАСС

ОРДЕН ГОРОДУ-ГЕРОЮ

Город-герой, город, ставший колыбелью русского флота на Черном море, Севастополь отметил в эти дни свое двухсотлетие. Славной годовщине со времени основания города, вручению ему высокой награды Родины — ордена Октябрьской Революции — было посвященно состоявшееся здесь торжественное заседание городского комитета партии и горисполкома, представителей партийных, советских и общественных организаций, трудовых коллективов, ветеранов войны и труда, воинов местного гарнизона.

На заседании тепло встреченный собравшимися выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

Товарищ Д. Ф. Устинов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении города орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты прикрепил награду к знамени города.

В память о знаменательном событии министр обороны СССР передал представителям города подарок Министерства обороны СССР — картину заслуженного художника РСФСР Н. В. Денисова «Идет десант».

На торжественном собрании. Фото А. Морковкина и Б. Юсупова (ТАСС)

ТАШКЕНТ ПРАЗДНУЕТ 2000-ЛЕТИЕ

Свой юбилей Ташкент встретил с высокой наградой — орденом Ленина,— которой столица Узбекистана удостоена за большие заслуги трудящихся города в революционном движении, их вклад в победу в Великой Отечественной войне, успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, и в связи с 2000-летием со времени основания.

Во Дворце дружбы народов СССР имени В. И. Ленина собрались передовики и новаторы производства, деятели науки и культуры, представители общественности. Среди почетных гостей — посланцы братских республик, члены делегаций, участвующих в работе четвертой сессии межправительственного совета Международной программы развития коммуникации ЮНЕСКО, участники торжеств, посвященных 1200-летию выдающегося ученого Востока Аль-Хорезми, Дней Японии в Узбекистане.

На собрании выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

Под аплодисменты собравшихся товарищ Ш. Р. Рашидов прикрепил к знамени Ташкента награду Родины — орден Ленина.

Во время пресс-конференции. Фото Б. Кавашкина, В. Черединцева (ТАСС)

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В МОСКВЕ

9 сентября в Москве Министерство обороны СССР и Министерство иностранных дел СССР провели пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов.

В пресс-конференции приняли участие начальник Генерального штаба Вооруженных Сил — первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Н. В. Огарков, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС Л. М. Замятин.

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ АТМОСФЕРЕ

12 сентября член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко принял генерального директора ЮНЕСКО Амаду-Махтара М'Боу, находившегося в СССР в качестве гостя Советского правительства.

В ходе беседы, прошедшей в дружественной атмосфере, состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам современной международной обстановки и о роли ЮНЕСКО, занимающейся деятельностью в области образования, науки, культуры и информации, в создании благоприятных условий для решения глобальных проблем человечества, прежде всего устранения угрозы ядерной войны.

Внимание А.-М. М'Боу было привлечено к советским мирным инициативам, направленным на обеспечение прочного мира, обуздание гонки вооружений, оздоровление международной обстановки, сохранение и углубление процесса разрядки. С обеих сторон было отмечено, что ЮНЕСКО призвана играть важную роль в деле укрепления взаимопонимания и доверия между народами и государствами, развития взаимовыгодного международного сотрудничества.

Перед началом встречи. Фото Дм. Бальтерманца

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

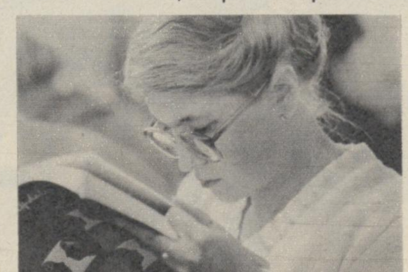
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 38 (2931)

17 СЕНТЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:



ОРИЕНТИРЫ МАДРИДА И ПРОИСКИ НЕДРУГОВ РАЗРЯДКИ

Юрий КОРНИЛОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Силы мира могущественнее сил войны. Это принципиальной важности положение, зафиксированное в пражской декларации социалистических государств — участников Варшавского Договора, вновь и вновь подтверждается жизнью, ходом международных событий. Все более широкую и активную поддержку получает на разных континентах комплекс миролюбивых, подлинно конструктивных советских внешнеполитических инициатив, направленных на защиту и упрочение мира, на обеспечение надежной безопасности народов. Небывалый размах приобрело в Европе и за ее пределами массовое антивоенное, антиракетное движение, ставшее весомым фактором мировой политики. Заметным достижением той линии в международных делах, которая направлена на диалог и взаимопонимание, на урегулирование проблем за столом переговоров, является и успешное завершение мадридской встречи представителей 35 государств — участников состоявшегося восемь лет назад в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Позитивный исход мадридского форума — в значительной степени результат целеустремленной и в то же время гибкой позиции социалистических стран, которые внесли решающий вклад в нахождение взаимоприемлемых решений.

В чем суть, стержень одобренного в Мадриде итогового документа? Прежде всего в том, что он отражает волю народов к миру, подтверждает, что резервы политики разрядки далеко не исчерпаны. В том, что он еще раз со всей силой подтверждает необходимость неукоснительного соблюдения принципов уважения суверенитета государств, невмешательства в их внутренние дела, нерушимость их границ — всех важнейших принципов, которыми страны—участницы хельсинкского форума обязались руководствоваться в международных делах. Согласованы и конкретные, причем весьма крупные шаги, призванные содействовать снижению уровня военного противостояния, упрочению мира. Наиболее важным из них явится проведение конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе, созыв которой намечен на январь 1984 года и которая призвана стать весомым фактором в деле укрепления европейской и международной разрядки.

Советский Союз, верный своей политике мира, преисполнен решимости последовательно претворять в жизнь достигнутые договоренности, он активно действует в пользу того, чтобы остановить развязанную империалистами форсированную материальную подготовку к войне, вернуться на путь разрядки, устранить угрозу ядерной катастрофы. Ни одного упущенного шанса, ни одной неиспользованной возможности, когда речь идет о том, чтобы отодвинуть, предотвратить опасность катастрофы для Европы, для мира в целом! — таков главный ориентир советской внешней политики, социалистической дипломатии. Особенно важное значение для упрочения мира имеет конструктивный, реалистический характер советской позиции на советско-американских переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе. СССР вновь и вновь подчеркивает, что прийти к позитивному результату на этих переговорах еще возможно — необходима лишь готовность другой стороны соблюдать основополагающий принцип равенства и одинаковой безопасности. Последовательно добиваясь обуздания гонки вооружений, СССР дает пример точного, неуклонного выполнения и всех других частей и положений хельсинкского Заключительного акта. В проведении линии на упрочение и развитие добрых начал в отношениях между государствами нашей стране, другим странам социалистического содружества доброй воли не занимать!

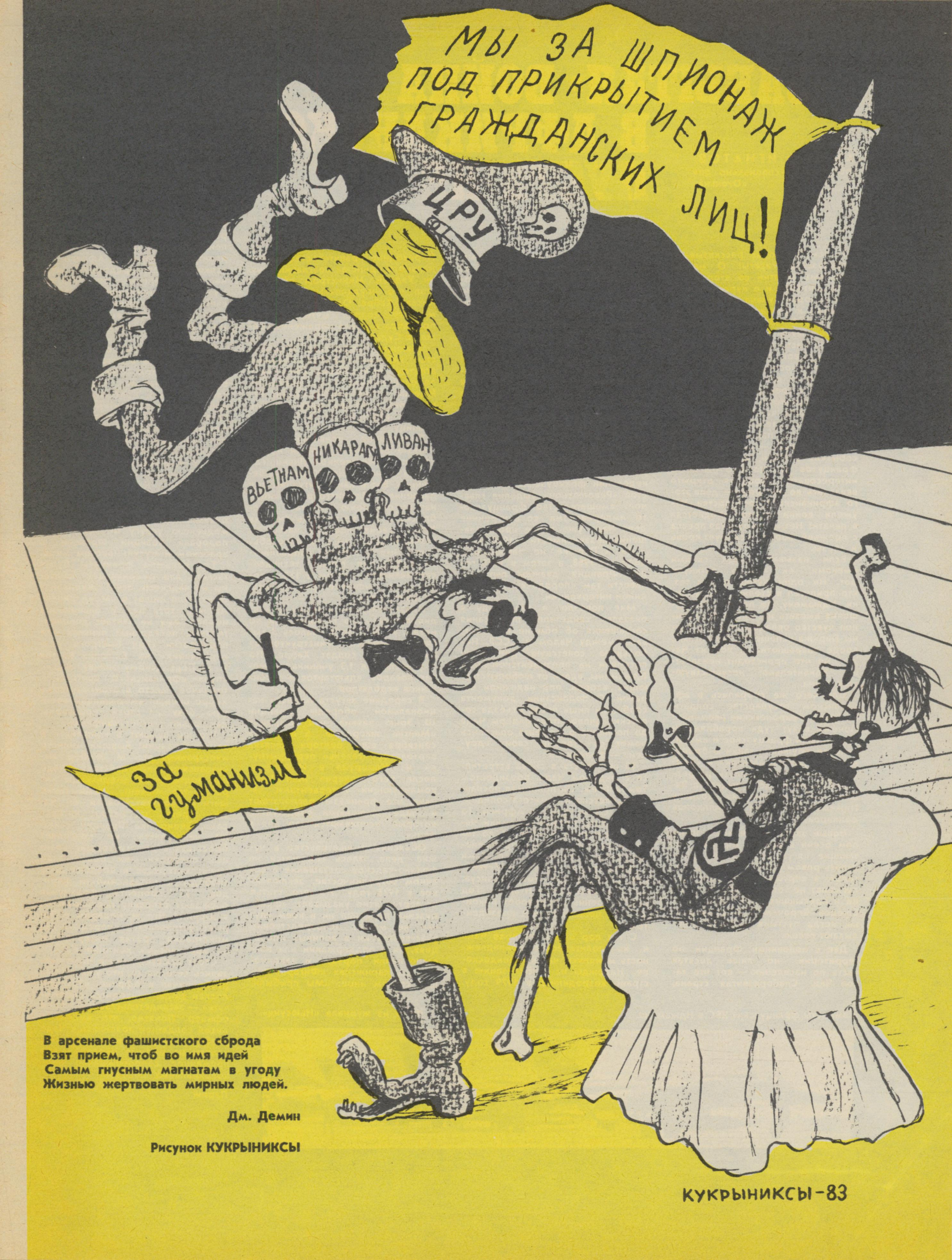
Очевидно, однако, что позитивный процесс, начало которому было положено в Хельсинки, может успешно развиваться, если все его участники на деле будут наполнять материальным содержанием понятие разрядки. А какова позиция США? Хотя на словах Вашингтон и выступает за продолжение данного процесса, в действительности он продолжает — и чем дальше, тем все более откровенно и нагло — торпедировать сами основы разрядки. Именно Вашингтон, стремящийся во что бы то ни стало «потеснить» социализм, «переиграть» историю, упорно, хотя и тщетно пытается любой ценой взломать сложившийся в Европе и в глобальном масштабе примерный военно-стратегический паритет между Варшавским Договором и НАТО, дабы, обзаведясь военным превосходством, обеспечить себе доминирующее положение в мире. Именно Вашингтон, рассматривающий силу, «ядерную дубинку» как едва ли не единственный рычаг своей внешней политики, фактически блокирует и загоняет в тупик все переговоры по обузданию гонки вооружений, идет ли речь об ограничении и сокращении стратегических вооружений, об ограничении ядерного оружия средней дальности в Европе или о взаимном сокращении обычных вооруженных сил и вооружений. А как можно совместить с духом и буквой хельсинкских договоренностей выдвигаемые «командой Рейгана» прямо-таки каннибальские концепции «ограниченных», «звездных» и иных ядерных войн?

Взаимоотношения государств осуществляются не в вакууме, для успешного развития этих отношений необходимы и соответствующая политическая воля сторон и укрепление взаимного доверия. Но разве может способствовать такому процессу тот факт, скажем, что в Вашингтоне по-прежнему открыто упражняются в разработке «доктрин», предусматривающих нанесение «первого ядерного удара» и исходящих из безумного «тезиса» о «возможности» победы в ядерной дуэли? А что сказать об ожесточенной «психологической агрессии», которую США и НАТО развязали и усиливают против стран социализма? Недавняя преступная акция — вторжение в воздушное пространство СССР самолета-шпиона и развязанная вокруг этой акции оголтелая антисоветская шумиха еще раз подтвердили, что вашингтонские стратеги держат курс не на улучшение политического климата, а, напротив, на предельное усиление противоборства, на организацию крупномасштабных политических провокаций против мира и социализма.

Но как ни бряцают оружием современные ядерные маньяки, стремясь столкнуть народы с пути, проложенного в Хельсинки, как ни изощряются они в попытках запугать западного обывателя мифической «агрессивностью Москвы», миллионы людей в разных странах все отчетливее осознают: в ядерную эпоху нет и не может быть разумной альтернативы мирному сосуществованию! Опыт, накопленный в Мадриде, еще раз подтверждает, что при всех различиях в политике, при всех разногласиях в оценке причин нынешнего состояния международных дел государства с различным общественным строем могут — а следовательно, и должны — приходить к взаимоприемлемым договоренностям. Причем к таким, которые идут на пользу всем народам, помогают расчищать горизонты европейской и мировой политики.

Флаги 20 стран поднялись над московскими выставочными комплексами «Красная Пресня» и «Сокольники», где состоялось торжественное открытие международной выставки «Наука-83». Более 400 фирм, организаций и предприятий демонстрируют на ней последние достижения в создании аппаратуры и приборов для научных исследований.

На снимке: во время осмотра выставки.
Фото Б. Кавашкина (ТАСС)



В арсенале фашистского сброда
Взят прием, чтоб во имя идей
Самым гнусным магнатам в угоду
Жизнью жертвовать мирных людей.

Дм. Демин

Рисунок **КУКРЫНИКСЫ**

«ЗАБЫТАЯ» ВОЙНА В АФРИКАНСКОЙ ПУСТЫНЕ

Александр ИГНАТОВ,
собкор АПН - специально для «Огонька»

О чем только не рассказывают французские газеты! О начале школьных занятий со второй недели сентября и о курсе франка, цена которого упала вдвое по отношению к доллару за последние три года. О повышении налогов для богатых в будущем году и о новых забастовках рабочих, защищающих свое право на труд. О том, что велосипедист Бернар Ино исключен из команды «Рено» из-за ссоры с тренером. И, конечно, о «воинственном» Советском Союзе, который, что ни день, совершает «возмутительные» поступки.

Не вижу в парижских газетах только одного — репортажей о событиях в Чаде. А между тем французов это должно было бы интересовать: Франция открыто ввязалась во внутренние дела этого африканского государства. Неужели война плохо «подается» в печати? Нет, французская пресса с прежней любовью смакует кровь и слезы.

Если называть вещи своими именами, ей просто заткнули рот. Ни один журналист из тех, кто прилетел в столицу республики, Нджамену, не получил разрешения выехать на фронт. И странное чувство овладевает вами: стены Парижа испещрены лозунгами, вроде «парашютисты, вон из Чада», но что происходит, неизвестно. Удивительно: несуществующая война.

Для чего же собрались в африканском государстве солдаты из Заира и европейские наемники! Почему везут туда кораблями и самолетами французское и американское оружие — танки и бронемашины, ракеты «Милан» и «Кроталь», пушки и самолеты-разведчики! На какие цели выдали в Вашингтоне теперешнему хозяину Нджамены Х. Хабре 25 миллионов долларов!

Новые звери появились с началом осени в центре Африки: летающие «ягуары». Пустыня огласилась ревом реактивных истребителей, а вертолеты «газель» распугивают не только стада антилоп, но и привыкших ко многому верблюдов. Впрочем, в сторону шутки, когда пустыня и саванна полыхают огнем.

Две с половиной Франции по территории, но лишь десятая часть по населению — вот что такое Чад. Слаборазвитая страна, принадлежащая к самым бедным на планете: годовой доход не превышает ста долларов на человека в год, ибо потенциальные богатства ее земли, в том числе уран и нефть, всегда тщательно скрывались. В дополнение ко всему вот уже 15 лет в стране нет покоя.

В чем причины нестабильности! Их немало: тяжелое наследие колониализма (многие десятилетия страна находилась под властью Парижа), объединение в рамках одного государства племен и народов, принадлежащих к разным расам и религиям, языковая рознь, трудные природно-климатические условия, отсутствие дорог, соперничество вождей... Еженедельник французских коммунистов «Революсьон» выделил главное: вмешательство французского империализма во внутренние дела Чада уже после провозглашения независимости в 1960 году.

Да, в Париже не забывали о Чаде... В 1968, а затем в 1978 годах Франция дважды пыталась навести там «порядок» путем военной интервенции.

Мне повезло: в 1964 году я оказался свидетелем подписания соглашения об обмене посольствами между Чадом и СССР. Небольшую советскую делегацию поселили на президентской вилле Нджамены, вдали от любопытствующих взоров, под надежной охраной. О подписании документа сообщили лишь после отъезда советских дипломатов: лидеры Чада до последнего момента опасались помех со стороны своих «друзей» — французов.

10 лет спустя я снова встретился с лидером Чада, президентом Томбалбаем. Он принимал посланцев Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. То был период острой полемики Чада с Францией. Незадолго до того глава государства переименовал столицу страны из Форт-Лами в Нджамену и заменил собственное французское имя, Франсуа, на национальное — Нгарта. Год спустя военный переворот покончил и с полемикой и с президентом.

С тех пор имена лидеров Чада и их политическая принадлежность менялись, как в калейдоскопе. Надежды на стабилизацию в стране возродились в 1979 году. Переходное правительство национального единства возглавил Гукуни Уэддей. Министром обороны стал его неудачливый соперник Хиссен Хабре. Однако год спустя министр поднял мятеж против премьера и после поражения сбежал в Судан.

Знающие парижские журналисты называют Хабре бывшим агентом французских спецслужб, перекинувшимся к американцам. Именно с военной помощью Вашингтона и на его деньги Хабре начал наступление и захватил столицу.

Переходное правительство и верные ему части отошли на север, к дружественной Ливии, где нашли пристанище 80 тысяч беженцев. Вот в какой ситуации под давлением Вашингтона Франция начала операцию «Манта»: переброску в Чад, на помощь Хиссену Хабре, своих военных частей и техники. При этом в Париже объявили, что в Африку направляется небольшая группа техников-специалистов, числом в 180 человек. К их униформе пришили метку «инструктор».

Неизвестно, как считали командированных — по головам или по ногам, но в Чаде оказалось 3 тысячи французских «инструкторов» на 4 тысячи солдат Хабре. По 1 учителю на 1,3 ученика, включая поваров, адъютантов и погонщиков верблюдов.

В середине августа министр национальной обороны Франции Ш. Эрню заявил, что операция «Манта» завершена. А в начале сентября еще полтора десятка вертолетов «газель» перепрыгнули из Камеруна в Нджамену, после чего генерал Жан Поли, командующий интервентами, заявил, что французы располагают в Чаде «мощными средствами, которые усиливаются изо дня в день».

Объясняя вмешательство в чужие дела, здесь ссылаются на франко-чадское соглашение о военном сотрудничестве, заключенное в 1976 году. Но его статья четвертая ясно указывает: «французский персонал ни в коем случае не может непосредственно участвовать ни в военных операциях, ни в поддержании или восстановлении порядка и законности». А парижская «Фигаро» пишет совсем иное: «Мы прибыли, чтобы защищать законный режим Чада...»

В Африке французский десант вызвал возмущение. Руководитель одной из прогрессивных стран континента с горечью заметил корреспонденту журнала «Африк-Ази»: «Образ «Франции парашютистов» привычен нам по временам де Голля, Помпиду, Жискара. Но ведь в мае 1981 года в Париже произошли перемены».

«Куда идет социалистическая Франция!» — задает вопрос директор «Африк-Ази» Симон Маллей. Неужели Париж снова становится жандармом Африки! Во всяком случае, продолжает журнал, игра Рейгана привела к тому, что прогрессивная Африка считала невозможным: французские парашютисты вместе с людьми президента Мобуту спасают агента ЦРУ.

Трезвомыслящие обозреватели объясняют, что в истории с Чадом Вашингтон стремится еще больше привязать Францию к своей военной колеснице, одновременно дискредитируя социалистов в глазах прогрессивной Африки. Оптимальным вариантом для команды Рейгана было бы столкновение Франции с Ливией вокруг чадских проблем. Ни для кого не секрет, что в Белом доме полковника Каддафи называют «самым опасным человеком в мире». Вот бы убрать его чужими руками, да при этом оказать медвежью услугу Ф. Миттерану, подорвав позиции Франции в арабском и мусульманском мире.

Так неужели французы будут таскать для американцев каштаны из чадского огня! Журналист Эрик Руло пишет в «Монд дипломатик», «хотя баз у Вашингтона немало, ему не хватает дополнительных посадочных пунктов для переброски «сил быстрого развертывания» на Ближний Восток и к Персидскому заливу. Чад — «пуп» африканского континента, отличное место в этом смысле». Хабре обещал американцам военную базу на своей территории, как только стихнет конфликт.

Что же думают о конфликте в самой Франции! Бывший министр иностранных дел М. Жобер высказался так: «На действия в Чаде нас подтолкнули американцы как раз в тот момент, когда такие шаги не соответствовали ни нашим идеям, ни нашим интересам». Экономика Франции, считают коммунисты, не позволяет бросаться в дорогостоящие военные операции, тем более ради чужих интересов и вопреки делу свободы и независимости народов. 53 процента французов осуждают отправку парашютистов в Африку. Что ж, недаром в Париже устраивается очередная демонстрация против интервенции на африканском континенте.

Стоит заметить, что в Чаде оказались сегодня те, кто уже не раз разбойничал в Африке. «Тех, кто послан сюда, приходится сдерживать»,— засвидетельствовал один офицер. Понятно, что вместе с лихой солдатней появились в Чаде разбой, вооруженные грабежи, налеты на мирные деревни — непременное сопровождение неоколониальных походов.

Париж

Самолеты французских ВВС в Нджамене. Фото из журнала «Ньюсуик».

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Польша, год 1983-й

ГЛАВА II. МОЛОДЕЖЬ: «ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»! НЕТ!

Дорог каждый час!

«Кошалинский военный суд рассмотрел дело трех учащихся кошалинских школ, обвинявшихся в создании в период введения военного положения подпольной организации и нелегальной деятельности против ПНР. Как показало судебное следствие, члены группы под воздействием пропаганды подполья печатали и распространяли в Кошалине нелегальные листовки, призывая жителей к сопротивлению властям и применению различных антигосударственных акций.

Обвиняемые признали свою вину. Суд, учитывая это и другие смягчающие обстоятельства и несмотря на то, что деятельность группы наносила вред, приговорил ее членов к небольшим срокам наказания, предоставив возможность продолжать учебу в школах. Двое подсудимых, Станислав Д. и Вальдемар М., приговорены к двум годам лишения свободы и по 40 тысяч злотых штрафа. Несовершеннолетнего Януша З. суд решил направить в исправительный дом с условным сроком на 2 года».

Небольшое, всего в несколько строк газетное сообщение — болезненное эхо тех тяжелых дней, когда одурманенные враждебной пропагандой толпы юнцов участвовали в уличных беспорядках, спровоцированных взрослыми, опытными «дирижерами». Молодежи отводилось особое место в планах польских контрреволюционеров. Главари «Солидарности» усердствовали в попытках разбить Союз польских харцеров и предлагали выбросить из харцерской присяги слова: «Быть верным делу социализма».

Юность — начало жизни, когда убеждения только складываются и всякое отклонение от идеала воспринимается как зло, потому она так легко поддается критическим настроениям. И эту особенность психологии мышления школьников бесстыдно старались использовать пропагандисты «Солидарности», действовавшие в школах. К сожалению, в большинстве своем это были учителя — те самые учителя, которые по должности и призванию должны воспитывать молодежь стойкими, убежденными защитниками социалистической Польши, а не вовлекать их в подпольные контрреволюционные организации. Положение в школах оказалось сложным, и в январе прошлого года сейм утвердил Хартию учителя, в которой уточняются их права и обязанности. Совет Министров рассмотрел и принял программу «Кого мы хотим воспитывать в польской школе?». Эти документы свидетельствуют не только о повышенном интересе общества к вопросам воспитания, но и указывают на серьезность, с какой правительство подходит к проблемам просвещения.

Почти в сорока воеводствах открыты курсы для учителей первых — третьих классов. Изменяется система подготовки и самоусовершенствования педагогов, а также ведутся работы по созданию учебников для учителей истории, особенно новой и современной. В училищах и лицеях, кроме средних школ, введены как обязательные новые программы по таким предметам, как польский язык, история, гражданские знания, наука об обществе. В организациях Союза социалистической польской молодежи ставится вопрос о необходимости более глубокого изучения марксизма-ленинизма. Ведь это же парадокс, что многие молодые люди знакомились с теорией социализма не по первоисточникам, а по его критике в «трудах» оппозиционеров! Все эти очень важные шаги, предпринятые правительством в области просвещения и воспитания, требуют не только немалых дополнительных ассигнований из государственного бюджета, но и времени, необходимого для их осуществления.

Но ждать нельзя, дорог каждый час! Пользуясь поддержкой из-за рубежа, враги народной Польши продолжают разжигать различные конфликты, спекулируя на имеющихся трудностях, стремятся прежде всего повлиять на молодежь. Вместе с ПОРП на защиту молодого поколения встали все прогрессивные силы страны.

Я побывала в Главном правлении Лиги польских женщин. Молодая, энергичная руководительница этой массовой организации Ядвига Бедржицкая рассказала о том, как по инициативе активистов Лиги по всей стране в школах организуются кружки «родители с учителями». В них матери, объединившись со здоровыми силами школьных коллективов, действуют против тех педагогов, которые хотели бы сломать социалистическую систему воспитания. Лига польских женщин проводит в воеводствах встречи двух поколений. В них участвуют родители, учителя и старшеклассники, и зачастую эти встречи превращаются в острый, открытый диалог двух поколений.

— Надо идти на прямой разговор с нашей молодежью, если мы не хотим ее потерять! — убежденно говорит Ядвига Бедржицкая и, продолжая эту мысль, рассказывает о том, как выросла за минувшие два года политическая активность польских женщин. Антисоциалистические силы стремились разбить эту организацию, которая всегда активно помогала партии. Но в ноябре 1981 года состоялся очередной съезд Лиги, на котором было принято обращение польских женщин к народу с призывом защитить от контрреволюции общий польский социалистический дом. Прошедшие события повернули эту организацию от чисто женских, домашних проблем к политической работе.

...Воскресным утром я отправилась в Старо Място. Вот оно, сердце Варшавы! Вчера поздно вечером после спектакля я шла по этим узеньким, мощенным булыжником улочкам, и дома, украшенные затейливыми оконцами и башенками, казались огромной декорацией, поставленной под лунным светом прямо посреди города. А сегодня здесь толпы варшавян и приезжих, малыши и взрослые кормят голубей. Глядя на них, я думаю о тех поляках, которые год за годом, по кирпичику, из небытия возрождали прошлое. Фашисты взорвали сердце Варшавы. Они хотели уничтожить прошлое народа — его память. А разве можно убить память?

Несколько лет назад, приехав в Варшаву, я увидела на одной из улиц коробку, похожую на большой почтовый ящик. И люди, останавливаясь, кидали в нее злотые и гроши. Это была «открытая сберкнижка» поляков, которые очень хотели поскорее увидеть Королевский замок — историческую святыню, заново воссозданную архитекторами и строителями. И он встал на свое прежнее место: в день моего приезда польские друзья повезли меня к набережной Вислы, чтобы я убедилась, как замечательно он смотрится оттуда, снизу.

Прошлое неотделимо от настоящего. В Польше это особенно остро ощущаешь. Ведь история — часть той истины, за которую здесь идет настоящая битва с врагами социализма. А у них своя версия прошлого. Фальсифицированная, тщательно подогнанная к нынешним пропагандистским задачам, версия эта рассчитана на то, чтобы в сознании людей, особенно молодых, под флагом «святого патриотизма» угнездился великопольский национализм, и при этом не без основания они полагаются на помощь костела.

Костел святой Анны в Старом Място известен тем, что тут не раз «бывшие интернированные» устраивали демонстрации после молебна. У стены костела на земле — огромный цветочный крест, украшенный лентами и зажженными свечками. Среди зелени я заметила объявление, написанное синим фломастером: «Поляков, истинных патриотов ждут на встречу те, кто болеет душой за нашу несчастную Польшу!» Красным фломастером было обозначено время и место этой встречи. Безымянное объявление на кресте — не божье знамение, а дело рук человеческих, тех, кто не желает смириться с провалом контрреволюционеров. Мне рассказывали, что здесь, у цветочного креста, вечерами собираются эти «истинные патриоты» и горланят песни отнюдь не церковного — антигосударственного содержания.

Вхожу в переполненный костел. Идет утренняя служба, и первое, что я замечаю,— как помолодела толпа прихожан! Четыре года назад здесь, в костеле святой Анны, я видела куда меньше молодых, юных лиц. Гремя кружкой для пожертвования, молящихся обходил мальчик-служка. Я выбралась из толпы, собираясь покинуть костел, и тут увидела на стене, неподалеку от входной двери, несколько объявлений. В одном костел приглашал прихожан на занятия английским языком, причем бесплатно. Другое прямо адресовалось молодежи, увлекающейся современными ритмами: «Принимайте участие в нашем музыкальном ансамбле. Инструменты предоставляет костел!» Третье объявление начиналось словами: «Вы только что вступили в брак — примите наше поздравление! Но спросите себя: хорошо ли я знаю моего избранника? Мы хотим помочь вам познать друг друга и приглашаем на двухдневный семинар с выездом за город». Тут же висел отпечатанный на машинке план, из которого я узнала, что на следующей неделе состоится вечер церковной музыки с участием известных варшавских музыкантов, а еще через неделю две лекции. Объявления в костеле святой Анны убеждали в том, что польская церковь сегодня занимается не только божественными проблемами.

«Я тоже хочу поцеловать ножку боженьке!» — прозвучал за моей спиной детский голосок. Обернувшись, я увидела — молоденькая мама в спортивной куртке подняла дочку, и та приникла губами к затертой поцелуями деревянной ноге Иисуса. Пока эта малышка неосознанно повторяла то, что делали взрослые. А потом?

Один из моих польских знакомых поделился своими сомнениями, правильно ли он поступает, что не разрешает сыну-первокласснику ходить на уроки закона божьего в костел. Сынишка говорит: почти все ребята из класса ходят, и там им показывают интересные фильмы о Земле и Солнце. Я удивилась — какие могут быть уроки закона божьего, когда церковь отделена от государства? Еще в 1961 году из-за активности церкви государство отменило в школах преподавание катехизиса, но... тут же, оказывается, появились «курсы» при костелах для школьников!

С грустными мыслями я вышла из дверей костела, а навстречу шла группа ребят в галстуках цвета флага, красное с белым. В костел святой Анны пришли в сопровождении старшеклассниц харцеры — польские пионеры.

...В Варшаве я познакомилась с человеком, который хорошо разбирается в сложных вопросах польского костела. Известный публицист, профессор, автор книг и статей по проблемам католической церкви, он часто выступает с лекциями на эту тему в самых разных аудиториях — у рабочих, на партийных активах, в воинских частях и, конечно, перед сту-

См. стр. 26—28.

Продолжение. См. «Огонек» № 37.

60 ЛЕТ НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

интервью «огонька»

Б. С. КЕВОРКОВ,
первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома Компартии Азербайджана

— Борис Сарнисович, какие черты точнее всего могут обрисовать сегодняшнюю жизнь Нагорного Карабаха?

— Наша область — сокращенно ее называют НКАО — это типичный горный край, занимающий восточный выступ Малого Кавказа. Рождение, развитие и вся социалистическая новь Нагорно-Карабахской автономной области — результат последовательного осуществления партией ленинской национальной политики.

Коммунистическая партия Азербайджана под руководством ЦК РКП(б), его Кавказского бюро, Закавказского краевого комитета партии провела большую организаторскую и политическую работу, в итоге которой 7 июля 1923 года в составе Азербайджанской ССР была образована Нагорно-Карабахская автономная область.

Веками единой семьей живут здесь армяне, азербайджанцы, русские, а в наши дни еще и представители почти пятидесяти других национальностей.

До революции промышленность Нагорного Карабаха состояла из небольших мастерских полукустарного типа, в которых работало несколько сотен человек. Ныне индустриальный облик нашей области воплощен в сорока восьми современных предприятиях. Они выпускают сотни изделий, многие из которых отправляются в различные районы страны и за рубеж. У нас сложился многотысячный отряд рабочего класса, инженеров, техников. В сопоставлении с годом образования автономной области объем промышленного производства на 1 января 1983 года увеличился в 912 раз.

О расцвете автономной области, ее экономики, культуры за годы Советской власти можно судить по тому, каким стал наш областной центр — Степанакерт. Этот живописный, утопающий в зелени, радующий взор современными кварталами многоэтажных зданий город вырос за 60 лет на месте небольшого села Ханкенды. Есть здесь предприятия, выпускающие электротехнические изделия. Работает комбинат строительных материалов, занятый добычей и обработкой великолепного карабахского камня — мрамора, гранита, фельзита, известняка, которыми в разных концах Советского Союза украшают жилые и общественные здания. В прошлой пятилетке железнодорожная линия связала Степанакерт со всей страной. В Нагорный Карабах пришел природный газ. Ныне в областном центре возводится крупный завод сельскохозяйственного машиностроения...

Большие успехи достигнуты в сельском хозяйстве. Основные его отрасли — виноградарство и животноводство. В 1982 году хозяйства области произвели почти 155 тысяч тонн винограда, причем урожайность составила 115,6 центнера с гектара. Среднеобластные надои молока на первое января 1983 года достигли 2414 килограммов. Мяса на душу населения у нас было произведено 68 килограммов в убойном весе. Тем, кто не слишком разбирается в сельском хозяйстве, могу пояснить, что эти показатели достаточно впечатляющи для условий Закавказья.

Особо хотелось бы сказать о Шуше. Быстрыми темпами развивается этот город-курорт. Здесь выросли санатории, где отдыхают и лечатся труженики страны. В городе множество библиотек, клубов, картинных галерей. Здесь любовно реставрируют памятники старины и создают новые образцы современного искусства. Шуша — родина многих видных представителей культуры азербайджанского и армянского народов.

Хотелось бы назвать хотя бы некоторых уроженцев нашего края, которыми заслуженно гордятся карабахцы. Это пламенные революционеры, соратники В. И. Ленина — Б. М. Кнунянц, В. М. Каспаров. Это известные большевики-ленинцы эпохи становления Советской власти Левон Мирзоян, Теймур Алиев, Саак Тер-Габриэлян. Это известные государственные и военные деятели нашей страны И. Ф. Тевосян, Миргасан Везиров, адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков. Это видные деятели науки выдающийся русский химик Н. Н. Зинин, академики И. Л. Кнунянц, Н. С. Ениколопов, А. Л. Тахтаджян. Это классик азербайджанской литературы Вагиф, классик армянской литературы Мурацан, основоположник армянской пролетарской литературы Акоп Акопян, выдающийся композитор Узеир Гаджибеков. Богат талантами наш край!

Сегодня у нас есть все для счастья, благоденствия каждой семьи и всех трудящихся Нагорного Карабаха. Мы должны еще усерднее трудиться и еще зорче следить за происками сил, которые только и мечтают о том, чтобы нарушить нашу мирную прекрасную жизнь.

Беседу вел М. БАРИНОВ

ЗНАКОМЬТЕСЬ — НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

Фото А. ГОСТЕВА

Прекрасна и величественна природа Нагорного Карабаха.

Герой Советского Союза А. Д. Каспаров [в центре] и кавалеры ордена Славы трех степеней В. К. Айрапетян, А. Г. Мелкумян.

Эвелина Саркисян — одна из лучших работниц ковровой фабрики.

На Степанакертском электротехническом заводе.

В столице республики живут и трудятся люди разных национальностей.

«Русская фантазия» в пути

Как известно, недавно в г. Дортмунде (Северный Рейн — Вестфалия) проходили Дни Советского Союза. В празднествах приняли участие ведущие мастера и художественные коллективы нашей страны — балетная труппа ГАБТа, Государственный академический театр кукол под руководством С. Образцова, Воронежский русский народный хор и другие. В рамках Дней, торжественно открытых в зале «Кроне» приветствиями обер-бургомистра Дортмунда Г. Замтлебе, премьер-министра земли Северный Рейн — Вестфалия И. Рау, выступлениями председателя общества «СССР—ФРГ» тов. Л. Замятина и посла СССР в ФРГ тов. В. Семенова, была организована выставка советской графики и пейзажной живописи, подписано соглашение о культурном сотрудничестве советского и западногерманского обществ дружбы. Правлением ССОД была организована поездка по стране группы активистов общества «СССР — ФРГ», деятелей культуры России, Грузии, Армении, Туркмении, Белоруссии.

Приятно было отметить, что улицы Дортмунда в те дни украшали советские государственные флаги, что многие горожане, увидев советских людей, приветливо улыбались. Дортмунд — город-труженик, тут много рабочих. Немалая часть предприятий поддерживает экономические контакты с нашими заводами и ведомствами. Здесь ощутимы симпатии к нашей стране, к нашей культуре.

С утра шел дождь, но площадь Кроне-ам-Маркт была запружена грибами-зонтиками, люди стояли под прикрытием магазинных маркиз и в галереях пассажей; все ждали начала выступления ансамблей «Дружба» и «Русский сувенир». В зале приемов в это время звучала музыка Чайковского и Моцарта — прелюдия к торжественному открытию Дней советской культуры.

На другой день пресса в целом объективно отразила церемонию открытия и выступления официальных лиц, в частности, речь Л. М. Замятина, но нашлись и брюзжащие голоса, например, комментатора «Рур-Нахрихтен», который внутри номера «недоумевал», зачем, мол, такой праздник культуры «омрачать» разговорами о ракетах и о том, что СССР не пойдет на уступку перед лицом неправомерных притязаний Вашингтона на военное превосходство. Давайте, мол, говорить о танцах, о фольклоре, а в том, что человечеству угрожает реальная ядерная катастрофа,— в этом-де пусть военные разбираются...

К счастью, многие западные немцы думают иначе.

Художник О. Верейский при открытии выставки советской живописи на хорошем немецком языке сказал о том, что достояние любой цивилизации нуждается в защите от разрушения и что художники даже в изображении родных пейзажей и иноземных далей участвуют, приобщая к прекрасному, в движении против разрушения. Эти слова вызвали аплодисменты небольшой группы присутствовавших дортмундцев.

Выше я написал «думают иначе», и это действительно так. Но все же слишком много примеров говорит, что зачастую то, что думается, вслух не произносится. Не принято. Осторожность и сдержанность — вот, пожалуй, основное, чем отвечает подготовленный средствами массовой информации рядовой житель ФРГ на предложения культурного обмена с СССР. Немалая «заслуга» в этом консервативно настроенной части населения, определенных реакционных кругов. Из ста мест в магистрате свыше шестидесяти принадлежит социал-демократам, и это многое определяет в социальной и культурной политике дортмундских властей. Однако консервативное крыло верно себе. Когда один из инженеров завода «Хёш», где нас знакомили с современным сталелитейным производством, потихоньку сказал мне: «Это мы, социал-демократы, принимаем вас. Христиане и не подумали бы»,— я решил, что он преувеличил. Но вскоре нам рассказали любопытную историю, связанную с гастролями «Большого балета», как его здесь называют. Билеты на спектакли, принятые публикой очень тепло, продавались заранее и были доступны всем без исключения. Но тщетно жены влиятельных лиц города, христианских демократов, умоляли своих мужей дать им шанс посмотреть прославленный балет: те дружно бойкотировали представления...

Разумеется, для тех, кто хочет знать правду о нашей стране и ее культуре, всякий приезд советских артистов — настоящий праздник. Я слышал, как активистки общества «ФРГ—СССР» Г. Хедьяди, У. Шретер и Р. Флигер с восторгом рассказывали о балете «Спартак», о спектакле «Дон-Жуан-83» у С. Образцова, даже пытаясь изображать некоторые сцены из спектаклей в лицах...

Но далеко не все хотят знать эту правду, особенно если находятся под влиянием стереотипов, десятилетиями вырабатываемых буржуазными газетами, радио, кино и телевидением. А если и захотят — не смогут. Если, к примеру, газеты земли Северный Рейн — Вестфалия так или иначе откликнулись на Дни советской культуры, то центральная пресса ФРГ этого события не заметила, не говоря уже о таких пухлых изданиях, как шпрингеровская «Бильд ам зоннтаг», где на 108 страницах, напичканных цветной рекламой и светско-клерикальной хроникой, не нашлось ни строчки о приезде 700 посланцев советского искусства...

Преподавательница русского языка в Гейдельбергском университете Ольга Ивановна С., по происхождению русская, сказала мне, что многие студенты охотно изучают наш язык. «А какие тексты — современные или исторические — служат им материалом?»— задал я вопрос и услышал в ответ: «Исторические...»

Осторожность и сдержанность... Не забыть мне также вечерней прогулки по набережной Майна во Франкфурте с одним из молодых интеллигентов, инженером-дизайнером. Он был полон идей, как наладить торговлю его фирмы с нашей страной, потом, «оторвав» меня от остальной группы, стал вполголоса и поминутно оглядываясь, не слышат ли его соотечественники, говорить о самых жгучих проблемах — о НАТО, о предстоящем размещении американских ракет средней дальности, о том, что народ в целом отвергает эту затею... Он говорил, и многое в его словах было созвучно моим мыслям, но внутренне я поражался: почему об этом можно говорить только украдкой, тайком от остальных? Ведь на карту поставлены и торговля и само существование фирмы дизайна...

...Да, в Федеративной Республике Германии далеко не каждый интересующийся советской культурой в обстановке обычного замалчивания явлений нашей культурной жизни может как-то ориентироваться в них. Расскажу о том, как наше искусство, культура зачастую с а м и пробивают дорогу к сердцам людей.

В составе нашей группы находился квартет русской народной музыки «Русская фантазия» (балалайка, домра, гитара, баян), причем гитарист был одновременно солирующим певцом, обладая красивым, звучным баритоном. Музыканты, отлично сыгравшиеся и знающие песенный фольклор многих стран мира. Не подпевать им было просто невозможно, и в Дитценбахе, близ Франкфурта, не зная слов, немцы тянули фонемы «Подмосковных вечеров» на ощупь, так что было впечатление, что текст знают все. Но то были люди, заранее уведомленные и пришедшие на встречу с советскими деятелями культуры. А вот в Штутгарте, в кабаре, публика была в полном неведении о нашем появлении, она пришла развлечься, посидеть за столиками с кружкой пива или бокалом шампанского. Владелец кабаре и ресторана, как всякий деловой человек, решил преподнести своим завсегдатаям сюрприз и объявил, что в перерыве (!) есть возможность послушать «русский оркестр-балалайка». Зрители оставили это заявление без видимого внимания. Наступил антракт, многие привычно потянулись к выходу, в этот момент поднялся занавес и четверо парней в красных расшитых рубахах грянули фантазию на темы русских народных песен. Народ повалил обратно в зал, кельнеров отгоняли от себя, чтобы не мешали слушать. А когда оркестр смолк, в зале буря — топот, крики «браво!». И так — после каждой песни. Скептически настроенная корреспондентка газеты «Штутгартер Нахрихтен», не отходившая от нас, раскраснелась и решила остаться, хотя всем объявила, что должна срочно уходить по важным делам...

...Были мы в Марбахе, на родине Шиллера. Осмотрев прекрасный музей поэта, зашли в небольшой ресторан пообедать и... застряли там. Как только наши музыканты по просьбе одного из активистов местного общества «ФРГ — СССР» исполнили «Стеньку Разина», в соседнем зале раздался шум, в зал к нам повалили подростки, за ними взрослые... Оказалось, за стеной американская группа из Калифорнии тоже просила дать возможность послушать нашу музыку... Общее замешательство, но случай помог: стены оказались раздвижными, и концерт продолжился при содействии немецкой прислуги, кельнеров и барменши, приостановившей для такого случая пивной конвейер.

Но самый большой сюрприз ждал нас в Денкендорфе, селе близ Ингольштадта. Не всех, правда. Представительница Краснопресненского района столицы знала о предстоящей встрече: оказывается, краснопресненцы и денкендорфцы установили два года назад партнерские отношения. И вот Денкендорф ждет у себя с ответным визитом советских гостей. Если сказать коротко: мы чувствовали себя, как дома, в этой «тайной столице Баварии», как утверждают жители села на основании того, что Денкендорф находится в географическом центре этой земли. Гремел духовой оркестр сельской самодеятельности, и наш квартет тоже не оставался в долгу. Затем были концерт юных исполнителей и экскурсии по селу, беседа в ратуше и застолье, старинный лендлер, исполненный в честь советских гостей, и общий хоровод-змейка с аккордеонистом во главе... На прощание каждому из нас была вручена фотооткрытка с изображением денкендорфцев на фоне Василия Блаженного, а точнее — на фоне «баварской луковки» его, башни, по совпадению, выкрашенной в национальные цвета Баварии — голубой и белый.

Правда, в Мюнхене, куда мы прибыли затем, все протекало сдержаннее, строже. Однако тон, заданный Дортмундом: «Давайте торговать, давайте обмениваться научными, культурными и спортивными делегациями»,— не исчез, но приобрел дополнительные положительные оттенки.

Ю. НОВИКОВ

Дортмунд — Франкфурт — Штутгарт — Мюнхен.

Активисты общества «СССР—ФРГ» на заводе «Хёш» (Дортмунд).
Фото автора

А. Дейнека. 1899—1969. ИТАЛЬЯНСКАЯ УЛИЦА. МОНАХИ В КРАСНОМ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Графика.

ТЮИЛЬРИ.

А. Пластов. 1893—1972. Иллюстрация к поэме Н. Некрасова «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС».

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Графика.

Пласт земли

Борислав СТЕПАНЮК

Есть тайна в пашне,
в озими зеленой,
в самих полях,
в которых нет границ,
и в колоске,
что смотрит удивленно
на белый свет
из-под густых ресниц.

Как разгадать
проникнутый земною
тревогой
(сникни, утренняя мгла!)
тот след, что назызаем
бороздою
и что пролег
от каждого села?..

И черный пласт земли
и ворон черный
на линии одной —
крыло в крыло...
Слилось естественное
с рукотворным,
полярно разошлось
добро и зло.

Перевел с украинского
Евгений КРИЖЕВИЧ.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ой у полі нивка...
Песня

Июль. Хлебов густых разлив.
Я в поле вместе с дочерью.
Мы тонем в волнах спелых нив,
Рассветом позолоченных.
И жаворонок в этот час,
Уйдя в лазурь небесную,
Восторгом осеняет нас,
Волнует сердце песнею.
Мы солнцем, полным свежих сил,
На праздник лета прошены!
Вон нивка та, где я косил
Когда-то в годы прошлые.
...Звенит коса, пылает зной,
Почти вся нивка скошена,
Но вот крестом над головой
Повисли крылья коршуна.
Отцы на смертный бой тогда
Шли, чести удостоены,
Хлеба косили, как всегда,
Мы, завтрашние воины.
Как только я пришел домой,
Устав от напряжения,
Встречает мать: «Сегодня твой,
Сыночек, день рождения!»
И тут же слезы пролила
Мать над моею долею,
Работа мне ладони жгла
Горячими мозолями.
И я всей кровью ощутил
В тот день рожденья памятный,
Что выйти нам достанет сил
Из горя, бед и пламени...
Пшеница зыбится, шумит,
В покосах — степь разлогая.
Мне что-то дочка говорит,
Пустой рукав мой трогая.
И посмотрела вдруг светло:
«Комбайн и сам тут справится!»
Мы возвращались с ней в село —
Пусть нивка наливается.

ГНЕЗДО

С каким проворством, лишь пришла весна,
Две ласточки под крышу залетели...
А как они с рассвета дотемна
Энергии своей
Метали стрелы!
Откуда знать им, что дощатый кров
Лепился так же, как гнездо пернатых,
Потом на протяжении годов
Он охранял
Родимые пенаты.
Мы так под общей кровлею сжились,
Что не страшны нам беды никакие,
Ты, доля, различить и не берись,
Где птичьи радости,
А где людские.
Где ласточкина, где моя печаль?..
Пробили льдину солнечные стрелы,
Весенняя очам открылась даль —
Я жду-пожду...
Их нет. Не прилетели.
Откуда знать им, устремленным ввысь,
Чем я встревожен, в чем тоски причина.
Все птицы на гнездовье собрались,
И лишь одно гнездо,
Как сиротина.

ТРИПТИХ НА ТЕМУ «АДЖИМУШКАЙ»

I

Здесь чувствуется седина во всем:
Полынь, и пыль, и хат саманных стены;
Здесь даже камень, добытый трудом,
Седел, покрытый пылью неизменно...

Дворцы и храмы люди возвели
За много лет, а жили в них владыки.
И не к добру в седеющей дали
Скрывалась ясность солнечного лика.

А каменщика труд — где пот и соль,
В мозолях где окаменела боль,
Где тяжесть глыб, что подняты руками!

...Чубатая седела голова,
Могила, где растет полынь-трава,
И завершал все
Поседевший камень.

II

Полыни горечь, дыма густота
Взметнулись и слились со взрывом бомбы —
И наступила темень-темнота,
Уже не белый свет, а катакомбы.

Нахлынула на землю саранча,
На все свои нацеливая жала,
Без угомону, жадно, сгоряча
Она добро чужое пожирала.

Казалось, все испепелит дотла —
Такая злоба у нее была...
Она и гром и молнию метала!

Не знала лишь, какой воздвигся тут
Из камня нерушимого редут
И сердце из какого тут металла!

III

Святилище по имени музей,
Где время взято в строгую оправу.
Хоть залы здесь без окон и дверей,
Но как все зримо, как все величаво!

...И не горит, а дыбится огонь
Из-под камней, как будто из вулкана!
И к пеплу прикасается ладонь,
И обжигают лепестками канны.

Взывают к нам, живым, бессмертный час
И та любовь, что кровью запеклась,—
Вовеки не погаснет пламя жизни...

Аджимушкай вздымает над собой
Свод каменный, как будто шар земной,
Тебя саму вздымает,
Мать-Отчизна!

Перевел с украинского
Леонйд ВЫШЕСЛАВСКИЙ

ОГОНЬ

Уж сколько войн перегорело в нем
И столько судеб, столько солнц сгорело,
Что даже и в земле сырой огнем,
Огнем — и только! — становилось тело.
Он умирал и возрождался вновь,
Он гас и снова вспыхивал червонно,
Касался глаз и рук, рождал любовь,
Чтоб новым плодом наливалось лоно.
Да, что-то есть в огне от божества
Таинственно всевластного такого
И что-то есть — не подыскать слова —
От мысли и безумия людского.
Кончал войну, собой ее начав,
Закован с головы до ног в железо,
И от его неистовых забав
Назад, в пещеру, все живое лезло.
Ты был двуликим Янусом, огонь:
И «тиграми» рычал, подобно зверю,
И автоматом согревал ладонь
Матросова, поддерживая веру...
И, гусеницей танка скрежеща,
Корежа, раздирая и увеча,
Ты в бухенвальдских пожирал печах
Все, что имело облик человечий.
Ты закипал, как грозовой прибой,
Катил за валом вал неудержимо,
Чтоб землю в непорочности святой
Спасти от смерти и посеять жито.
Давай-ка взвесим все начистоту
До выстрела последнего слепого
И, подведя под перечнем черту,
Что перевесит, выверим толково.
Туда-сюда качаются весы...
Прошла война по городам и весям,
А встало солнце в капельках росы —
И мы его ничем не перевесим.
Сияй, Победа, в сполохах зари!
В Берлине повстречались, неречисты,
Мамаева кургана пушкари,
Рыбалко легендарные танкисты...
Один из них, сжимая сталь меча,
Над городом поднялся величаво,—
И девочка притихла у плеча
Бойца, что воевал не ради славы.
Победа из побед! Повержен враг!
И, как венец невиданной отваги,
Взметнулся над рейхстагом красный стяг,
И золото звезды на алом стяге!..
А солнце начинало новый день
В восточном полушарии, как прежде,
В рассвет аулов, сел и деревень
Шли пахари, лишь в воинской одежде.
Но возвращались в дом родной не все —
И перед тем, как праздновать Победу,
Мы дали волю горестной слезе...
Кто горя больше нашего изведал?!
Отечественная, сказала ты
Не за одно отечество на свете!
Горит огонь у каменной плиты —
И вечно его чувствовать планете.

Перевел с украинского
Николай ТАРАСЕНКО.

Таня Федорова с членами бригады Полиной Гришиной и Зиной Ждановой в шахте. 1937 год.

ПОКА БЬЮТСЯ НАШИ

Татьяна Викторовна и Валерий Павлович Чкалов в президиуме на встрече метростроевцев. 1937 год.

Т. В. ФЕДОРОВА,
заместитель начальника московского Метростроя, Герой Социалистического Труда

Татьяна Викторовна Федорова — участница состоявшейся недавно в ЦК КПСС встречи с ветеранами партии — за полвека прошла большой путь от землекопа и бетонщицы до одного из руководителей прославленного коллектива московского Метростроя. Она была делегатом XVIII съезда партии. Вся ее сегодняшняя жизнь и работа теснейшим образом переплетаются с событиями далеких тридцатых годов, годов юности нашего государства...

Корреспондент «Огонька» ГАЛИНА КУЛИКОВСКАЯ попросила ТАТЬЯНУ ВИКТОРОВНУ поделиться своими впечатлениями о знаменательной встрече.

— Каждый новый день все больше отдаляет от нас то солнечное утро пятнадцатого августа нынешнего года, но событие так запечатлелось, так живо, будто все произошло только вчера. На Спасской башне десять. Мы с Марией Ивановной Виноградовой волнуемся. Василий Петрович Виноградов, член КПСС с 1915 года, уже здесь. Я встречалась с этим закаленным большевиком, верным ленинцем на съездах комсомола, на слетах победителей похода молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы — в Москве и Минске. Стоим разговариваем с ленинградцами, а меня окликают: «Сестренка, здравствуй!» Ну, конечно же, это мой однофамилец, бывший секретарь подпольного обкома партии, действовавшего на территории, оккупированной гитлеровцами, дважды Герой Советского Союза Алексей Федорович Федоров. Вижу Алексея Гавриловича Жаворонкова, он был первым секретарем Тульского обкома партии в пору Великой Отечественной войны, Терентия Семеновича Мальцева, которым всегда восхищаюсь, поэта Александра Жарова, Антонину Степановну Тюфаеву, работавшую секретарем райкома партии в Москве...

Входим, рассаживаемся за столами. Но вот Юрий Владимирович

Председатель Всесоюзного Совета по комплексу ГТО летчик-космонавт А. А. Леонов и член этого Совета Т. В. Федорова. 1983 год.

СЕРДЦА...

Депутаты Моссовета И. И. Гудов, Л. А. Львова — бригадир чеканщиков Метростроя, Т. В. Федорова и А. П. Волкова — студентка Промакадемии. 1940 год.

Андропов заботливо спрашивает: «Удобно ли всем, товарищи? Хорошо ли видно и слышно? Не обязательно подходить к трибуне, можно говорить и с места...» Сразу создается обстановка доверительности. Я до того расхрабрилась, что потом тоже взяла слово, хотя и не думала, что буду выступать, не готовилась заранее. У меня не было с собой никаких записей.

Выступления ветеранов партии были глубоко продуманными, биография каждого не просто даты и факты, а живые страницы истории партии, облик поколения, портрет, в котором просматриваются черты миллионов. Неизгладимое впечатление произвело выступление Юрия Владимировича Андропова. В нем и оценка всего того, что здесь говорилось, и очень точно сформулированы конкретные задачи, поставленные перед нами, ветеранами. А как хорошо сказал он о молодежи! «...Каждое новое поколение в чем-то сильнее предыдущего, знает больше, видит дальше». «Время работает на молодость». Крайне важно привить ей такой взгляд на жизнь, чтобы она не ставила материальные блага превыше всего. Духовное богатство «не положишь в кошелек и не повесишь ради престижности на стену...». Слова Юрия Владимировича Андропова о молодежи особенно близки мне. Моя жизнь неотделима от комсомола — и по непосредственной работе на Метрострое и по общественным обязанностям, которыми я очень дорожу.

— Татьяна Викторовна, вы член Центрального штаба Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы, член Комитета советских женщин со дня его основания в 1941 году, были делегатом конгресса МДФЖ в Париже... А какие у вас обязанности еще?

— Член художественного совета МХАТа, тут связи давние, со времени незабвенного Константина Сергеевича Станиславского, связи, перешедшие в дружбу со многими актерами — Аллой Константиновной Тарасовой, Марком Исааковичем Прудкиным, Ангелиной Осиповной Степановой... Я член Всесоюзного комитета по комплексу ГТО, возглавляемого летчиком-космонавтом Алексеем Архиповичем Леоновым. Лозунг «Физкультура для всех» поднимает людей даже весьма преклонного возраста. Что же касается меня, то спорт, физкультура — моя стихия. Еще девчонкой, жили мы тогда на Гоголевском бульваре, бегала наперегонки с «Аннушкой» — трамваем, который ходил по бульвару. Когда работала на «Каучуке» — волейбол. Недавно подружка той поры принесла мне фотографию, где я с мячом,— как же, капитаном команды была. Позже участвовала в физкультурных парадах и спартакиадах. В забеге на тысячу метров финишировала с хорошим результатом.

— В своем выступлении Юрий Владимирович Андропов сказал, что каждый ветеран партии, каждый ветеран труда должен быть наставником молодежи. Расскажите, пожалуйста, о наставничестве на Метрострое.

— Как раз к этому вопросу я и хотела перейти. Трудно переоценить значение походов по местам боевой, революционной и трудовой славы для формирования характера молодого человека, его мировоззрения, основанного на патриотизме, любви к Родине, готовности ее защищать. В походах участвуют тысячи юношей и девушек. Но есть еще один метод воспитания, который достигает наибольшей эффективности,— работа с каждым человеком в отдельности, воспитание личным примером. Николай Алексеевич Феноменов — совесть и гордость Метростроя. Удостоен звания Героя Социалистического Труда «за трудовое мужество и героизм, беззаветное служение делу рабочего класса». Именно такая формулировка была в Указе Президиума Верховного Совета СССР. До войны слесарь, рабочий шахты, спортсмен-перворазрядник, вместе с ним прыгали с парашютами. В войну комсомолец Феноменов стал сапером. В одной из операций на фронте подорвался на мине, лишился кистей обеих рук. Долгие годы лечения, и он, инвалид первой группы, снова пришел на шахту. Не только повидать друзей — работать. «Не могу без Метростроя!» Окончил техникум, теперь работает старшим инженером по техучебе. Разве такой человек не увлечет молодежь, не поведет за собой? Феноменов возглавляет у нас совет наставников Метростроя. Депутат Верховного Совета СССР Александр Сергеевич Суханов, бригадир проходчиков, и я — заместители Феноменова на этом посту. Можно было бы многое рассказать и о Суханове, его двадцати учениках, ставших бригадирами. Оба они — Феноменов и Суханов — завели строгие правила: каждый из наставников — а их у нас восемьсот тридцать — отчитывается периодически о своем шефстве над подопечными. Организована учеба и для самих наставников — у нас есть свой университет.

— Если не ошибаюсь, кажется, еще в 1973 году вам, Татьяна Викторовна, был вручен Почетный знак ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС «Наставник молодежи». Расскажите, пожалуйста, о себе, своих наставниках и своих воспитанниках...

— О себе...

Татьяна Викторовна задумалась, встала, подошла к увеличенной со старого снимка фотографии на стене. Всмотрелась в лицо женщины с пышной короткой стрижкой и крупными, волевыми чертами... Высокий лоб, чудесные волосы, добрые глаза...

— Моим первым наставником, моим верным другом была мама. На ее долю выпало немало горя: отец умер очень рано. С большим трудом поставила нас троих на ноги в то голодное время — начало двадцатых годов. Конечно, главной ее заботой было как-то прокормить и одеть нас. Но, как ни трудно это доставалось, она находила время для того, чтобы прочесть хорошую книгу. Любовь к чтению привила и нам. Очень любила театр. Когда мы жили какое-то время в деревне, ходила в кружок художественной самодеятельности, играла даже Ларису в «Бесприданнице». Как ни тяжко нам жилось, не сгибала ни перед кем спины, презирала лесть и уважала людей правдивых. Человек твердого, порой крутого характера, мама в то же время никогда не навязывала нам своей воли. Помню, пришла я из школы и говорю: «Пойду в ФЗУ при «Каучуке». «Ты твердо решила?» — спросила мама.— Тогда иди!» «Мама, меня в члены райкома комсомола выбрали! Справлюсь ли?» «Думай, и серьезно думай, как оправдать такое большое доверие,— напутствовала мама.— Приложи старание»... «Мама, я прыгну с парашютом. Хочу самолет изучить». «А тебе не страшно? Но если ты решила — добивайся». А сама при этом побледнела.

Был у меня в детстве и юности еще один воспитатель — труд, самый настоящий физический труд. В школе мы, девчонки, строгали вместе с мальчишками детали для табуреток и вытачивали гайки. А в седьмом, последнем классе полгода, не прекращая учебы, жили и работали в совхозе. Спали на топчанах, на мешках и наволочках, набитых соломой. С рассвета — на поле и в сад, днем — уроки под навесом, вечером — самодеятельность в совхозном клубе. Я читала своего любимого Маяковского, «Левый марш». Потом танцевали лезгинку. В том совхозе я получила первую в своей жизни похвальную грамоту за ударный труд.

Очень правильно подняла наша партия вопрос о трудовом воспитании, о школьной реформе. Есть в этом острая необходимость.

О моих воспитанниках... За свою жизнь я многих людей рекомендовала в партию. В 1943 году, например, в кандидаты члена партии — Татьяну Рожкову. Она из гвардии тех московских комсомольцев, которые пришли на Метрострой в начале Великой Отечественной. До того работала кассиром в Госбанке, сама попросила, чтоб ее направили к нам. Освоила профессию бетонщицы, тюбингщицы, потом мою — чеканщицы. Возглавила бригаду. Вообще была активной, решительной дивчиной. В сорок третьем мы строили Замоскворецкий радиус. Комсомольцы избрали ее своим вожаком, была заместителем секретаря комитета. После войны Татьяна окончила техникум. И еще много лет работала, была начальником смены. Она выступала от имени Метростроя в Кремле во время вручения столице ордена Ленина в связи с 800-летием Москвы. В Третьяковской галерее можно увидеть ее портрет, выполненный художником Ефановым. Кстати, это одна из самых удачных его работ, она была воспроизведена на страницах вашего журнала. А вот пример другого рода. Большое участие пришлось мне принять в трудной судьбе Лиды Ч. Я тогда работала начальником шахты. Она рассказала мне о себе. Была главарем шайки, грабила магазины. И вот решила: «Гражданин начальник, возьмите меня на работу». Взяли. Работала по совести. Оказалась способной, сдала все экзамены на пятерку, назначили бригадиром чеканщиков. Приоделась. И вдруг исчезла. Как выяснилось, запила. Через несколько дней пришла с повинной. На первый раз простили мы ее. Однако Лида не угомонилась да еще драку затеяла. Снова: «Простите, больше не буду». Опять простить? Но иногда именно самая строгая мера оказывается наиболее действенной. Подписала приказ об увольнении. Лида при-

Любимые племянницы.

Фото А. Награльяна

ходила каждый день и стояла возле шахты. Не могла она жить без коллектива, который принял ее. Написала начальнику Метростроя очень длинное письмо, просила поверить в последний раз. Я его храню как человеческий документ большой искренности. После того Лида почти тридцать лет проработала у нас, освоив все наши трудные подземные профессии. Оттолкнуть человека проще всего, сложнее перевоспитать.

— Татьяна Викторовна, вы как заместитель начальника Метростроя занимаетесь и вопросами кадров. Что бы вы хотели сказать о современном поколении метростроевцев?

— Оно удивительно напоминает метростроевцев тридцатых годов. По боевитости и смелости в решаемых задачах, по самоотверженности в труде. Наконец, по демографическому составу. Если вы помните, первые линии в Москве строили не только москвичи, но и шахтеры, рудокопы Урала, Донбасса, Кавказа, землекопы Днепростроя... И сейчас очень многие наши работники — это жители самых разных городов страны. Стали москвичами. Положение такое же, как и на других стройках столицы. Но одновременно происходит и иной процесс: людей, прошедших нашу школу, можно встретить на крупнейших стройках страны. Начальник Бамтоннельстроя, наш Володя, Владимир Асламбекович Бессолов, был у нас сменным инженером. У него много наших проходчиков, которым доверили бригады, и работают они успешно. Об этом писал мне из Бурятии Виктор Мясников, метростроевский проходчик, а там он бригадир. В июне этого года я вручала диплом лауреата премии имени Ленинского комсомола Николаю Кустову. Сам он из Калининской области. Несколько лет назад прибыл к нам из армии по комсомольской путевке. Освоил незнакомое ему проходческое дело, стал бригадиром. Его коллектив «продавливал» очень трудный участок тоннеля под действующей железной дорогой — это новое слово в технологии тоннелестроения. Операция послужила темой его дипломной работы по окончании техникума, в котором он занимался без отрыва от производства. Или бригадир проходчиков Сергей Сивец. Ему присужден диплом ВДНХ и удостоверение на приобретение автомобиля «Москвич». В подарок... Но вот что выгодно отличает нынешнюю молодежь: подавляющее большинство парней приходят к нам с оконченным средним образованием. Взять бригаду того же Кустова: все двенадцать человек окончили десятилетку. Накануне учебного года я проводила совещание. Так некоторые директора вечерних школ взмолились: у нас недобор учащихся. А я обрадовалась — грамотная, образованная идет к нам молодежь. Это видно и по ее культурному уровню. Пройдите по общежитиям. Поинтересуйтесь, что здесь читают, какую слушают музыку. Мне было, например, очень приятно, когда в одной из комнат общежития услышала Рахманинова. На полочке стояли пластинки с Бахом и Чайковским...

...На низеньком круглом столике в углу — ворох писем, открыток, праздничных поздравлений. С разрешения хозяйки дома просматриваю некоторые из них. Разные языки, разные штемпели. София и Ереван, Берлин и Ташкент, Париж и Прага... Раскрываю один из конвертов, а в нем крупным, размашистым почерком строчки лесенкой. Стихи... «Живет и ныне юность в твоей хватке. В твоих глазах, в улыбке озорной... Трудом своим ты юность сохранила, ты сберегла тридцатых лет настрой...»

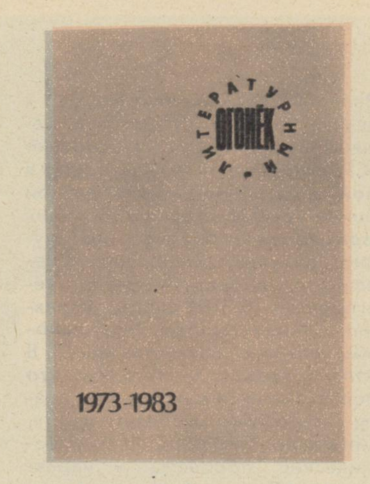
— Вы очень счастливая,— замечаю,— вас помнят, уважают, любят. Знаю, судьба сводила вас в разное время с выдающимися людьми нашей эпохи. Вам довелось встречаться с Георгием Димитровым, он спускался в шахту на субботники, с вами беседовали Надежда Константиновна Крупская и Михаил Иванович Калинин, вы были у Станиславского, были дружны с Валерием Чкаловым и сейчас бываете у его жены Ольги Эразмовны, встречались с Долорес Ибаррури, Густой Фучиковой, Эжени Коттон... Как доносите бесценное богатство общения с такими людьми до молодежи?

— Я написала об этом книгу, она издавалась дважды. Часто выступаю, редкий вечер у меня свободен. Совсем недавно, например, была на педсовете учителей Москвы. Вы знаете, о чем я им напомнила? Об одной совершенно замечательной идее, которую подал в тридцать восьмом году, вскоре после первой сессии Верховного Совета СССР, Валерий Павлович Чкалов. Он предложил написать от имени группы депутатов обращение к знатным людям страны, с тем чтобы они почаще бывали в школах и на предприятиях, беседовали и встречались с молодежью, чтобы взяли шефство над юностью. Сейчас мы бы это сочли одной из форм наставничества. А ведь это было почти полвека назад, и можно лишь удивляться, насколько то обращение созвучно сегодняшнему дню. Его подписали тогда Чкалов, Москвин, Гудов, Бурденко и я. Оно было опубликовано в газетах и получило самый широкий резонанс. К величайшему сожалению, в тот день, когда Чкалов должен был по поводу обращения выступать перед учителями в их Доме, пришла страшная весть о его трагической гибели. По его поручению, сделанному утром, до отъезда на аэродром, выступала я. И еще тогда поняла, какая огромная ответственность лежит на нас, старших, на тех, кто остается...

Товарищ Андропов говорил, обращаясь к нам, что с молодежью надо работать, и работать постоянно, учитывая ее особенности, новые условия, в которых она живет.

На следующий день после встречи в ЦК КПСС мы, участники этой встречи, шли к Ленину. Чеканя шаг, молодые воины несли цветы. Огромный венок лег у подножия Мавзолея. Мы спустились в Мавзолей. Вдруг я почувствовала, что рука Василия Петровича Виноградова, опиравшаяся на мою, дрогнула. Он выпрямился. Остановился. А вместе с нами замер и весь строй товарищей, идущих следом. «Дорогой Владимир Ильич,— сдержанно, торжественно падали в тишину негромко произносимые им слова,— мы выполним твои заветы. Пока мы живы, пока в нас бьется сердце, мы сделаем все для того, чтобы подготовить себе смену, передать молодым свои знания и опыт, свою веру в великое дело, начатое тобой...» Великую клятву мы дали вождю. За молодыми будущее нашего Советского государства, нашего социалистического общества!

ЛЕТОПИСЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ



Издательством «Правда» выпущена в свет книга «Литературный «Огонек». 1973—1983».

Небезынтересно для начала сделать несколько простых подсчетов. За год журнал выходит 52 раза, следовательно, за 10 лет — 520. В журнале 32 страницы (не считая обложки и цветных вкладок). За 10 лет получается 16 640 страниц — отсюда понятно, что выбор у составителей был обширный.

В предисловии от редакции сказано: «В 1973 году, когда журналу «Огонек» исполнилось пятьдесят лет, издательство «Правда» выпустило сборник под названием «Литературный «Огонек». Сборник этот стал своеобразной летописью советской литературы: в него вошли произведения, публиковавшиеся в журнале за полувековой период. Среди авторов были Максим Горький и Владимир Маяковский, Дмитрий Фурманов и Сергей Есенин, Михаил Шолохов и Александр Фадеев, Александр Серафимович и Леонид Леонов, писатели более молодых поколений.

Ныне «Огоньку» исполнилось 60 лет, и вот редакция представляет на суд читателя новый сборник. В него включены стихи, рассказы, отрывки из повестей и романов, очерки, опубликованные на страницах журнала за минувшие десять лет — с 1973-го по 1983 год. Это как бы продолжение летописи, по которой читатель, хотя, конечно, и не в полной мере, может судить о жизни и достижениях советских людей, о дальнейшем развитии нашей литературы.

Сборник содержит также произведения зарубежных писателей, материалы, рассказывающие о событиях международной жизни».

«Литературный «Огонек». 1973—1983». Издательство «Правда». Москва. 1983. 640 стр.

Здесь уместен еще один подсчет. Сборник содержит произведения 146 авторов, но необходимо учесть еще и отличных переводчиков, а число переводных произведений — 44. Это говорит и о многонациональности авторского состава книги.

Сборник открывается рассказом «Времена года», принадлежащим перу известного у нас в стране индийского писателя Кришана Чандра, пишущего на языке урду, а заканчивается «Новогодней сказкой» Сергея Михалкова. Между этими — разделенными десятью годами — маленькими рассказами уместились стихи и прозаические произведения, которые запечатлели движение жизни и литературы за прошедшее десятилетие.

Даже краткий перечень имен писателей, участвующих в сборнике, дает представление о широте и разнообразии его содержания.

Фаиз Ахмат Фаиз и Михаил Алексеев, Виктор Астафьев и Ираклий Абашидзе, Павел Антокольский и Жан Бриер, Фазу Алиева и Петрусь Бровка, Юрий Бондарев и Николас Гильен, Моин Бсису и Расул Гамзатов, Иван Стаднюк и аль-Хамиси, Вадим Кожевников и Эдуардас Межелайтис, Анатолий Иванов и Суан Куинь...

Сборник выпущен стотысячным тиражом.

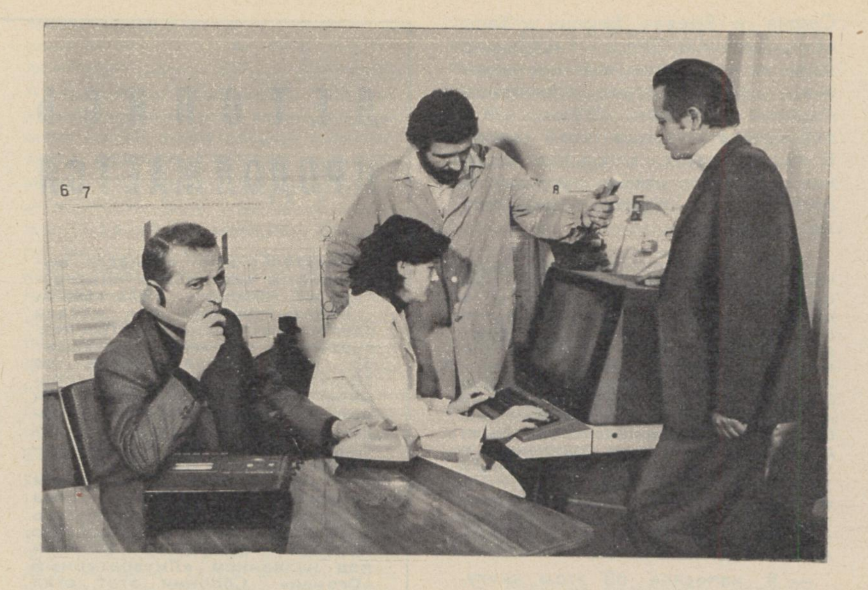
НОВИНКИ МОДЫ

В Ленинграде с большим успехом прошла выставка «Женщина и мужчина», организованная Союзом внешней торговли Финляндии и объединением «Экспоцентр» Торгово-промышленной палаты СССР, на которой были широко представлены товары финского производства. У финских модельеров свой стиль. Их одежда практична, удобна, элегантна, изящна и выполнена из добротных тканей. Особенность моделей одной из самых популярных на выставке фирм — «КАТИ — МЮНТИ» — заключается в том, что они долго не выходят из моды и служат человеку в труде и на отдыхе, формируя его вкус и повышая культуру. Даже нарядные платья не претендуют на большую торжественность, и носить их можно в любой обстановке. Может быть, именно поэтому товары финского производства пользуются у нас в стране таким спросом. Главной чертой коллекции моделей одежды финских фирм является художественная выразительность, функциональность и свободное комплектование ее отдельных элементов. Художники-модельеры Финляндии всегда в поиске новых форм и решений. Очень интересны представленные на выставке изделия фирмы «Суомен трикоо» из трикотажа. Яркие, красочные модели легки, практичны и удобны. Они особенно популярны сейчас во всем мире. Цель подобных выставок — ознакомить советских зрителей с творческими поисками финских художников и заключить долгосрочные договоры о товарообороте.

Г. ВОЛЕВИЧ

Александр ЩЕРБАКОВ

И, ПОДУМАВ, МАШИНА СКАЗАЛА...



Экспериментальную проверку сравнительной эффективности общения человека с ЭВМ ведут Э. М. Медведев, И. В. Блондинова, И. Н. Хомицкий и В. В. Войнило.

Фото В. Денисова

Валерий Владимирович уезжал в Москву. Миссия предстояла необычайная: обосновать в Госплане СССР потребность министерства в новой электронно-вычислительной машине. Выбор пал на Валерия Владимировича Войнило не случайно: он главный инженер Специального проектно-технологического бюро (СПТБ) систем управления Министерства жилищно-коммунального хозяйства БССР. В Госплане, правда, знали о том, что белорусские коммунальники создали искусственный «Интеллект», помогающий моделировать экономические процессы и управлять ими. Однако были и сомнения. Подобных систем нет даже в самых развитых отраслях индустрии, а вот в минжилкомхозе Белоруссии появилась. Мудрено ли, что пока верх брал скепсис? Тем более есть и теоретики и практики, вообще отвергающие надобность в таких системах.

Инженер из Минска рассказал в общих чертах о новшестве и предложил для убедительности набрать заветный номер минского телефона... Набрали. «Вы вошли в контакт с системой оперативного управления «Интеллект»,— заговорила трубка человеческим голосом.— Введите запрос».

Диалог с роботом убедил. Миссия в Москву завершилась успешно: для совершенствования «Интеллекта» Госплан СССР выделил ЭВМ новейшей модели.

...Управлять громадным хозяйственным механизмом все труднее и труднее. Возьмите Министерство жилищно-коммунального хозяйства БССР — двадцать совершенно разных направлений деятельности, более семисот объединений и предприятий, десятки тысяч работающих... А надо не просто охватить хозяйство руководящим взглядом, получить информацию о результатах выполнения планов и дать дежурные указания. Надо понять тенденции развития отрасли, их связь с другими сферами жизни, правильно оценить успехи, просчеты, проблемы, увидеть перспективы. Когда Артур Иосифович Безлюдов вступил в должность министра, он поставил себе задачей детальнейшим образом рассмотреть взаимосвязи всех звеньев аппарата, определить, ту ли нагрузку они несут, какова их отдача, нет ли надобности усовершенствовать взаимосвязи? Задача казалась простой, да как к ней подступиться? Министр решил, что нужны специалисты, способные разобраться в сложившихся структурах и дать заключение. Только вот где их взять, таких специалистов?

Как нельзя более кстати началось внедрение в народное хозяйство автоматизированных систем управления. Ясно, что нужен был такой центр и министерству. Артур Иосифович принял идею, но принял ее нестандартно. «Ну, хорошо,— рассуждал он,— приобретем АСУ, и система будет давать в конце месяца, квартала или года данные, кто и как выполнил план. Но стоит ли держать ЭВМ на роли очень дорогого арифмометра?» И тогда решили ограничиться минимумом вычислителей. Зато собрать в центре специалистов, владеющих основами экономики, методами управления и организации хозяйства, а также прогнозирования. К счастью, такие нашлись. Хотя поиск затруднили пробелы высшей школы: кибернетиков-экономистов до сих пор готовят в ограниченном числе. Нашлись своего рода самоучки. Молодые, пытливые, интересующиеся как раз «ездой в незнаемое».

Естественным продолжением первого стал второй этап. Специалисты дали анализ действенности отраслевых структур, и министр увидел то, что прежде уяснил теоретически: чем совершеннее подход к управлению, тем в большей степени он должен носить комплексный характер. Какой смысл приспосабливать реактивный двигатель к телеге?! Вскоре начался так называемый «брестский эксперимент».

Заключался он в том, что в Бресте опробовали новую организационную структуру управления жилищно-коммунальным хозяйством. Она позволяла перераспределить функции управления между министерством и органами Советов народных депутатов таким образом, чтобы исключить параллелизм и дублирование, наносящие вред делу. Областной механизм приобрел большую гибкость: повысилась экономичность служб. Трехлетний опыт работы убедительно свидетельствует об этом. Объем жилищно-коммунальных услуг в расчете на одного городского жителя увеличился в Бресте по отношению к среднеотраслевому уровню почти вдвое. Выросла производительность труда, сократилась текучесть кадров. Втрое снизилось количество претензий к качеству выполняемых работ.

Одновременно руководители министерства искали оптимальные, как принято говорить в деловых кругах, структуры центрального аппарата. Подтвердилась справедливость соображения, что вычислительный центр, владеющий, образно говоря, лишь четырьмя действиями арифметики, слишком большая роскошь. Сами прогрессивные начинания, которые начали осуществляться в министерстве, подсказали организацию, более удобную и выгодную с точки зрения нынешней потребности. Вот ей-то и дали название Специальное проектно-технологическое бюро систем управления. По своей структуре и функциям это институт, решающий прикладные проблемы отрасли.

...Итак, машина заговорила человеческим голосом: «Вы вошли в контакт с информационно-управляющей системой «Интеллект»...» Например, министру нужен прогноз выполнения плана по основным показателям. Он набирает нужный номер телефона. «Интеллект» включается и, «подумав», дает информацию. Министр готовится принять решение по развитию водоснабжения, и система «Интеллект» предлагает ему на выбор несколько вариантов, каждый, естественно, с аналитическими выкладками.

Поле деятельности системы неограниченно. Сейчас, например, целая армия экономистов рассчитывает режимы водоснабжения республики. Специалисты СПТБ доказали, что с помощью «Интеллекта» можно весь процесс перевести на автоматизированный режим без капитальных вложений. Расчеты заложены в ЭВМ, информация от насосных станций дает реальный баланс. И машина моментально выбирает режим, нужный тому или иному району города. Быстро, дешево, надежно.

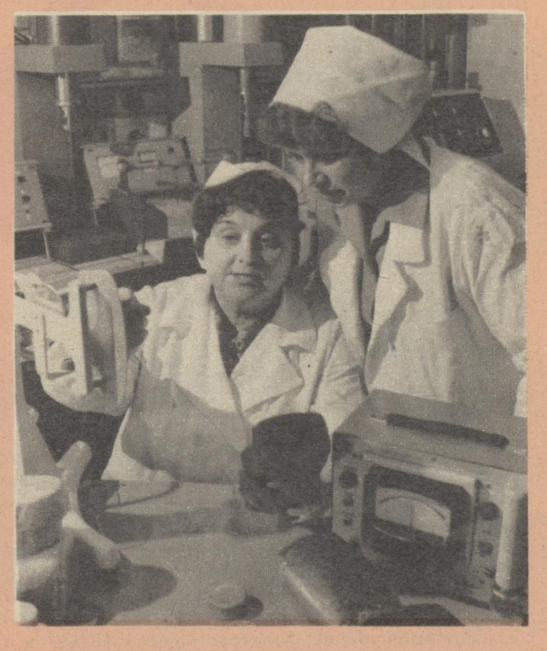
«Интеллект» берется помочь отрегулировать ритм движения городского транспорта; помочь рассчитать потребность в рабочей силе и материалах на каком-то объекте; подсказать скорейший путь совершенствования обслуживания квартиросъемщиков и может даже напоминать по телефону некоторым из них — самым нерадивым — о необходимости платить в срок за квартиру и коммунальные услуги. И едва ли не самое ценное, что сулит «Интеллект»,— возможность перейти на безбумажное управление. Сколько сил и времени высвободится тогда у людей для более полезной, творческой работы!

Рассказываю о технике, а мысли — о людях. Чем больше узнаешь о новаторстве Министерства жилищно-коммунального хозяйства БССР, тем очевиднее закономерность: вокруг специалистов, которые отважились на поиск, собираются энтузиасты, талантливые натуры, незаменимый в кипучей жизни народ. Эдуард Михайлович Медведев пришел из крупного производственного объединения, Валерий Владимирович Войнило — из управления Белорусской железной дороги. У того и другого было хорошее положение, вполне приличный заработок, условия, от которых иной человек до пенсии и не подумал бы отказываться. А они отказались, выбрали другую отрасль, только бы начать дело новое, пусть и весьма рискованное. Медведев возглавил СПТБ систем управления, а Войнило стал главным инженером. Коллектив создавали по принципу: на первые роли выбирать тех, кто способен быть генератором идей; а рядом с ними — те, кто умеет не просто уловить суть предлагаемого, но способен материализовать идею. Забот уйма. Разработка методики, моделирование аналитических процессов, изучение возможностей приобщения к системе новых машин. С завидной смелостью делают свое дело Ирина Васильевна Блондинова, Игорь Николаевич Хомицкий и многие другие специалисты.

И еще одна деталь, характеризующая подход кибернетиков из Специального проектно-технологического бюро к жизни. Медведев и его коллеги умеют искать полезное за пределами своих кабинетов и лабораторий. А ищущий, как известно, всегда находит. Таким неоценимым вознаграждением оказалась встреча Эдуарда Михайловича Медведева с Борисом Мефодьевичем Лобановым. У Лобанова лаборатория в минском отделении НИИ связи Министерства связи СССР. Самое главное, что дала эта лаборатория «Интеллекту», — синтезатор речи. Устройство, способное в ответ на вопрос взять из памяти электронной машины нужную информацию и сообщить ее натуральным человеческим голосом, близким к тому, какой многие, вероятно, слышали в научно-фантастических фильмах. Синтезатор Лобанова будто специально для «Интеллекта» создан. Приведу цифры: за пятнадцать минут система «Интеллект» способна предложить решения, изучив при этом около пятнадцати миллионов знаков информации. Для сравнения скажем, что на одной странице машинописного текста умещается около двух тысяч знаков. Приобщение «Интеллекта» к отраслевым делам сулит значительный экономический эффект.

Минск.

У этого хлеба пока нет даже названия. «Название будет, был бы хлеб» — Нина Васильевна Кузнецова отворяет дверцу небольшой печи, и комнату заполняет густой хлебный аромат...



Научные сотрудники института хлебопекарной промышленности А. А. Крамынина и Н. В. Кузнецова.

Фото М. Савина

К. БАРЫКИН

Свидетельствую: это совершенно новый хлеб. И не потому, что есть такой прежде не доводилось. И не оттого, что нет его ни в одной булочной. Вообще новый, хлеб-открытие. Он не похож ни на орловский, ни на паляницу, ни на ржаной. Есть в его вкусе что-то от забытого пеклеванного. Но это и не пеклеванный. Даже бывалые хлебопеки не отыскали аналогий, переворошив в памяти весь хлебный ассортимент.

Признанный знаток русского быта, беллетрист и этнограф Сергей Васильевич Максимов (нам он известен как составитель отличного словаря крылатых слов) так написал еще в прошлом веке: «Хлеб ржаной и пшеничной муки низших сортов пшеницы — самый питательный». И продолжал: «...из мало просеянной муки (значит, с отрубями.— **К. Б.**), каким довольствуются наши деревни, еще питательнее и требует лишь привычного и сильного желудка».

Да что там старина седая! Ныне институт хлебопекарной промышленности дает и сугубо современное толкование: идея сохранения всего комплекса пищевых веществ пшеницы и ржи не является новой. «Человечество в самом раннем периоде своего развития бессознательно воплотило в жизнь именно эту идею»,— говорится в научном отчете. Это понятно: как при тогдашней-то технике отделить муку от отрубей?..

Но появились на мельницах новые жернова, настал черед муки крупитчатой, кипенной белизны. Караваи из нее красивые, подбоченившиеся, пышные. Да и вкусен такой хлеб. Калач ли, крендель, булка — на все горазда крупчатка. И вчерашнюю неказистую буханку сравнить с ситным не всякий решался, проигрывает она в таком сравнении. И постепенно отрубяной хлеб стали забывать.

Белки, витамины, минеральные соединения да и клетчатка, выводящая из организма канцерогенные вещества. Все это есть в зерновой оболочке. И все это выбрасывается вместе с отрубями, не входит да и не может войти в ту самую, пышную и ладную, отменного вкуса паляницу. Несъедобны отруби, да к тому же и изнежены мы, избалованы: подавай пшеничные караваи!

...Разламываем буханку — она меньше обычной. Мякиш упруг, в меру ноздреват и ароматен, еще не отпустил тепло печи, но уже не обжигает.

— Видите, хлеб белизной не отмечен. Чуть сероват, но испечен из хорошей пшеничной муки.— Сотрудник ВНИИ хлебопекарной промышленности Алевтина Алексеевна Крамынина придирчиво рассматривает разлом, словно и ей в новинку такой цвет хлеба.— Хотя помню, в довоенную пору пекли похожий — не по составу, а внешним видом — хлеб, который мы так и называли «серым». Любили его за кислинку, а может, за сытность, о чем, правда, не говорили.

— В муку подмешаны отруби,— продолжает Крамынина.— Не нашли их? Так и должно быть. Предусмотрено технологией.

Удалось то, что раньше не получалось. Может, оттого не получалось, что за измельчение отрубей никто не брался, ведь непосильная это задача для простой мукомольни. Всякий это знает. Знает, что неподатливы отруби, жернова с ними совладать не могут. Правда, отруби в чистый отход не шли — в комбикорм их подмешивают.

Целительная сила отрубей известна, повторимся, не с сегодняшнего дня. Не всегда могли объяснить, что к чему, но знали: грубая отрубяная лепешка, на которую и смотреть-то не хочется, такая лепешка полезна. Прежние доктора иным хирургическим больным рекомендовали и отрубяную похлебку, вроде бы она помогает заживлению ран...

А сегодня, в пору кулинарных новаций, кое-кто вообще не прочь объявить отруби панацеей. Самодеятельные «знатоки» зерновых диет рекомендуют щепоть отрубей подмешивать в салаты, варить из отрубей кисели. В общем-то правильно... Но не лучше ли сохранить отруби в хлебе? Не пускать их в мельничный отход, в ненужность? Над этой проблемой и задумался уже давно сотрудник института В. В. Щербатенко, известный среди пекарей человек, конструктор многих хлебов. И пытались даже смолоть зерно на хлебозаводе. Не пошло, не с руки задача... Вышли с предложением к специалистам по зерну, те отозвались пониманием. Но понимание — еще не новая мельница. Муку полную, без отхода, получили, но в лаборатории: что испечешь из горсти-другой? Хорошо, пусть не из горсти, из мешка? Процесс очень сложный, воспроизвести его в условиях обычной мельницы оказалось чрезвычайно трудно. А лучше сказать — невозможно.

...Сейчас поговаривают, что решение пришло неожиданно. Вроде бы случайно о работах хлебников узнали химики. Сработал «эффект стыка».

Группа специалистов научно-производственного объединения «Норпласт» (академик Н. С. Ениколопов с коллегами) Министерства химической промышленности СССР и Института химической физики Академии наук страны ответила однозначно: способ дисперсного измельчения отрубей знаем. Ученые и конструкторы помогли и в создании машинного обрамления нового процесса, приспособив для него экструдер... Это сейчас в пересказе все просто и легко: новый хлеб испечен и проверен.

Сейчас все просто, но поначалу новый хлеб не раз и не два огорчал сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института хлебопекарной промышленности Алевтину Алексеевну Крамынину и Нину Васильевну Кузнецову. Я выспрашиваю их об этом, но узнаю немногое: им представляется само собой разумеющимся, что хлеб долго не давался, не шел, проявлял характер и непоследовательность.

Технологическая часть работы заняла без малого три года. А окончательная отработка состава муки (так считают ученые) до сих пор не сделана. Невозможно ее завершить, не имея в достатке машин для помола зерна. Машины вроде бы есть, но неэкономичные, энергоемкие. И не только в этом их беда. В процессе помола агрегат так разогревает муку, что она теряет часть свойств, изменяется ее ферментный состав, мука словно бы обсахаривается, «карамелизуется»,— по терминологии специалистов. Словом, начинаются вовсе не желательные изменения. «Подлечить муку можно,— замечает Крамынина,— но сделать это в заводских, не в лабораторных условиях очень трудно».

И в то же время новая технология удобна. Когда готова закваска, то хлеб можно выпечь за три часа — тесто подходит споро, ровно. Получается быстрый и вкусный хлеб.

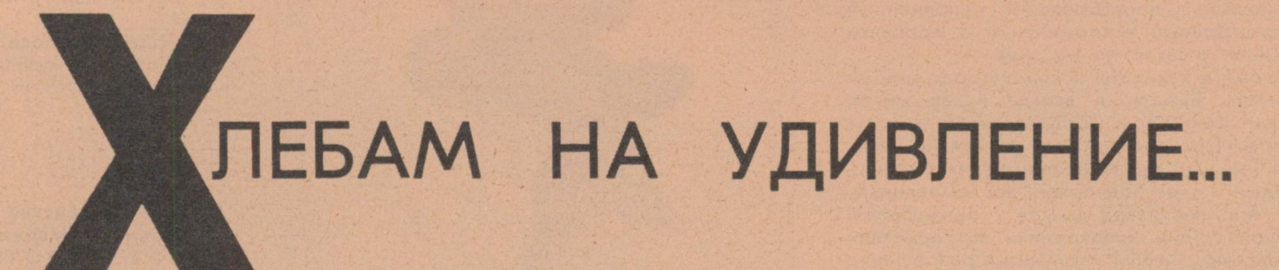
Его уже пекли в Балашихе, это под Москвой, хлеб поступал в одну из тамошних столовых. Ели и нахваливали. Спрашивали: не домашней ли выпечки? «Заводской? Надо же: почему же такого раньше не было?..» Впрямь хлеб словно умелой и забытой домашней выпечки: будто из сеяной муки. «Но по вкусу и по пищевым достоинствам лучше»,— говорят мне, показывая отзывы. Хлеб дегустировали в столовой института, у химиков, на одном из промышленных предприятий; дегустировали и специалисты-диетологи. На одной из кафедр Первого московского медицинского института профессор К. С. Петровский и кандидат медицинских наук Б. П. Суханов провели полное исследование «зернового» хлеба и пришли к выводу, что «хлеб, выпеченный из муки, выработанной из целого зерна», обладает высокой биологической ценностью и в то же время имеет меньшую, чем привычные хлебы, калорийность; оказывает благоприятное влияние на состав крови, способствует снижению в ней содержания холестерина... Медики предсказали, что зерновой хлеб даст возможность «массовой профилактики атеросклероза». Не исключено, что откроет хлеб и такую свою грань (она в принципе уже объяснена), как предупреждение раннего старения организма.

Может, читатель осудил мою осторожность в ссылках на суждения ученых? Осторожность эту подсказала практика. По опыту знаю, кое-кто прочтет такие строки и поспешит в ближайшую булочную, будет спрашивать (не просить, а требовать) новый хлеб. Но нет его сейчас на конвейере хлебозаводов. Стало быть, и в булочных нет.

— Когда же в магазине появится этот хлеб? — спрашиваю я.

— Через семь — десять дней после того, как на мельницах установят экструдеры,— отвечают мне.

Остается лишь сказать что экструдер — та самая машина, которая и позволяет получать муку из зерна полного, вместе с оболочкой. Так что дело за машиностроителями. Если они хотят есть новый хлеб, пусть не очень мешкают...



ХЛЕБАМ НА УДИВЛЕНИЕ...

Анатолий **СОФРОНОВ**,
фото **А. МАСЛОВА**

Орлиный полет

Только что вернувшись из станицы Вешенской, я невольно потянулся к подготовленной коллективом «Огонька» и изданной десять лет назад в издательстве «Правда» книге, выпущенной тогда к 50-летию творческой деятельности Михаила Александровича Шолохова,— «Слово о Шолохове». Перечитал книгу со смешанным чувством уважения и удивления — столько в ней оказалось собрано удивительных по глубине статей и высказываний русских, советских и зарубежных писателей. В частности, в статье А. Хватова приведены размышления Л. Н. Толстого, высказанные в письме Н. Н. Страхову 3 марта 1872 года: «Заметили ли Вы в наше время в мире русской поэзии связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: — упадок поэтического творчества всякого рода — музыки, живописи, поэзии и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода — музыки, живописи (и украшения) и поэзии. Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности. Последняя волна поэтическая — парабола была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывет, бог даст, а пушкинский период умер совсем, сошел на нет. Вы поймете, вероятно, что я хочу сказать. Счастливы те, кто будут участвовать в выплывании. Я надеюсь...»

И дальше — мысли Л. Н. Толстого из «Исповеди» и Ф. М. Достоевского из «Дневника писателя».

«Я,— писал Л. Н. Толстой,— отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей».

Пророческое чувство будущего не изменяло, как известно, Толстому никогда.

Такие, очень во многом непохожие писатели, как Толстой и Достоевский, сошлись в оценке будущего, конечно, каждый по-своему.

«Я,— писал Достоевский в «Дневнике писателя»,— никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или сколько их там народится) будут все, когда-нибудь, образованны, очеловечены и счастливы».

И то, что было высказано Толстым о тех счастливцах, которые «будут участвовать в выплывании», очень близко и к мыслям Достоевского о будущем, а также о том, «что все наши девяносто миллионов русских (или сколько их там народится) будут все, когда-нибудь, образованны, очеловечены и счастливы». Гениальные предвидения. О них невольно думаешь, когда вновь направляешься в станицу Вешенскую, где всю свою жизнь живет Михаил Александрович Шолохов, для которого такие, казалось бы, необъятные понятия, как «народ» и «народность», всегда были, есть и навсегда останутся существом его творчества.

Оказавшись однажды в Вешенской и верхом на спокойном рыжем коне направляясь в один из хуторов, думал я о том, что и Григорий Мелехов мог бы вот так же, сидя на подушках казачьего седла, ехать по колхозной степи, уже немолодой, перегоревший, наполненный полынной горечью воспоминаний о прошлом и раздумьем о сегодняшних днях.

И поэтому в каких бы потом хуторах мне ни приходилось бывать, я всегда искал места, описанные Михаилом Шолоховым в «Тихом Доне» и в «Поднятой целине», и всякий казак чудился мне как бы сошедшим с их страниц.

...Каждый из нас подвержен воспоминаниям. Сорок пять лет назад вместе с режиссером Ростовской студии кинохроники мы приехали в Вешенскую, чтобы получить разрешение Михаила Александровича сделать о нем двухчастевой документальный фильм, название которого родилось само собой — «У тихого Дона». Я уже виделся с Шолоховым до этого в Ростове. Встреча же в его станице должна была состояться впервые. И вот тогда, в 1938 году, подъезжая к Вешенской, почувствовал я волнение. Да, здесь родился «Тихий Дон». Его герои были уже тогда зримы и осязаемы. И уже тогда чуть не в каждой казачке виделась мне Аксинья... Со временем это чувство отошло, но, забегая вперед, скажу, что и сейчас, уже в этом году, пусть даже не зрительно, но каким-то странным душевным ощущением на жарких улицах Вешенской и песчаных придонских берегах я как бы чувствовал дыхание Аксиньи, взгляд ее трагически лучистых глаз. И может быть, сейчас даже больше, чем сорок пять лет назад, когда солнечным полднем мы рассказывали Михаилу Александровичу о замысле этого короткого фильма. Помнится, Шолохов и не соглашался и не отказывался от наших предложений, а лишь улыбался и говорил: «А зачем это нужно?»

Разговор тогда закончился в его кабинете, где я жадно оглядывал письменный стол, мысленно представляя, что именно здесь писались страницы «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

В ту пору к кинематографу я не имел никакого отношения. Просто ростовские кинохроникеры обратили на меня внимание, потому что в стихах моих действительно были нескрываемая любовь к Дону и открытые, горячие симпатии к Шолохову... Помнится, фильм был сделан со всей хроникальной последовательностью, но даже хроника не смогла присушить щедрость донских берегов, широту степей и первозданную поэзию донской станицы.

...Мы сравнительно давно не виделись с Михаилом Александровичем, и вот теперь снова летел я в Вешенскую. Самолет должен был подняться около 8.30 утра, но что-то было не в порядке, и мы взлетели на уютном ЯК-40 в полдень. Я смотрел в окошко, ожидая, что скоро приземлимся в аэропорту станицы Базки, но оказалось, что аэропорт уже построен и в Вешенской. Это была первая небольшая, но неожиданная новость. Еще из самолета мы увидели секретаря Вешенского райкома партии Николая Александровича Булавина.

— Ждали вас раньше,— сказал он.— Теперь встретимся с Михаилом Александровичем в пять часов. Он ожидал вас к одиннадцати. Днем он теперь отдыхает. А вы как: отдыхать будете или поездим по району?..

— Нет, отдыхать не будем. Оставим вещички и поедем.

— Ну, тогда хотя бы перекусим,— сказал Булавин.

Вскоре мы оказались в гостинице, что, как и раньше, была расположена напротив райкома... Пока сидели за столом, Булавин рассказывал о районных делах:

— Несмотря на жару, мы прилично закончили уборку хлеба... В среднем взяли по восемнадцать центнеров... А есть хозяйства, где по тридцать и по тридцать пять... Ведь уже который год сушь... Животноводство у нас стало много лучше... Да вы сами увидите... И есть для вас сюрприз.

Мы поехали по дороге меж полей, на которых еще шли комбайны.

Булавин рассказывал нам о комбайнерах, отлично работавших в дни недавно закончившейся жатвы. Как-то незаметно мы выехали на новую дорогу.

— Новый комбайн «Дон» до нас не дошел... Пока нас вполне устраивает «Колос»... По нашим урожаям. А теперь я хочу показать вам орёлика...— вдруг сказал Булавин.— Помните, что Серафимович написал о молодом Шолохове?

— Еще бы! Слова об орёлике были вещими.

— Вот этого орёлика и поставили на кургане над всей округой.

Станица Вешенская сегодня * Михаил Александрович и Мария Петровна у себя дома. НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: М. А. Шолохов * Над Доном-рекой * Тачанка * У хутора Лебяжьего * Донской мотив * Свидетели минувших боев.

...И вдруг вдали на кургане мы увидели острый орлиный профиль. Мы подъезжали все ближе; наконец, остановились и, выйдя из машины, совсем рядом увидели того самого орёлика, который издали казался таким малым. Но здесь, на вершине кургана, он представился могучим, ширококрылым, уже, пожалуй, и не орёликом, а орлом, раскрывшим крылья перед полетом. И этот орел, и все, что лежало вокруг кургана,— и степи, и желтые, вперемешку с черными, уже вспаханными, поля,— все было единым. А влево поодаль и вправо у самой Вешенской сверкал золотисто-синий Дон.

— А что там через Дон?.. Неужели мост строится?

Булавин улыбнулся:

— Мост... Самый настоящий мост, и шоссе к нему ведут... Асфальт...

Да, действительно асфальт. Новая дорога. Какую-то часть пути мы же и катили к орёлику по асфальтовому шоссе.

Молча любовались всем, что открылось перед нами на высоком кургане. Вот уж никогда не думал, что здесь, в вешенских степях, поднимется такая высота.

— А какой размах крыльев?

— Семь с половиной метров.

— Неужели? А кто же скульптор?

— Можаев... Живет в Донецке. Нравится орел?

— Кому же он может не понравиться?!

— Вот мы так его задумали,— задумчиво проговорил Булавин.— Без каких-либо лишних украшений. Сталь... Камень... Чтобы виделся издалека.

Мы стояли у орёлика, возвышавшегося над степями и песчаными донскими берегами и молодыми, густо-зелеными лесами, любуясь увиденным.

— Жаль, в станицу Еланскую уже не успеем,— сказал Булавин.— Но у нас еще есть немного времени, может, заедем в Кружилинский хутор, там сейчас создается музей... В доме, где родился Михаил Александрович... Правда, Шолохов сопротивлялся, не хотел, но мы ослушались его и начали понемногу собирать... Пока музей скромный... Обыкновенная хата же была... Но люди рады...

В последний раз мы глянули на размах орлиных крыльев, на крутой постамент, на котором золотыми буквами были начертаны те самые слова Александра Серафимовича:

«Вспомнил я синеюще-далекое, когда прочитал «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Молодой орёлик желтоклювый, а крылья размахнул. И всего-то ему без году неделя. Всего два-три года чернел он чуть приметной точечкой на литературном просторе. Самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернется он...»

Да, действительно — развернул крылья! И не только над родным донским краем, но и над всем миром. И здесь мне хочется вспомнить слова прекрасной немецкой писательницы, большого нашего друга Анны Зегерс: «Когда Советское государство было молодо, мы тоже были молоды. Мы мало что знали и были жадны до знаний. Мы хотели понять этот новый мир до конца. Каждый — Колумб. Каждый направляет свой, не боящийся бурь и штормов кораблик через море лжи, глупости, предрассудков, клеветы навстречу незнакомому берегу. Многие пугали нас: берега нет. Но мы знаем лучше. Мы отправляемся в путь.

Наши сигналы: «Покажитесь, покажите нам, какие вы в самом деле! Дайте нам взглянуть, как у вас все выглядит!» — эти сигналы достигли берега, были приняты художниками и писателями Советского Союза. И они рассказали о своей действительности. Сурово и твердо, как никогда прежде, изображаемое подступало к действительно пережитому.

Один хороший товарищ (ее звали Ольга Хальперн) привезла в Германию первый том «Тихого Дона». Когда мы читали ее перевод, мы поняли, что происходило со старым народом в новой стране. Мы проглотили огромный кусок жизни, который Шолохов бросил нам, страшно голодным, страшно голодным до правды. И казалось, будто он при этом крикнул: «Вы хотите знать все, здесь это все!»

Так оно стало нам близким до того, что можно его потрогать, можно пережить это бурлящее в гражданской войне общество; оно было схвачено силой великого художника. И благодаря этой силе оно присутствовало здесь — как для того, чтобы пережить его, так и для того, чтобы думать над ним».

...Мы уже знали, что дом, в котором появился на свет Миша Шолохов, был когда-то перенесен в другое место. Но его вернули именно на тот двор, или, как говорят на Дону, на тот баз, где дом был расположен раньше. Все здесь то же: скромная обстановка. При входе самодельные стенды. На них фотографии. Шолохов в разные годы жизни. Рассказывает обо всем заведующая музеем Елена Григорьевна. Даже как-то трудно привыкнуть, что здесь действительно объясняют посетителям, как жил первые годы своей жизни Миша Шолохов. И както словно заново я почувствовал смутное волнение от встречи с этим простым, совсем обычным домом.

— Хотите спуститься в низы? — спросила Елена Григорьевна.

Низы — это две комнаты с глиняным полом под домом, в которых так хорошо прятаться от жары. Что в них? В углу стоит стол. Широкая печь. Лавка вдоль стены. Табуретки. Веретено. Широкая деревянная кровать, покрытая полосатым черно-серым рядном. Лестница, ведущая наверх.

— Люди стараются, что можно сделать для музея,— говорила Елена Григорьевна.— Приносят утварь разную. Авось пригодится... Посуду... Прялки про запас... Знают люди, что Шолохов любил бывать здесь. Слушал рассказы казаков... Песни... С чего начинается «Тихий Дон»? Помните?

Ой ты, наш батюшка тихий Дон!
Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?
Ах, как мне, тиху Дону, не мутну течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит.

— А теперь нам пора,— посмотрев на часы, вдруг сказал Булавин.

Еще раз взглянув на табличку «1905—1910 гг.», мы отправились в Вешенскую.

Знакомый деревянный забор. Та же зеленая калитка. Чуть привядшая трава. Разросшийся, загустевший сад. А над всем этим все еще жаркое солнце. Открылась боковая входная дверь. У порога помощник Шолохова М. В. Коншин.

Да, здесь все знакомо... Все знакомо.

Мы поднимаемся по лестнице на второй этаж. Широко раскрыты двери кабинета. Нас встречает Мария Петровна. В большом кресле возле письменного стола сидит Михаил Александрович, одетый, как всегда, в старую солдатскую гимнастерку. Шолохов приветливо улыбается и глуховатым негромким голосом спрашивает:

— Ну, что, добрались?

— Самолет припоздал...

— Это у нас бывает. Ну, присаживайтесь. Чай будете пить?

Мария Петровна ставит на стол большие белые чашки. Стакан крепкого чая — Михаилу Александровичу. Не выпуская сигареты изо рта, Шолохов медленно помешивает чай.

— Как же ты в такую жару решился на Дон прилететь? — спрашивает Шолохов.

— Девяностолетие Маяковского отмечали.

— Ты как будто слышал его в Ростове?

— Да... Мемориальную доску открыли на здании бывшего Дома Красной Армии, где он выступал тогда.

Шолохов чуть покачивает головой:

— Как идут годы...

— Идут, Михаил Александрович, идут... Мне говорили, что ты мемуары военные перечитываешь?

Шолохов согласно кивает головой.

— Война не забывается. Не может забыться... Жуков, Штеменко, Рокоссовский, Москаленко, Конев писали — все для будущих поколений... Я слышал, ты был в прошлом году в Бейруте?

— Да, перед самой израильской агрессией.

— Страшные дела творят сионисты.

— Ты же в Америке был...

— Да, был... Насмотрелся и там на них...

И в этой вешенской тишине вспоминаю о долгих международных маршрутах, которые в свое время пришлось проделать Михаилу Александровичу с Марией Петровной по европейским странам, в далекую Японию. Всюду и всегда он был желанным гостем. Но я еще хочу задать Шолохову один деловой вопрос.

Напоминаю, как однажды мы советовались, кто будет иллюстрировать его собрание сочинений, которое должно было выйти в качестве литературного приложения к «Огоньку». Тогда Шолохов решительно высказался за иллюстрации Ореста Верейского.

— А в каком издательстве, Михаил Александрович, будет выходить собрание сочинений к восьмидесятилетию?

— К восьмидесятилетию? — Шолохов недоуменно пожимает плечами.— А я и не думал о восьмидесятилетии... Неужели, Маша,— обращается он к жене,— ты слышала? Мне должно быть восемьдесят лет...

— Да, Миша... Должно быть... Должно.

— Интересно... Как жизнь идет.— В глазах Шолохова блестят чуть грустные блики.— У вас тогда было хорошее издание...

— Коллектив старался. Кстати, хорошую книгу «С веком наравне» выпустил Константин Прийма.

— Ко мне время от времени он приезжает. Я, что называется, завизировал его книгу «С веком наравне». Каждую страницу... Думаю, людям полезно знать, как непросто бывает сохранить писателю свою позицию.

— Тираж книги, к сожалению, небольшой.

— Но вы же в журнале подробно рассказали об этой книге...

— Я слышал, Прийма готовит новое, более полное издание...

— Это хорошо. Давно не видел Анатолия Калинина?

— Он сейчас в Москве.

— Не забудь передать ему от меня привет. Обязательно передай. А Булавин показал, что новое в районе?

— Только что любовались ореликом... Как прекрасно смотрится он на кургане.

— Орёлик. На Дону говорят — орёлик,— поправляет меня Шолохов и смотрит на Марию Петровну. Она молча кивает головой и неожиданно произносит:

— А Мишу все тянет на воздух... Даже в самую жару просит, чтобы окна были открыты.

Шолохов улыбается:

— А как же без донского воздуха? Скоро посмотрим, Маша, новый мост на Дону. И орёлика придумал вот он.— Шолохов показывает на Булавина. Булавин смущен:

— Да нет, это всем нам принадлежит.

— Он... Он...— настойчиво повторяет Шолохов.

Мы смотрим на часы. Не хочется, чтобы Шолохов уставал от встречи с нами.

— Да нет, ничего. Недавно болгары приезжали к нам. Военные не забывают старого солдата.

Миша Шолохов — гимназист * Дом-музей М. А. Шолохова. В этом доме родился писатель * Михаил Александрович с внучкой Машей.

И все же мы прощаемся.

— Ну ладно,— говорит Шолохов.— Понимаю вас... Хотите на Дон? Съездите к Лебяжьему яру... Помнишь, мы там с тобой и с Булавиным были? Люблю эти места... Завтра утром я буду совсем молодым. Заходите попрощаться,— говорит Шолохов.

Мы выходим во двор. Снова оглядываем такие дорогие, родные нам места.

С Дона доносятся веселые голоса девчат и ребят. Донская протяжная песня. Жизнь идет своим чередом.

В каком-то приподнятом настроении мы едем к Лебяжьему... Берег там не очень крутой. Смотрим на быстрое течение Дона, которое несет щепки, ветки. Медленно густеет вечерний туман. На смену жаре от Дона тянет прохладой. Склонившиеся к Дону вербы шелестят у самого берега. Мимо нас проносятся стремительные гулкие катера. Только не поют соловьи. В эту весну они уже отпели...

...Очень рано просыпается Вешенская. Где-то рядом слышны радиопозывные. Треск моторов. Звонкие голоса.

Сегодня надо вернуться в Ростов... Не опаздывает ли самолет?

— Пока ничего не известно,— говорит Булавин.—Но всякое бывает...

Мы присаживаемся попить чаю... Вдруг быстро входит работник райкома.

— Самолет вылетел,— сообщает он.

И вот мы идем к шолоховскому дому. Снова пересекаем небольшую площадь, над которой возвышается бюст Михаила Александровича, установленный после награждения его второй Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. Взгляд писателя устремлен к Дону. ...Память влечет меня к короткой записи воспоминаний талантливейшего скульптора нашего времени Евгения Вучетича, создавшего портрет своего друга Шолохова.

«— О чем же он думает? — кивнул Шолохов в сторону портрета.

— О судьбе человека.

— Так, так... Мрачная, значит, она — эта судьба у человека.

— А чему радоваться?

Шолохов помолчал.

— Жизни,— тихо сказал он.

Опять долго длилась пауза.

— Ну, ладно, Женюша, а как же насчет нашей с тобой ухмылки?

— Какой ухмылки?

— Как какой? Казачьей.

— Не будет ухмылки.

— Как же так?

— Нечему ухмыляться.

— Но ведь казак не может иначе. Если он даже помирать будет, все равно с ухмылкой в усах».

Конечно, есть разница между бюстом писателя на площади в Вешенской и скульптурой Вучетича. Каждый из них по-своему хорош. Но меня всегда поражала чуть приметная горчинка в левом углу шолоховских губ, запечатленная талантом Вучетича. Думается, что то многое, что выпало на долю Шолохова, кроме всенародной любви, не могло пройти незаметным для сердца писателя. Стоит хотя бы вспомнить несколько строк из его письма к Александру Серафимовичу, написанного 1 апреля 1930 года: «Горячая у меня пора сейчас, кончаю третью книгу, а работе такая обстановка не способствует. У меня рука останавливается и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня третий раз ополчаются братья-писатели? Ведь это же все идет из литературных кругов...»

Показав в свое время это письмо Виталию Закруткину, Серафимович сказал:

— Теперь уже Шолохов недосягаем для этой бездарной и подлой наволочи. Он заслуженно стал всенародным писателем. Пусть теперь попробуют сунуться — народ им зубы обломает...

Конечно же, думаешь и о том, теперь уже далеком, что было прожито и пережито Шолоховым в те действительно нелегкие для него да, пожалуй, и всей советской литературы годы.

...Шолохов выполнил данное нам вчера обещание. Утром он действительно выглядел молодо. Его глубокие голубые глаза смотрели живо, словно говоря: новый день всегда хорош.

На этот раз Михаил Александрович сидел на широком балконе в тени зеленых ветвей и созревающих ягод дикого винограда. Рядом с ним была Мария Петровна. Вдруг на балконе появилась маленькая девочка в ярком платье, с букетом цветов в руках.

— Это деде,— сказала она.

— Наша внучка... Мароня,— тихо проговорил Шолохов.— Маша...

— Она у нас любит сказки сочинять,— сказала Мария Петровна, нежно смотря на девочку.— У нас все внуки взрослые, а Мароня кажется нам правнучкой.

Мы знали, что сегодня в доме Шолоховых особый день. Ждали прилета сына. В доме чувствовалось волнение. Вскоре за забором послышался шелест автомобильных шин. Пришла пора прощаться. Это всегда трудно.

— Желаю тебе...— сказал Шолохов.— А за собрание сочинений я высказываюсь в приложении к «Огоньку».

Мы обнялись. Вышли в коридор. По лестнице поднимался Александр вместе с встречавшей его в аэропорту сестрой Машей Шолоховой. Мария Петровна обняла сына.

...Двор был залит утренним ярким солнцем. На этот раз задерживаться было нельзя — самолет ожидал нас. Когда подъехали к аэропорту, увидели — началась посадка. Мы сердечно попрощались с Булавиным.

Уже на взлете я увидел далекий абрис сверкнувшего под солнцем орёлика и в самой станице, едва заметный среди деревьев, дом Михаила Шолохова.

среди книг

КИНОЭКРАН В БОРЬБЕ ЗА ЧЕЛОВЕКА

Ленинским положением о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино, начинается книга «В ритме времени», рассматривающая важнейшие явления и процессы идеологической борьбы на экранах мира.

Автор книги Владимир Евтихианович Баскаков известен не только кинематографистам, знающим его как крупного киноведа. Доктор искусствоведения, профессор, директор Всесоюзного научно-исследовательского института киноискусства, он автор книг о кино: «Спор продолжается», «Экран и время», «Противоречивый экран». А поскольку он участник Великой Отечественной войны, то ему принадлежит еще несколько повестей на военную тему... Но по праву Баскаков считается одним из ведущих специалистов в области зарубежного кино. И в этом читателя убеждает его новая книга, где раскрывается огромная роль кинематографа в идеологической борьбе за торжество коммунистических идеалов.

Автор убедительно показывает, что и опыт советского кино, и опыт экрана социалистических стран, и демократические направления в киноискусстве развивающихся стран и капиталистических государств служат прогрессу. Служат человеку и человечеству...

Киноискусство социалистического реализма — явление подлинно интернациональное. Каждое значительное произведение советского кино было и остается поиском не только нового кинематографического образа, но и яркого народного характера, слитого с эпохой. И прежде всего наше кино показывает нового человека, рожденного революцией. Именно эти традиции революционного советского искусства имеют огромное влияние на прогрессивный экран всего мира.

Зато экран, превращенный в орудие монополистического капитала, служит реакции, прививая массовым аудиториям (причем в самых различных странах и районах мира) веру в мифы, приукрашивающие капиталистическую систему. Этот кинобизнес, стремясь отвлечь массовое сознание от реальной жизни общества, ищет все новые и новые модели, воздействующие на человека в интересах правящих классов.

Противоборство двух полярно противоположных мировоззрений, двух политических курсов — социализма и империализма — сегодня крайне обострилось. «Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете,— говорил на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов.— И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы».

Антикоммунистическая и антисоветская кампания, развернутая в последнее время монополистическим капиталом и его пропагандистским аппаратом, широко показана в книге. Автор позволяет видеть, что именно гуманизм стал главной мишенью для нападок буржуазного экрана. Задача буржуазного кинематографа — разрушение личности, проповедь насилия и жестокости. Небывалое распространение получила порнография. Потоки крови, изощренное насилие захлестнули западный экран. Разнузданная сексуальная откровенность — непременный атрибут так называемых «кассовых лент». И все это атака на здравый смысл, на душу зрителя. Цель атаки — разложение общественного сознания, пробуждение низменных инстинктов в человеке, попытка приучить его к мысли о том, что он живет в мире безумном, эфемерном, который может исчезнуть в любой момент, а значит, насилие, жестокость и убийство непредосудительны, что расизм и война — норма существования общества.

Однако никакие провокации не в силах принизить значение миролюбивой позиции нашей державы. Ширится на планете могучее движение народов в защиту мира. И в сплоченных колоннах борцов за мир — видные художники, известные деятели мировой литературы, театра, кинематографа.

О прогрессивных деятелях мирового экрана книга рассказывает живо и интересно,— автор лично знает многих из них... В книге дан отпор попыткам исказить и исторический путь и сущность социалистического киноискусства, отразившего в живых образах революционные преобразования нашей страны. Новаторские по содержанию и по форме фильмы Сергея Эйзенштейна и Всеволода Пудовкина, поэтические фильмы Александра Довженко создали великую революционную традицию искусства экрана, открыв всему миру нашу страну, ее народ, значение и смысл Великого Октября...

Со справедливым гневом автор замечает, что на Западе в последнее время десятки фильмов искажают историю второй мировой войны; показывают фашизм как некий «комплекс», якобы присущий каждому человеку, и выводят самое понятие фашизма из плоскости идеологической и политической в некую «психологическую сферу»!.. Но эти попытки — фальшь! Им противостоят подлинные шедевры советского кино, созданные на материалах антифашистской борьбы... Книга напоминает об огромном интересе зрителей мира к созданным на материалах войны советским фильмам, которые ставят серьезные морально-этические проблемы, открывая новые стороны характера советских людей, обнаружившиеся в дни великих испытаний...

Обширный материал позволяет автору выявить эволюцию кино США, отделить реакционные стороны от прогрессивных. В. Баскаков анализирует также современное кино Италии и других европейских стран. Интересно рассмотрено творчество крупнейших мастеров киноискусства Запада — режиссеров Де Сантиса, Рози, Феллини, братьев Тавиани, Пазолини, Фассбиндера и других...

Перед нами большой, обстоятельный труд, где автор пропагандирует киноэкран как искусство, открывающее перед зрителем новые горизонты гражданственной человечности.

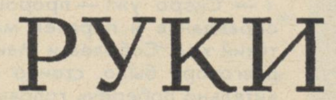
Н. НОВИКОВ

В. Баскаков. «В ритме времени. Кинематографический процесс сегодня». Москва, «Искусство», 1983. 335 с.

Георгий МАРКОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

ПРИЛОЖИТЬ РУКИ



ГЛАВА ИЗ ВТОРОЙ КНИГИ РОМАНА «ГРЯДУЩЕМУ ВЕКУ»

1

Стояла та пора, о которой говорят: уже не лето, но еще и не осень. Синегорье пылало раскрашенными под все цвета радуги березниками, серебряно блестело берегами озер с проступившими солончаковыми пятнами, бронзовело макушками кедров, сгибавшимися под тяжестью созревающих шишек, чернело по обочинам колков гроздьями смородины на разросшихся кустах.

Если б не утренние инеи, выпадавшие на рассвете и охлаждавшие землю, никто бы не сказал, что самое большее через две-три недели надвинутся осенние дожди, прозрачный воздух над полями потемнеет и из-за горизонта потянет «сиверко» — холодный ветер,— неприветливый, упругий, обжигающий стужей.

Именно в эти дни, на склоне лета, Соболев прилетел в Серебровское. Тут скопилось много вопросов, которые требовали незамедлительного решения. Во-первых, надо было снова побывать в колхозе «Лесная долина» и лично проверить готовность животноводческого комплекса. После первого посещения Соболевым сюда были направлены специалисты, и райком вскоре доложил: недоделки устранены, телятник приведен в образцовое состояние и может перенести любые морозы. Было исправлено положение и со строительством центра села. Здание конторы, Дом культуры, сельмаг сооружали на середине села, на площади, а не на бугре, оторванном от улиц почти на три километра.

Едва вертолет опустился на поляну за скотными дворами, подкатили машины с руководителями района и колхоза.

В окно вертолета Соболев увидел Матвея Семеновича Макарова, Юрия Витальевича Харитонова и Васильева Игната Игнатьевича, председателя колхоза «Лесная долина»,— своих старых знакомых. Через минуту-другую к ним подошла приехавшая на отдельной машине Зинаида Павловна Щекина, управляющая отделением Госбанка Серебровского района.

«Ну, все оппоненты в сборе, можно прения сторон начинать»,— усмехнулся Соболев, направляясь к товарищам, стоявшим с краю поляны, возле белоствольных берез.

Соболев пожал руку Макарову и, минуя Харитонова и Васильева, подошел к Щекиной, говоря:

— Извините, товарищи мужчины. Хотел бы раньше вас приветствовать Зинаиду Павловну. Женщине, как всегда, положено особое уважение.— Соболев крепко пожал руку Щекиной, зардевшейся от подчеркнутого внимания секретаря обкома. Только после этого Соболев вернулся к Харитонову и Васильеву и пожал руки им.

— Этикет! Обучили вас, Антон Васильич, по заграницам-то! А наш брат русский мужик хватает лапу того, кто ближе,— дружелюбно рассмеялся над такой учтивостью Соболева Макаров.

— Да уж обучили, Матвей Семеныч! Правда, обучать было легко. Как-то с юности, еще дома, приучали женщину почитать,— со смешком ответил Соболев.— Может быть, потому, что рос в женском обществе: мама, бабушка, старшая сестра, тетка... Отец то в армии, то на полях дневал и ночевал...

— Кому чего дано! — пошел на компромисс Макаров.— Я вот тоже рос без отца, с женщинами, а не усвоил... Ну, что, как мы дальше будем? Можно прямо ехать, а можно и в правление колхоза заглянуть? — Макаров вопросительно посмотрел на Соболева, выжидая, что скажет тот.

— Вы свои подсчеты прихватили с собой, Зинаида Павловна? — обратился Соболев к Щекиной.

— Со мной, Антон Васильич,— Щекина хлопнула ладошкой по загруженному бумагами портфелю.

— А карту угодий захватили? — переводя взгляд на Макарова и Харитонова, спросил Соболев.

— Да, да. Все у меня. Даже поселенные списки деревень и хуторов тридцатого года. Там, в папке,— кивнул на автомашину Харитонов.

— Вот это хорошо, это важный документ, он сразу покажет, сколько людей проживало.

— Я вам расскажу точнее поселенного списка, Антон Васильич. В Серебровском районе знаю каждую кочку, не токмо людей,— гордо приосанился Макаров и посмотрел на Щекину с затаенным вызовом в беспокойных глазах. Щекина переступила с ноги на ногу, слегка вздохнула, но голову не опустила, выдержала взгляд секретаря райкома.

— А когда же к нам, Антон Васильич? Я думал перво-наперво в контору заедем, есть о чем доложить, а уж потом в экспедицию,— сказал Васильев.

— Успеете доложить, Игнат Игнатыч! Проедем вначале по кругу, посмотрим на развалины частнособственнической эпохи, а дальше к тебе на обед и на отдых. Или не приглашаешь? — Макаров в упор посмотрел на Васильева, и глаза его говорили без слов: «Не вздумай отказаться — опозоришь».

— Обед заказан с вечера. А вот успеем ли до полдня объехать-то?! Немалый круг. Километров под шестьдесят начерпаешь!

— Ну, ничего, Игнат Игнатыч. Если с обедом припоздаем — не первая волку зима. Переживем! — Соболев направился к машинам, но через два шага остановился: — Как рассаживаешь экспедицию, Матвей Семеныч?

— Машин хватает! Садитесь, Антон Васильич, на первую, вот сюда. Кто вам нужен: я, Харитонов или товарищи Щекина и Васильев?

— Садитесь вы, Матвей Семеныч.

— Добро! По коням! — довольный таким решением Соболева, воскликнул Макаров и кинул шоферу: — Давай, Николай, на Коровью гривку. Аллюр три креста!

Зарокотали моторы автомобилей, заскрипел песок под колесами, и вскурилась легкая пыльца, оседая на траву и листья берез.

2

Приезд Соболева в Серебровский район ускорило письмо Зинаиды Павловны Щекиной. Обращаясь к первому секретарю обкома, Щекина писала:

«Уважаемый Антон Васильич! Пишу Вам с чувством благодарности за беседу в нашем райкоме. Может быть, Вы уже забыли, какой вопрос я тогда задала Вам: «Прекратилось ли у нас соревнование с Америкой? Не устарел ли лозунг «Обойти Америку по экономическим показателям»? Вы тогда хорошо вооружили актив пониманием этой сложной проблемы.

Но теперь пишу совсем по другому поводу — о наших районных делах. Пишу потому, что, считая себя коммунисткой, не могу равнодушно пройти мимо ошибочных установок райкома, и особенно первого секретаря товарища Макарова М. С. Речь идет о ликвидации ряда малонаселенных пунктов в районе, о переселении оставшихся в них жителей на центральные усадьбы колхозов и совхозов.

Как экономист, я по собственному желанию изучила по хранящимся в исполкоме райсовета и в банке материалам историю «бесперспективных» деревень и хуторов. Строго подсчитав реальные возможности, имеющиеся в некоторых пунктах, склонна считать недопустимой торопливостью сселение жителей в другие населенные пункты. Убеждена, что если б районные организации оказали жителям хотя бы небольшую помощь, отдельные «бесперспективные» деревни и хутора можно было бы возродить к новой жизни.

Не знаю подробностей обсуждения этих вопросов в райкоме (была в отъезде, в отпуске), однако среди актива известно, что единодушия в бюро райкома нет. Хотелось бы, чтоб обком КПСС своевременно вник в эту проблему и, если возможно, поправил райком».

К письму была приложена на пяти страницах характеристика каждого населенного пункта, предназначенного к ликвидации. Щекина не была голословной. Цифры, цифры, цифры... Расположенные столбцами вдоль страниц, они отвечали на самые главные вопросы: число жителей прежде и теперь, число голов скота прежде и теперь, объем заготовок сельскохозяйственной продукции прежде и теперь, объем кустарных изделий прежде и теперь (в условных ценах).

Соболев внимательно просмотрел данные Щекиной и не мог не отметить про себя, с какой обстоятельностью подготовлен весь ее материал.

На очередном заседании бюро обкома, так сказать, сверх повестки дня, Соболев огласил письмо Щекиной, попросил товарищей по работе высказать свои мнения.

— Цифры Щекиной не вызывают сомнения,

Полностью роман будет опубликован в журнале «Знамя».

но в них не учтен такой немаловажный фактор, как психологический. Щекина не отвечает на вопрос: почему ушли люди? Какие психологические обстоятельства вынудили их к этому? Это первое. А второе: помните, как любил говорить в таких случаях Павел Иванович Полосухин: «А можно ли восстановить Помпею?» Есть ли все-таки у нас возможность в самом деле отрыть Помпею?— засомневался секретарь обкома, главный обкомовский аграрий Михаил Иванович Мохов. Все вспомнили излюбленную присказку Полосухина, с грустью посмотрели друг на друга, сдержанно заулыбались: «Умел человек ловкое словцо найти».

Его поддержал председатель облисполкома Феликс Эдуардович Карпов.

— Цифры Щекиной не дают никаких оснований для обвинения райкома, в частности Макарова, в торопливости в деле сселения жителей,— сказал он.— Деревни и хутора действительно бесперспективны, и пора закрыть этот вопрос в Серебровском районе.

— А может быть, все ж не торопиться? — настороженно поглядывая на лица товарищей, окружавших его стол, сказал Соболев.

— А какой смысл в затяжке, Антон Васильич? Везде там все домишки на ладан дышат! Не приведи господь, еще кого-нибудь придавит. ЧП! — развивал свой взгляд Мохов.

— Давайте все-таки решим так: недели через две мне все равно предстоит побывать в Серебровском районе. Поручите мне на месте посмотреть, насколько созрело это дело. Никто не возражает?— сказал Соболев.

— Какие могут быть возражения! Лишняя проверка в таком щепетильном вопросе никогда не мешает,— проговорил второй секретарь обкома Степан Степанович Томилин.

Все сидевшие вокруг стола закивали головами, выражая согласие с предложениями и Соболева и Томилина.

Однако письмо Щекиной почему-то встревожило Соболева, и он не стал ждать, когда истекут две недели, и заторопился в Серебровское.

Конечно, этот вопрос не был единственным в заботах Соболева. Приближалась зима. Стоило посмотреть, готов ли к этому экзамену район.

А еще надо было поговорить с людьми, собрать актив, рассказать о международной обстановке, познакомить с важными решениями Центрального Комитета партии по отдельным вопросам. Соболев всей душой тянулся к таким встречам...

Дорогой на Коровью гривку Макаров пытался критикнуть Щекину, желая во что бы то ни стало ослабить у Соболева впечатление от ее письма в обком.

— Я что? Я ее по-товарищески останавливал,— возбужденно говорил он.— Ты, говорю, Зинаида Павловна, не спеши, не суетись... Обком ввяжешь, а у него своих забот по горло... Да ведь и мы сами можем кое в чем разобраться... Ну, где там! Умная баба — ничего не скажешь, котелок у нее варит отменно, но уж сильно с норовом. Если что задумала — не удержишь. Ни райком, ни обком ей не указ...

Соболев слушал Макарова молча, думал про себя: «Так, так, Матвей Семеныч, кати бочку, кати. А только о себе-то тоже словечко промолви, не приотстал ли ты, не попал ли под струю ликвидных настроений».

— Вы знакомы, Матвей Семеныч, в деталях с ее выкладками? — спросил Соболев, как бы подчеркнув слово «в деталях».

— Как же, показывала! Тут она дока, раскопала данные чуть не с сотворения мира. Да разве в данных дело, Антон Васильич?! Общий процесс, не устояла деревня, посыпалась. Вот в чем гвоздь вопроса.

— Ну, посмотрим на местности, подумаем, к какому берегу повернуть дело,— вздохнув, сказал Соболев.

— Ясно, к какому берегу, Антон Васильич! Ясно... мертвых назад не носят.

— Как Харитонов-то, Матвей Семеныч? Осваивается? — желая перевести разговор на другую тему, спросил Соболев.

— Освоился уже, Антон Васильич! Через годок-другой вполне можно первым секретарем райкома ставить. Потянет! Рукастый мужик! Аж завидки берут, Антон Васильич: тридцать годков от роду, смело войдет в грядущий век... Эха-ха, жизнь человеческая! Только бы жить, работать в полную силу, ан смотришь, прижимать тебя начинает: сердцебиение, печень, желудок, кашель откуда-то берется, язви его в душу...

Так в разговоре промчались они через равнину, желтевшую хлебами, и въехали в узкую извилистую прогалину, вползавшую в густое, напахнувшее сыростью разнолесье.

— Вы раньше не бывали, Антон Васильич, на Коровьей гривке? Местечко, скажу вам, редкостное, просто на загляденье людям,— сказал Макаров и, подпрыгнув от удара автомобиля на колдобине, засмеялся: — Ну, зато в этом чертовом лесу все кишки взболтает. Это сейчас, в хорошую погоду, а уж в плохую лучше пешим способом передвигаться. Вы уж как-нибудь потерпите, Антон Васильич.

— Ой! Ой! — вдруг воскликнул Соболев, подпрыгивая на сиденье и втягивая голову в плечи.

— Ты поосторожней, Николай! Головы-то нам еще потребуются! — прикрикнул на шофера Макаров.

— Недолго уж! Недолго! Тут всего-то три километра до Гривки осталось! — успокоил шофер своих пассажиров.

Шофер сбросил скорость, но от этого автомобиль запрыгал еще отчаяннее.

— А дороги-то получше нет? — спросил Соболев, чувствуя, как замутило его от тряски.

— А кому ездить-то? Раньше, когда деревня была, мужики все-таки заботились — песок подсыпали в ямы, в зыбких местах молодой осинник настилали. А теперь никому до этого дела нет. Хоть пропадай! — ожесточился шофер и, помолчав, снова утешил: — Да вот-вот уж конец такой дороге.

Но кончилась плохая дорога не так уж скоро. Еще с полчаса райкомовская «Волга» прыгала, урчала, дымила едким перегаром.

— У тебя, Николай, километры, как коломенские версты — по семьсот сажен. Три километра! Все пять проехали! — выговорил Макаров шоферу за его неточность.

— Скоро уж! — проронил шофер в свое оправдание и перевел машину на еще более тихий ход. Соболев и Макаров молчали. Не до разговора было, стоило прежде всего действительно поберечь головы.

— А вона и просвет! — радостно воскликнул шофер. Впереди сквозь густой лес забелело голубизной небо. Минуты через три светлый просвет стал увеличиваться, сверкнули лучи солнца, и во всю-то ширь распахнулась долина, на которой в причудливых завитках, в ленивой истоме млела тихая, бессловесная, как вечность, речушка. Кое-где по ее покатым берегам кудрявились кусты черемухи, калины, шиповника.

— Небольшая река, а рыбная! Даже удочкой в любой день на уху возьмешь. И красотища-то! Житье тут! — восторженно сказал шофер.

— Смотрите-ка, Антон Васильич, вон она, Коровья гривка. Да, да, вправо от нас.— Макаров протянул руку через переднее сиденье, пальцем тыкал в пустоту. Но Соболев и без подсказки заметил избы, бани, амбары, раскинувшиеся по продолговатой гриве, подступавшей подковообразным выгибом к омутам речки.

— Куда подъехать, Матвей Семеныч? — спросил шофер.

— Давай подворачивай к сестрам,— ответил Макаров и пояснил Соболеву: — У нас тут две сестры остались: Лукерья и Параскева. Ни в какую переселяться не хотят. «Тут наши мужья полегли, тут и мы ляжем». Вот и поговори с ними!

— И только всего населения?

— Нет, еще одна старуха живет. Рыбу промышляет. Старик ее, пожалуй, года три как помер.

Шофер направил машину на взгорок и остановился на ровной, в ромашковых и подорожниковых зарослях полянке, напротив пятистенного дома. Дом почернел от старости, слегка покачнулся на один угол, но потому, что окна его были в белых резных наличниках, выглядел он еще молодцевато.

Подъехали на своей машине Харитонов и Васильев, пока где-то приотстала Щекина. Ехала она на «Жигулях», за рулем сидела сама, по-видимому, осторожничала сверх меры на тряской дороге.

— Ну, что ж, войдем в дом, Антон Васильич?— Макаров зашагал к воротам, увлекая всех остальных. Но не успели они подойти к калитке, как она с шумом распахнулась и навстречу приезжим кинулись с воплем две старые женщины:

— Забрать нас приехали?! Забрать?! Силой забирайте! Ни в какую не уступим!

Макаров, оказавшийся к женщинам ближе других, попятился:

— Что вы?! Никто вас забирать не собирается, успокойтесь, тетушки!

Но женщины не слушали его, кричали надсадными голосами, размахивая широкими подолами юбок:

— Ни в какую не поедем! Хоть казните — не поедем!

И в эту минуту подъехала Щекина. Она мгновенно поняла, что тут происходит, быстро выскочила из машины и заторопилась к женщинам:

— Баба Паша, тетя Луша, что вы разгневались-то?! Люди к вам с добром, а вы?!

Увидев Щекину, услышав ее спокойный голос, сестры переглянулись между собой, сконфуженно посмотрели на Щекину, и старшая, Параскева, чуть поклонилась.

— Тогда уж не обессудьте. Проходите, коли так, в дом.

— Зайдем, баба Паша, зайдем.— Щекина подошла к Параскеве, все еще с опаской поглядывавшей на мужчин, слегка взяла ее под руку.— Эти товарищи, баба Паша, из района и из области. Будут решать, как быть с вашей деревней.

— Ну, и стрекоза, Зинаида! Ты смотри, она, видать, и тут не раз побывала.— Макаров толкнул Харитонова локтем в бок, усмехнулся, многозначительно подмигнул ему.

Дом сестер стоял огороженный лишь жердями. Старый забор из бревен давно был разобран. От стоек с пазами остались кое-где лишь полусгнившие пеньки.

Входя в дом, с высокого крыльца, сохранившего под перилами фигурную резьбу, Соболев окинул взглядом весь участок земли сестер, полого спускавшийся к речке. Огород был разделен на грядки, на столбах возвышался бревенчатый парник, а за ним продолговатой полосой тянулась деляна картошки с пожухшей после инеев ботвой. За изгородью, отделявшей огород от пастбища, паслись пестрая корова с теленком, как две капли воды похожим на мать.

— Видите, Антон Васильич, и корова у них и теленок. Огород тоже — позавидуешь,— придерживаясь поближе к Соболеву, тихо сказала Щекина, одергивая на себе черную кожаную тужурку, в которой она при своей короткой стрижке напоминала артистку Нифонтову в роли комиссара из спектакля «Гибель эскадры».

— Да, да, конечно. Не все так просто, как порой кажется,— проговорил Соболев и, чуть отступив, пропустил Щекину в дом, вслед за старухой Параскевой.

И в доме у сестер, как на огороде. Все прибрано, все на своем месте. Стены от потолка чуть ли не до самого пола в пучках трав и корней. Пахло в доме лугом, на котором в рядках сушится трава-мурава, павшая на утренней зорьке от взмахов косаря острой литовкой. Окна с занавесками, а в простенках фотографии в рамках под стеклом. Табуретки у стола, а скамьи — по углам. С первой минуты

пребывания в доме Соболев почувствовал, что живут тут основательные люди, ценящие и порядок и уют. «Про этих не скажешь, что они случайные обитатели здесь...» — подумал Соболев.

Параскева оказалась старухой и приветливой и словоохотливой, не в пример младшей сестре, Лукерье, которая стояла около двери с застывшим недоверием на морщинистом, посмуглевшем на солнце, остроносом лице.

Через несколько минут Соболев знал основные подробности жизни сестер. Параскева потеряла мужа вскоре после окончания войны. Искалеченный на фронте, без руки и без ноги, он прожил дома около года.

Не пожилось на белом свете и сыну: в разлив Тулыма утонул он в бурю, не порадовав мать ни снохой, ни внуками.

Не легче оказалась доля и у Лукерьи. Муж умер еще до войны, а два сына погибли на фронте в боях под Сталинградом.

— Вот и живем, как две кукушки, мыкаем горе. Куда же нам переезжать в такие годы?! Тут уж как-нибудь дотянем. Немного осталось. Ну, Луше-то побольше. На восемь годов я ее старше.

Параскева каким-то внутренним чутьем уловила, что из приехавших самый главный — этот чубатый, большеглазый молодой человек. Говоря, она посматривала на Соболева, и по тому, как он слушал, чуть двигая бровями, понимала, что слова ее находят отклик, не улетают бесследно, как бабочки, в раскрытое окошко.

— Сами посудите: тут у нас и корова и теленок, пара свиней, курочек десятка три. И хотя молоко и яйца сбывать некому, зато сами живем в сытости.

— А потребиловка не приезжает к вам? — спросил Соболев.

— Куда там! Восемнадцать километров от потребиловки до нас. А уж дорога-то — сами, небось, испытали.

— А хлеб где берете?

— Сами печем. Зерно у комбайнеров покупаем, растираем в муку в ступе. Много ли нам, старухам, надо?

— А картошка? Видать, ее у вас немало?

— А было бы куда сбывать и побольше бы садили! Сами едим, скот кормим, да вон Антиповну содержим.

— Дома-то брошеные сильно пришли в негодность? — не переставал расспрашивать Соболев.

— Которые совсем осели, крыши вон лебедой поросли. А те, что поновее, стоят пока. Да, грозились, которые покрепче, в Серебровку перевезти, будто милиции каталажка потребовалась. Есть тут и один домок, крестовый, подходящ будет.

— Ты, тетка Параскева, не бреши, чего не знаешь. Не было в районе такого проекта, — оборвал старуху Макаров.

Параскева не обиделась на него, только посмотрела поверх головы Макарова в синей кепке с широким козырьком, рассудительно сказала:

— Сговорили бы вы, начальники, кого-нибудь пожить тут. Поди, и в городе не все при хороших квартирах. А тут дом такой пустует! Вон у моего сродного брата сын третий год все ждет-пождет квартиру...

— Получит в конце концов! А что ему забиваться на выселок?! Не столыпинские годы. Молодым нынче веселье надо, общение, — сказал Макаров. — Общение! — повторил он.

— От одного общения да веселья у державы добра не прибавится, — впервые вступила в разговор Лукерья, не сдвигаясь со своего места у двери. — А веселье, оно нынче везде, захоти только. Вон и у нас с Параскевушкой

радио с рассвета до рассвета поет.— Она мотнула головой на горницу, из которой доносилась приглушенная регулятором громкости плясовая мелодия.

— А вы никого не ждете к себе на жительство? — спросил Соболев, нетерпеливо посматривая то на одну сестру, то на другую.

И тут невольно Параскева выдала, что называется, с головой Щекину, не видя в этом ничего предосудительного:

— Признакомила с нами Зинаида Павловна одну девушку-сиротку из детского дома. Уж такая ласковая, как родная... Теперь, как чуть у них в школе перерыв, она к нам. Отдохнет у нас, подпитается, по силам поможет нам. Все лето жила у нас. Порешили мы с Лукерьюшкой взять ее к себе, пусть растет хозяйкой. С годами, авось, мужа приведет. Глянь, наш очаг и не загаснет.

— А как роно? Вы, товарищ Щекина, консультировались? — взмахнув от удивления руками, строго глядя на Щекину, спросил Макаров.

— Да уж не считайте меня за ребенка, Матвей Семеныч,— откровенно огрызнулась Щекина и опустила голову, скрывая покрасневшее лицо.

— Я что? Я только о порядке напоминаю,— уловив неодобрительный взгляд Соболева, извинительным тоном сказал Макаров, поняв, что хватил лишку, не сдержав своего раздражения против Щекиной.

— А что у вас за травы? Для себя собираете или по заказу аптеки? — Соболев встал с табуретки, приблизился к стене, принялся нюхать ароматные пучки.

— Лукерьюшкина работа. Мужа все хотела выходить, тогда еще обучилась. Раз пять в Синегорск к профессору по травам ездила. С понятием делает. А собираем для себя,— объяснила Параскева.

— Так... так... — протянул Соболев, и все поняли, что он чем-то сильно задет.

Едва заслышав разговор о травах, Лукерья покинула свой пост возле двери и поспешила к Соболеву, начала с горячей пристрастностью к любимому делу давать пояснения:

— Это вот корень одуванчика. Это зверобой. А вот это корень лопуха. Это пучок светтравы. А здесь вот ягодники: брусничник, земляничник, княженичник,— увлекаясь, рассказывала Лукерья.

— На заготовки в кооперацию не предлагали? — прервал Лукерью Соболев.

Лукерья посмотрела на него с некоторым изумлением, решив, что он пошутил, более сдержанно продолжала:

— Чего-чего, а трав у нас тут по берегам речки видимо-невидимо. Тут сроду народ лечился травами. И скот тоже лечили травами. На лугах есть редчайшие растения. И вот профессор Тимофеев, небось, знаете такого, в книге описывает целительное действие... Подарок мне от него,— Лукерья бережно притронулась к полочке, на которой лежала толстая книга: «Лекарственные растения Синегорского края и опыт их применения».

— К стыду своему, не знаю этой книги. Приеду, посмотрю,— сказал Соболев и мысленно перенесся к Теребилину, как бы продолжая с ним когда-то начатый разговор: «Лежебоки мы с вами, милейший Ксенофонт Савельич! Чего же мы ждем? Да вот они, наши ресурсы, сами просятся в закрома. Приложить бы руки к делу, да поскорее, поскорее!»

— Ну, что же, товарищи, вроде все ясно? — обратился ко всем сразу Соболев.

— Поехали дальше! — заторопился Макаров.

— А житье-то нам будет здесь, нет ли? — стараясь заглянуть Соболеву в лицо, обеспокоенно спросила Параскева.

— А кто же вас тронет?! Живите на доброе здоровье! Насильно вас никто не имеет права переселить. А районные руководители,— вот они с нами,— надеюсь, подумают о будущем вашей деревни. И потребиловка пусть от вас не отворачивается. Излишки молока, картофеля, лекарственных трав — все лавка должна забрать по установленной государственной цене. Хотя далековато до вас, а все ж и не так уж. Дорога к вам никудышная, да только и ее можно подладить. Руки только надо приложить! Руки!

Сестры слушали Соболева, не спуская с него глаз, и светлели с каждым его словом, молодея и преображаясь. Они вышли вместе со всеми, ни на шаг не отступая от Соболева, терпеливо выждали, когда мужчины расселись по машинам. В боковое стекло Соболев видел, как старухи обнимали Щекину, вытирая слезы со своих морщинистых щек, концами черных платков.

3

Антиповна жила в ветхой избе, с подслеповатыми перекосившимися окнами. И наличников у окон не было, и не было изгороди, как у сестер. Изба стояла на отшибе от других изб Коровьей гривки, в окружении старых ветвистых берез, и это скрашивало запустение, в котором пребывало уже не первый год вдовье жилье.

Только мужчины выгрузились из машин, напахнуло на них дымком в смеси с крутыми просоленными запахами рыбы, развешенной на проволоке над костром.

— Коптит рыбу Антиповна,— поводя носом, сказал Макаров.

Когда поближе подошли к избе, навстречу приезжим бросились лохматые белые, с рыжими подпалинами, псы,— целой стаей в пять голов.

Макаров без боязни посвистел собакам, не останавливаясь, шел к избе:

— Ишь, сколько собачни держит Антиповна! Кормить же надо. Да вы смелее шагайте, они сейчас утихнут. Охотничьи зверюги, человеку не страшны...

И в самом деле громкий лай смолк, и лохматые остроухие псы завиляли хвостами.

— О, да они и впрямь смирные,— удивился Соболев и даже погладил одного кобеля по жесткой шерсти на спине.

— Смирные, пока ничего не взял у нее. А уж если что понес в руках из ее избы, ну, тогда несдобровать,— сказал Васильев, поскрипывая на обнаженном песке своим посохом.

— Да ты что, Игнат Игнатыч, частенько бываешь здесь? Небось, на рыбалку приезжаешь? — спросил с усмешкой Макаров.

— На рыбалку-то с моей ногой не напрыгаешь сюда, а за рыбой к Антиповне приезжал как-то. Специалистов тогда Антон Васильич из Синегорска прислал, комплекс доводить. Ну, они и взмолились: «Покорми, дескать, Игнатыч, ухой, а то на реке живем, а рыбы даже не понюхали». «Ладно, говорю, съезжу к Антиповне, авось выручит». А то своих-то рыбаков надо от дела отрывать, сенокос подоспел. Ну, съездил, привез, пришлось, правда, пачку табаку впридачу кинуть. Она, Антиповна-то, наполовину остячка, засмаливает из трубки, как паровоз.

Едва Васильев досказал это, как дверь избы открылась и на шаткое крыльцо с тупыми обломками перил вышла старуха с загоревшими, густо-коричневыми руками и таким же темным скуластым лицом. Во рту Антиповна держала длинную трубку, из которой струился синеватый табачный дымок. На ногах Антиповны бродни, на голове мужская, зеленого цвета фетровая шляпа, худощавое тело прикрыто длинным платьем из плотной армейской материи, в подтеках рыбного рассола.

Увидев столько мужчин, старуха резко остановилась, испуганно замахала руками, как бы отталкивая от себя надвигающуюся опасность и, оглядываясь на дверь, хотела повернуть в избу. Но тут она услышала приветливый голос Васильева:

— Здравствуй, Антиповна! Что ты перепугалась? Люди эти из района. Принимай-ка!

Подслеповато щуря глаза, Антиповна осторожно сошла с крыльца, осмотрела мужчин, тихо сказала:

— И откель вас леший принес?! Нету рыбы, нету, всю дочиста этому идолу из Белоярска отдала. Спасибо, хоть табаку он привез, да и крючков через него расстаралась...

— Это кто такой... идол? — строго спросил старуху Макаров. Но Антиповна не удостоила его ответом, продолжала про свое:

— Ниток еще обещал... Сети прохудились. Щука, видать, огромадная вломилась, дыру в две сажени располосовала.

— А кто идол-то этот, тетка Антиповна? Ой, темнишь что-то ты! — не отступал Макаров.

— Да есть такой в Белоярске барыга Прохор, под ветерана войны рядится. Вишь, подлец, и сюда проник. Успел старуху облапошить... Скупает рыбешку по округе, коптит, а потом с туристов на пароходе шерсть стрижет. За каждого чебака по трешке лупит. Предупреждал я его по весне. А он гогочет: «Милиция тоже рыбку любит!»,— объяснил Васильев.

— Ты его не трожь! Не трожь! Без него, идола, вовсе смерть! — заволновалась Антиповна.

— Что ж это смотрят белоярские товарищи? Антон Васильич, как же так?! Спекуляция на глазах у всего белого света! Ну, у нас он запищит. Юрий Витальич, подскажи-ка раймилиции, пусть бдительность заострят,— с горячностью, в своей повелительной манере, сказал Макаров.

Соболев недоуменно посмотрел на Макарова, подумал: «Что же он так однобоко смотрит на вещи? И образование имеет и опыт за плечами немалый».

— А сельпо бывает у вас, Антиповна? Договор они с вами подписали на ловлю рыбы? — спросил Соболев, приближаясь к рыбачке.

— Был как-то председатель. Верхом на коне пробрался. Дождило. Приперло его. Сына, вишь, вздумал женить, свадьбу гулять надо, а за рыбой ко мне. Ругался, что дорога плохая, чуть, говорит, конь не утоп в логу.

— Ну, это в ненастье, а в хорошую-то погоду почему бы не посылать подводу или машину за рыбой? — проговорил Соболев.

— Зиновьюшка, обскажи,— обратилась Антиповна к Щекиной, которая подъехала сюда позже других, задержавшись у сестер, и сейчас стояла возле крыльца сбоку, молча слушая разговор.

— Пыталась я, Антон Васильич, вникнуть в этот вопрос,— сказала Щекина.— Сельпо согласно брать у Антиповны рыбу, если она сама будет ее доставлять. Ну, понимаете, Антиповне это непосильно. Предлагают ей переехать на другой стан, на Тулым... Там и дорога сносная. А только товарищи не учитывают, что на большой реке и условия лова другие и ловушки другого типа... Ну, как, говорит сама Антиповна, добыча не по клюву,— усмехнулась моложавым, совсем девичьим лицом Щекина, а Антиповна закивала головой, встряхивая зеленую шляпу на голове.

Соболев пожал плечами, обернулся к Макарову, стоявшему за спиной, не скрыл укора в голосе:

— Вот где бы надо, Матвей Семеныч, бдительность-то заострить, как вы сказали. Разве можно так дело вести? — Соболев повернулся снова к Антиповне, спросил: — А вот если, Антиповна, дать вам новую ловушку, привозить провизию, забирать вовремя улов, сколько бы могли бы в этой реке рыбы взять? К примеру, в летне-осенний сезон?

— А и зимой тут у родников хорошо добывается,— сказала Антиповна, призывно поглядывая на Щекину: — Зиновьюшка подсчитывала. Не вспомнишь, Зиновьюшка, сколько мы там насчитали?

— Помню, Антиповна, помню. Получилось около тридцати центнеров.

— Ого-го! Это не шутка! На дороге не валяется. Неужели столько? — удивился Макаров, про себя подумав: «Ну и язва эта Зинаида Павловна. И тут успела, и тут свой нос сунула».

— А не обнищают от такого лова река и озера? — как-то настораживаясь всей своей фигурой, спросил Соболев.

Антиповна замахала руками:

— Да что ты! Рыбы тут плодится — удержу нет. Кормов обильно, отраву никто пока не спускает. Вода шелковая! — Антиповна прищелкнула языком и, сожмурив и без того узкие щелки глаз, с чувством превосходства над приезжими засмеялась:— Нет, нет, дорогие люди, без опаски я тут рыбу беру!

— Ну и впредь берите! Никто вам мешать не будет! — воскликнул Соболев.

— А Игнат не тронет нас больше? Не будет неволить старух насчет переезда в поселок? — поглядывая на Соболева, сказала Антиповна.

— А вот пусть он при всех скажет: будет или не будет неволить на переезд? — Соболев уставился на Васильева упорными глазами.

— Я, товарищ Соболев, не от себя старух приневоливал. По мне они пусть еще тут хоть сто лет живут. Установка из района такая... Закрыть деревни без перспектив, чтоб и помину о них не было.— Васильев взволнованно застучал клюшкой о песок.

— Ладно! В таком случае повыше власть спросим: как, Юрий Витальич, смотрите?— повернулся Соболев к председателю райисполкома: — Жить тут Антиповне или не жить?

Харитонов покраснел всем своим гладким молодым лицом от неожиданного вопроса секретаря обкома, мимолетно посмотрел на Макарова, стоявшего как изваяние с сомкнутыми руками на груди, покашливая, сказал:

— Старая наша беда, Антон Васильич: спешка на том месте, где надо крепко все взвесить. Не знаю, как думает Матвей Семеныч, а я против того, чтоб Коровью гривку под корень рубить. Дорогу сюда надо поправить еще до осени. Тридцать грузовиков гравия — и кати! И надо заставить райпотребсоюз забирать отсюда всю продукцию, привозить товары...

— И снасти бы еще! — подсказала Антиповна.

— И снасти, конечно, Антиповна! А кроме этого, надо поселить тут еще два-три семейства. Есть у меня на примете пенсионеры из военных, вполне работоспособные... А там и молодежь потянется... Пойдет деревня снова в гору... Такая моя позиция, Антон Васильич!

— А какая позиция у секретаря райкома?— спросил Соболев, видя, что Макаров еще больше насупился.

— Я? Я за агрогорода.

— Ну это, Матвей Семеныч, не ответ. Мы тоже не против агрогородов. Но как быть в данном, конкретном случае? Женщины не хотят уезжать отсюда. Да и агрогорода вы еще не имеете. Здесь они трудятся, кормят себя и могут кормить многих других. А что вы им предложите на центральной усадьбе?

— Да мне и поселить-то их некуда. Два новых дома я специалистам и механизаторам отдаю,— вставил Васильев.

— Ну вот, видите, какая ситуация! А вы — агрогорода! Стоит ли нам, прикрываясь хорошими, правильными лозунгами, не учитывать конкретные нужды людей, перепрыгивать очертя голову через местные условия, не понимать, что каждое дело требует маневра? Помните, как говорят настоящие хозяева: взять в толк, семь раз примерить, кое-что прикинуть в уме... учесть и частности и общее положение... Не так ли? Как думаете, Матвей Семеныч?

Макаров совсем помрачнел. Он всплеснул руками, откровенно выпалил секретарю обкома сокровенное:

— Забот с этими малыми деревнями будет — не прочихнешь! Ни на что другое времени не останется. А потом... не поползет ли, как сорняк, наживатель, спекулянт: живучая она, эта паскуда — частная собственность. Ленин-то не зря против нее нас, коммунистов, предупреждал.

— Забот прибавится! Вы правы, Матвей Семеныч. А только от забот в кусты не убежишь. Они все равно нашего брата догонят. А наживатель, он тут как тут появится, если мы рук своих не приложим. Видели вон, какой он шустрый, идол из Белоярска? Вы тут вздремнули со своим потребсоюзом, а он начеку! И хвать у вас из-под носа то, что ему не принадлежит. Нет, Матвей Семеныч, от работы, от забот не уйдешь. Без этой лошадки в грядущий век нам не въехать. Да разве запугаешь вас работой? По-моему, самая жестокая для всех нас казнь — оставить без дела. А? — Соболев засмеялся, весело посматривая на секретаря райкома.

— Вот это уж точно! В отпуск иной раз уедешь, а на душе пусто, будто тебя в штрафники зачислили,— оживился Макаров, выходя из минутного оцепенения.

— Ну что, не пора нам ехать дальше? Время бежит,— напомнил Васильев, поглядывая на небо, на скромное, какое-то застенчивое солнышко и мысленно соображая, сколько им потребуется времени, чтоб побывать еще в двух деревнях — Гончаровке и Бондарях под кедрами. В первой жили когда-то мастера изделий из глины, а во второй бондари, снабжавшие кадками чуть не все Притулымье. Теперь обе деревни не жили, а едва-едва кадили, как чахлый, затухающий костерок.

Все шумно и немного суетливо попрощались со старухой Антиповной, беспрерывно попыхивавшей трубкой, и, сопровождаемые собаками, дружелюбно вилявшими хвостами, дошли до машин и расселись в прежнем порядке.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии СССР

«ВСЕ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ ДОЛЖНЫ БЫ УЧИТЬСЯ У ВАС...»

III

Теперь расскажу о других автографах, отысканных мною в Париже, имеющих отношение к теме «Иван Тургенев, семья Полины Виардо и Жорж Санд».

Это прежде всего четыре письма Тургенева к Жорж Санд. Два из этих писем были изданы; они датированы 13 августа 1875 года и 4 апреля 1876 года.

Третье имеющееся у меня письмо Тургенева к Жорж Санд оставалось до сих пор неизданным. Оно относится к концу января 1870 года и было отправлено вскоре после их встречи в Ноане. Об этой встрече с писательницей Тургенев сообщал 19 января 1870 года восемнадцатилетней Клоди Виардо, самой любимой им из дочерей Полины Виардо: «М-м Санд, конечно, много расспрашивала меня о твоей маман, о всех вас, я был счастлив рассказать ей обо всем, что она хотела узнать, и показать твою фотографию». Во время этой встречи Жорж Санд и попросила Тургенева прислать ей фотографии Клоди. Выполняя эту просьбу, Тургенев отправил Жорж Санд письмо, которое ранее не публиковалось. Вот что в нем сказано:

«Дорогая г-жа Санд.
Посылаю Вам две прилагаемые фотографии Диди и прошу Вас быть доброй оставить их у себя.
В течение того часа, что я провел с Вами, Вы буквально положили меня в свой карман — и я очень этим счастлив.
Вот мой адрес: Вел. герцогство Баденское, Баден-Баден, И. Т.— Скажите слово, и я сделаю все, что Вы захотите.
Ваш преданный И. Тургенев
Среда вечером».

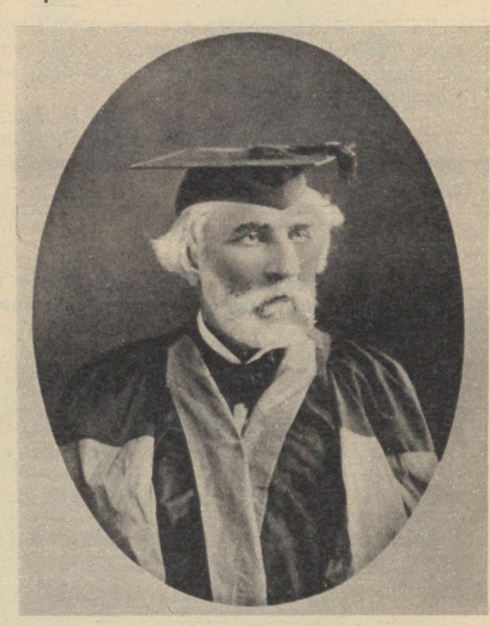
О том, с какой нежностью Тургенев до конца своих дней относился к Клоди Виардо, ставшей художницей, свидетельствуют его письма — как обращенные к ней, так и отправленные различным корреспондентам. Приведу лишь два отзыва Тургенева о ней. Одно, из письма к немецкому писателю Людвигу Пичу от 1 января 1873 года, гласит: «...в семье Виардо все идет довольно хорошо: Диди еще не замужем, работает прилежно и делает большие успехи — вероятно, кое-какие из ее работ будут на выставке». Другое письмо Тургенева, датированное 7 января того же года, обращено к его парижской знакомой, связанной с литературным миром Франции, Валентине Делессер, и в нем такие строки: «Посылаю Вам фотографию моего маленького друга Клоди — дочери госпожи Виардо; Вы ведь проявляете к ней интерес».

Второе неизданное письмо Тургенева к Жорж Санд, из числа тех, что я отыскал, было отправлено из Лондона 6 мая 1871 года; написано оно совместно с Мануэлем Гарсиа, братом Полины Виардо, профессором Лондонской консерватории, преподавателем и теоретиком пения.

12 ноября 1870 года семья Полины Виардо и Тургенев временно поселились в Лондоне. Певица там выступала, пользовалась успехом. В феврале 1871 года Иван Сергеевич поехал на родину, а 7 апреля вернулся в Лондон. Спустя три недели — 28 апреля — в парижской газете «Le Temps» появилась следующая заметка (даем в переводе): «Из Турина сообщают о смерти г-жи Полины Виардо, урожденной Гарсиа, сестры Малибран и создательницы роли Фидес в «Пророке» Мейербера. Великой лирической трагической актрисе было только 53 года».

Эту газетную «утку» перепечатали некоторые французские, английские, немецкие, итальянские и русские газеты. В своих письмах к друзьям Тургенев опровергал эту небылицу. Так, 1 мая 1871 года он уведомлял П. В. Анненкова: «Любезнейший П[авел] В[асильевич] — во вчерашней «Pall Mall gazette» стояла следующая штучка (даем в переводе):

И. С. Тургенев — доктор права Оксфордского университета.



На обороте фотографии надпись Тургенева: «Старейшему и лучшему из друзей П. В. Анненкову от доктора Гражданского права, не имевшего понятия о том, что он доктор. И. Т. Париж 1879».

Окончание. См. «Огонек» № 37.

«Письмо из Парижа, в «Temps», сообщает о смерти Полины Виардо, урожденной Гарсиа, сестры Малибран и создательницы роли Фидес в Мейерберовом «Пророке». Прославленной артистке только что исполнилось 54 года». Можете себе представить, какое впечатление произвело бы на меня это объявление, если бы я прочел его где-нибудь, а не в салоне г-жи Виардо и не в ее присутствии. Но так как подобные новости распространяются с быстротою молнии — и все газеты их тотчас перепечатывают, то я обращаюсь с просьбой предупредить их — или опровергнуть, как хотите. Г-жа В[иардо], слава богу, здорова — и ей не 54: а 49 лет». Анненков выполнил просьбу Тургенева и напечатал в «С.-Петербургских ведомостях» (1871, 25 апреля (7 мая), № 112) опровержение, где было сказано, что Виардо рада «иметь возможность уличить в милой любезности составителя своего некролога, который приписал ей 54 года вместо 49 лет, числящихся за ней в действительности».

Жорж Санд сотрудничала в «Temps», постоянно читала эту газету и, когда ознакомилась с напечатанной там 28 апреля 1871 года заметкой о смерти Полины Виардо, была, конечно, глубоко опечалена: ведь писательница и певица были очень дружны. Не зная лондонского адреса семьи Виардо, Жорж Санд обратилась с письмом к Мануэлю Гарсиа, в котором, по-видимому, выражала сердечное соболезнование и просила сообщить подробности внезапной смерти артистки. Вот текст ответа, отправленного Мануэлем Гарсиа и Тургеневым писательнице:

«Дорогая госпожа Санд.

Все это чистейшие выдумки журналистов. Полина чувствует себя прекрасно и за те семь месяцев, что она в Лондоне, кроме одной простуды, ничем не хворала.

Англичане приняли ее великолепно, она работает с пылом и успехом молодой особы. Сам [Луи] Виардо в восторге, что приехал сюда. Для детей нашлись здесь все нужные им преподаватели, а для него — неисчерпаемый источник занятий и наслаждений в художественных галереях и в коллекциях предметов искусства, принадлежащих богатым вельможам.

Как видите, сударыня, вместо дурных известий можно было бы напечатать хорошие.

Мне было бы очень приятно узнать, что испытанные Вами волнения не пошатнули Вашего здоровья.

Ваш верный и преданный
М[ануэль] Гарсиа

6 мая 1871 г.

5, Бентинк Стрит
Манчестер Сквер

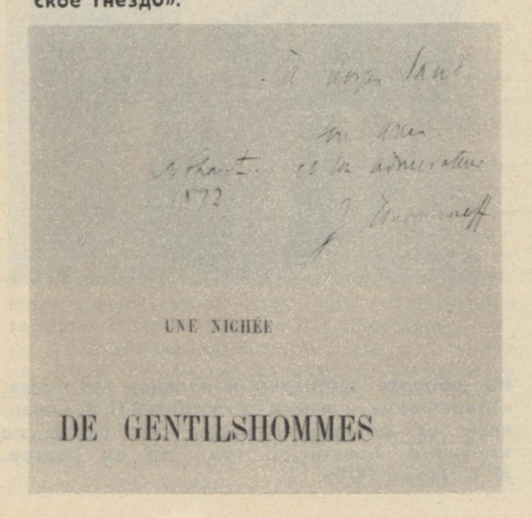
Да — к счастью — это все неправда, дорогая г-жа Санд, знай я Ваш адрес, я уже написал бы Вам, — теперь в спешке и в радости целую Ваши руки и остаюсь навсегда

Ваш И. Тургенев

Полины и Луи не было дома, когда я пошел попросить их подтвердить то, что пишу Вам выше.

М. Г[арсиа]».

Дарственная надпись Тургенева Жорж Санд на французском переводе романа «Дворянское гнездо».



Заметка в «Temps» о смерти Полины Виардо опечалила Гюстава Флобера — прежде всего потому, что он понимал, какая это утрата для Тургенева. 1 мая 1871 года Флобер писал ему: «Дорогой друг, я узнал о горе, Вас постигшем, и моя первая мысль обращена к Вам. Я слишком люблю Вас, чтобы писать банальные фразы. Но мне очень грустно, и я Вас обнимаю». В ответном письме Тургенев уведомлял 6 мая Флобера: «К счастью, мой дорогой друг, к счастью, это известие совершенно ложно! То, что г-жа В[иардо], которую я вижу ежедневно, умерла, справедливо не в большей мере, чем то, что ей 54 года. Если бы это известие соответствовало действительности, думаю, я был бы не в состоянии Вам ответить... Теперь я могу сказать Вам, что Ваше письмо меня глубоко тронуло. Очень приятно сознавать, что у тебя есть настоящий друг — и я благодарен Вам за то, что Вы мне доказали это».

Наконец, сохранилось еще одно письмо Тургенева, которое было отправлено в связи с появлением в той газете лживой заметки. Оно обращено к А. Ф. Писемскому и датировано 22 мая 1871 года. В письме строки, свидетельствующие о том, какое высокое значение придавал Тургенев роли Полины Виардо в своей тогдашней жизни: «От Анненкова я узнал, что ложный слух о кончине г-жи Виардо Вас встревожил и Ваше сочувствие ко мне выразилось с особенной теплотою. Благодарю Вас искренно за Ваше дружеское участие, которое мне очень дорого. Нет никакого сомнения, что, окажись это известие справедливым, всякий жизненный интерес для меня прекратился бы. Слава богу, ее здоровье очень крепко, и она, конечно, переживет меня».

Тургенев, не дожив до 65 лет, скончался 22 августа (3 сентября) 1883 года, а Полина Виардо умерла спустя 27 лет — 18 мая 1910 года в возрасте восьмидесяти девяти лет.

Обнаружен также автограф еще одного ранее неизвестного письма Тургенева, которое снова характеризует его сердечно-дружеское отношение к Жорж Санд; о нем идет речь в приводимых нами ее письмах. Тургенев просит Плошю передать «милым маленьким барышням из Ноана» его рождественские подарки, а писательнице свою книгу; то был, по-видимому, сборник рассказов Тургенева, вышедший вторым изданием в 1874 году в парижском издательстве Этцеля под названием «Nouvelle Moscovites». Вот текст этого письма Тургенева к Эдмону Плошю:

«48, улица Дуэ
Вторник 17 декабря 74

Любезный г-н Плошю.

По чистому недоразумению, на корзинке с игрушками, которую отнесли к Вам сегодня утром, было помечено «От м-м Виардо»; это я позволил себе преподнести их милым маленьким барышням из Ноана.

Одновременно посылаю Вам одну из моих книг, которой у г-жи Санд нет, — прошу Вас передать ее — и сказать, как я жалею о том, что противная подагра препятствует тому, чтобы я сам принес ей эту книгу.

Вы также передадите ей о моих горячих пожеланиях, чтобы в течение еще многих лет она продолжала оставаться тем же счастливейшим в мире человеком, что и сейчас.

Прошу Вас также передать мой горячий привет всему семейству.

Сердечно жму Вам руку.

Ваш преданный Ив. Тургенев».

На конверте: *«Господину Эд. Плошю, 11, Итальянский бульвар*
от Тургенева».

Тому же Эдмону Плошю адресована записка Полины Виардо о Тургеневе. Текст записки гласит:

«Буживаль, 30 сентября

Дорогой г-н Плошю.

Наш мужественный[1] *друг чувствует себя сносно — завтра Новый мост будет рядом с ним казаться инвалидом*[2].

Тысяча приветов и до воскресенья пораньше, не позднее 3 ½ часов.

Искренно Ваша Полина Виардо».

[1] Над этим словом карандашом в скобках по-французски — «Тургенев».

Наконец, мною был обнаружен в Париже автограф неизданного письма Жорж Санд к Луи Виардо от 11 декабря 1862 года. Человек многогранных дарований, Луи Виардо — превосходный искусствовед и историк — занимался также и переводами. Исполненный им перевод на французский язык «Дон Кихота» до сих пор считается лучшим, хотя был сделан 150 лет назад. Вместе с Тургеневым он переводил и русских авторов. Одновременно со своим письмом Луи Виардо отправил Жорж Санд выпущенную в 1862 году парижским издательством Ашетт книгу, которая называлась «Poéms dramatigues d'Alexandre Poushkine, traduites du russe par I. Tourgueneff et L. Viardo». Этой книге было предпослано предисловие Тургенева, в котором давалась высокая оценка драматургии Пушкина. Во Франции это издание вызвало большой интерес. Судя по письму Жорж Санд к Луи Виардо, и на нее произвели самое положительное впечатление драматические произведения великого русского поэта.

Начало дружеских отношений Жорж Санд и Луи Виардо восходит к концу 1830-х годов. А с 1841 по 1846 год они вместе с Пьером Леру редактировали и выпускали журнал «Независимое обозрение».

11 декабря 1862 года Жорж Санд писала Луи Виардо:

«Дорогой друг,

Вчера, наконец, я смогла прочесть Вашего Пушкина. Это прекрасно, особенно «Скупой рыцарь», и благодаря умному изяществу перевода я вижу, что это должно быть великолепно в оригинале. Если это может быть переведено и продолжать существовать — значит, это действительно прекрасно. Благодарю, что вспомнили обо мне, и прошу Вас передать Вашему превосходному сотруднику мои поздравления.

Значит, на лето Вы теперь так далеко от нас улетите? Всегда грустно думать, что от тебя удаляются! Но тут уж моя вина, я стала такой домоседкой в силу обстоятельств. Я лишена возможности следовать за теми, кого люблю, в деньгах еще большая нехватка, чем силы в ногах, чтобы осуществлять все эти прекрасные мечты о передвижении.

К счастью, уединенная жизнь, на которую я решилась, многим вознаграждается, и у нас в гнезде царит счастье. Моя Лина — очаровательный ребенок, в отношении ума и сердца — это совершенство. То, что нынешней зимой она увидит в Париже Полину, для нее большая радость, она ее боготворит, и мы ее в этом не расхолаживаем.

Значит, Полина довольна своим красивым шале, окрестностями, окружающими? Тогда все хорошо. Нужно сказать, что Куртавнель был красивым, очень печальным поместьем, а так как она, подобно птичке, вечно путешествует со всем своим выводком, то немножко ближе, немножко дальше — существенно не меняет ее жизни. Передайте ей, что я по-прежнему ее обожаю как артистку, как женщину, как мать, как родную дочь, словом — всячески, и примите сами и для нее сердечные приветы всей нашей семьи.

Ж. Санд

Ноан, 11 декабря 62».

Это последний из отысканных мною в Париже автографов, остававшихся неизданными, посвященный отношениям Жорж Санд с Тургеневым и семьей Виардо.

IV

Известно, что Жорж Санд хорошо рисовала, владела она также техникой акварельной живописи. В Париже мне довелось приобрести ее рисунок пером, изображающий Поли-

[2] Парижский Новый мост часто поминается как символ крепости и здоровья. Когда говорят «Он здоров, как Новый мост», нужно понимать «здоровье у него великолепное».

Ю. Пименов. 1903—1977. МАРУСЯ, ПОРА ОБЕДАТЬ!

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Графика.

С. Герасимов. 1885—1964. Иллюстрация к роману М. Горького «ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ». Фронтиспис. Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Графика.

В УСАДЬБЕ МЕНДЕЛЕЕВА И ВОКРУГ НЕЕ

Через пять месяцев после публикации в «Огоньке» очерка «В усадьбе Менделеева» (№ 12), в котором говорилось о бедственном состоянии подмосковной усадьбы великого русского ученого, мы вновь отправились в Боблово. Позвали нас туда тревожная читательская почта и естественное желание узнать, что же конкретно предпринимается Мособлсоветом, Министерством химической промышленности СССР, Министерствами культуры СССР и РСФСР, руководителями Клинского района Московской области для наведения порядка на бобловском холме, где в большом старом парке стоял некогда дом, в котором около сорока лет жил и работал в летние месяцы Д. И. Менделеев. Направляясь в менделеевские места, мы помнили, что остается всего полгода до 150-летнего юбилея ученого, который будет торжественно отмечаться во всем мире.

В редакцию поступили официальные ответы на вопросы, поднятые в очерке «В усадьбе Менделеева». В письме, подписанном заместителем председателя исполкома Мособлсовета Н. К. Корольковым, в частности, говорится:

«Исполком Мособлсовета рассмотрел вопросы, поднятые в очерке «В усадьбе Менделеева», и считает их постановку принципиально правильной.

Вопрос о восстановлении усадьбы Д. И. Менделеева «Боблово» в течение ряда лет прорабатывался с заинтересованными организациями. Его сложность состоит в том, что постройки усадьбы Боблово не сохранились, усадьба расположена в отдаленной сельской местности и практически не имеет благоустроенного подъезда.

В связи с этим проведение восстановительных работ потребует значительных капитальных затрат и производственных мощностей. В настоящее время с Министерством химической промышленности СССР достигнута договоренность, что к 150-летию со дня рождения Д. И. Менделеева клинское объединение «Химволокно» проведет капитальный ремонт и благоустройство дома Ильина-Смирнова, где бывал ученый. Здесь намечено разместить выставку о его жизни и деятельности.

Мособлисполком совместно с Минхимпромом СССР и рядом смежноотраслевых министерств рассматривает предложения о восстановлении усадьбы Д. И. Менделеева в полном объеме».

Пришел совместный ответ из Министерства химической промышленности СССР и Министерства культуры РСФСР, в котором сказано:

«Министерство химической промышленности и Министерство культуры РСФСР совместно с Клинским горкомом КПСС и Клинским горисполкомом с выездом на место рассмотрели вопросы, поднятые в статье «В усадьбе Менделеева», опубликованной журналом «Огонек» № 12 за 1983 г.

Намечены конкретные меры по проведению первоочередных работ в усадьбе к 150-летию со дня рождения великого ученого.

По заданию Министерства химической промышленности институт Госниихлорпроект разработал проект капитального ремонта дома Ильина-Смирнова в усадьбе Д. И. Менделеева для размещения в доме юбилейной экспозиции...

Министерство культуры РСФСР поручило Главному управлению культуры Мособлисполкома включить новый музейный объект в структуру одного из музеев области и решить вопросы научной подготовки и создания юбилейной экспозиции. Для осуществления этой работы министерство окажет содействие Главному управлению культуры Мособлисполкома в привлечении специализированной художественно-оформительской организации, ведущих музеев, научных учреждений и профильных вузов...

Клинский горисполком обеспечит разработку проекта ремонта дороги до усадьбы «Боблово» (совместно с Госниихлорпроектом) и осуществит эти работы в 1983 г. Воронинский сельсовет и совхоз «Динамо» произведут благоустройство села к юбилею ученого.

Вопрос о восстановлении всего усадебного комплекса «Боблово» будет рассмотрен при формировании планов двенадцатой пятилетки.

Член Коллегии Министерства химической промышленности, начальник Управления по науке и технике

В. Ф. Ростунов

Заместитель министра культуры РСФСР

А. И. Шкурко».

Письма примерно такого же содержания поступили в «Огонек» также из Министерства культуры СССР и Клинского ГК КПСС.

Секретарь Клинского ГК КПСС тов. Харламов известил редакцию, что Клинскому дорожно-строительному ПМК поручено до 1 июля произвести ремонт дороги в Боблово.

1 сентября, в сухую погоду, мы с трудом проехали по никем еще не ремонтируемой проселочной дороге к менделеевской усадьбе. Клинский дорожно-строительный ПМК явно не спешит выполнять поручение.

Более оптимистичное впечатление производит сейчас само Боблово. Дело здесь наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Дом Ильина-Смирнова, первый объект будущего музея Менделеева, ремонтирует (но, к сожалению, не восстанавливает в том виде, каким видел его ученый) бригада объединения «Химволокно».

С бригадиром Николаем Сергеевичем Мухиным мы обошли восстанавливаемый объект. Видно, что ремонтники стремятся добросовестно и добротно выполнить порученное необычное дело. Однако им требуется срочная помощь. Почему-то авторы проекта восстановления Боблова из Госниихлорпроекта (главный инженер проекта С. П. Хованов) здесь почти не бывают, не видели на объекте и архитекторов из «Союзреставрации». Рабочих чертежей на восстанавливаемый дом бригада так и не получила (зато рабочие чертежи для сооружения неподалеку туалета имеются в изобилии — «на каждую балку»,— сказал нам, усмехаясь, один из рабочих). Ощущается нехватка материалов, очень волнует рабочих состояние дороги: чуть пойдут дожди, и до Боблова не доберешься. Следует срочно и компетентно решить и еще ряд проблем. Например, кто же занимается организацией музейной экспозиции к юбилею Менделеева, кто будет работать в Боблове, как будут сюда добираться туристы и т. д.

К сожалению, один вопрос «дипломатично» обошли авторы официальных ответов. В структуру какого музея области Министерство культуры РСФСР поручило Главному управлению культуры Мособлисполкома включить «новый музейный объект»?

Повторим то, что мы уже писали в очерке «В усадьбе Менделеева». На наш взгляд, все эти проблемы должны быть в компетенции руководства создающегося близ Боблова Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока.

Вернувшись из Боблова, мы вновь обратились к письмам, свидетельствующим о серьезной заинтересованности наших читателей проблемами охраны памятников истории и культуры в общем и конкретном решении этих вопросов в Подмосковье.

«С большим интересом,— говорит в письме в редакцию академик Д. Г. Кнорре из Новосибирска,— прочитал статью «В усадьбе Менделеева». Считаю, что редакция «Огонька» подняла в этой статье очень важный вопрос, касающийся сохранения усадьбы одного из выдающихся химиков России. Хочу присоединить свой голос к мнению видных советских академиков и писателей, высказывающихся за восстановление усадьбы Д. И. Менделеева в Боблове».

Внучатый племянник Д. И. Менделеева, архитектор А. В. Максимов, сообщает, что он воссоздал по материалам семейного архива «внешний вид утраченных зданий, а также интересных мест и пейзажей Боблова». «Главной задачей в этом труде,— пишет Арсений Владимирович,— ставлю: помочь реставраторам, строителям и проектантам... Все работы максимально документальны. Это главное». Наверное, будет интересно познакомить и широкую общественность с работами опытного архитектора, и, конечно, они должны быть использованы при восстановлении Боблова.

В заключение приведем слова из передовой статьи газеты «Правда» «Места заповедные», тем более относящиеся к теме нашего разговора, что в интересующем нас уникальном природном районе Подмосковья должен создаваться не только историко-культурный, но и природный заповедник: «Размах хозяйственной деятельности и усиливающееся ее влияние на природную среду, все более широкое освоение в нашей стране ранее практически нетронутых территорий требуют активизации усилий по созданию новых заповедников... Организация заповедников — не дань моде, это дело государственное, общенародное...»

Именно государственного подхода и ждем мы от тех, кому по долгу службы положено заниматься созданием музея-усадьбы великого русского ученого.

ну Виардо за пианино. Впервые появился он, как выяснилось, в феврале 1963 года на аукционе, состоявшемся в Париже в отеле Друо. В печатном каталоге, где рисунок обозначен под № 218, сказано: «Санд (Жорж). «Полина Виардо за пианино». Рисунок пером подписан и (печатка): «Коллекция Жорж Санд». Превосходный рисунок, тонко исполненный».

Как явствует из каталога, на этом аукционе продавалась авторская рукопись романа Жорж Санд «Консуэло», а также автографы сорока ее писем, в том числе двух — к Полине Виардо. Судя по аннотации, в одном из проданных писем Жорж Санд к Жозефу Дессойеру — от 6 июля 1875 года — идет речь об Иване Сергеевиче: «Тургенев мне сказал, что я сочиняю прелестные стихи и иногда превосходные». Наконец, на этом аукционе было письмо Луи Виардо от 7 июля 1865 года из Бадена к неизвестному адресату, где говорилось о Тургеневе, Лермонтове, Мериме...

Наконец, приведу краткие сведения о судьбе библиотеки Жорж Санд, в которой было несколько книг с дарственными надписями И. С. Тургенева, и воспроизведу одну из этих надписей по имеющейся у меня фотографии.

В 1890 году в Париже с 24 февраля по 3 марта состоялся аукцион основной части библиотеки Жорж Санд и ее сына Мориса, художника и литератора; он скончался в 1889 году, в связи с этим и произошла, очевидно, распродажа. На аукционе было 3000 книг. Под № 883 после названий десяти книг Тургенева здесь, в частности, сказано: «С автографами автора, обращенными к Жорж Санд, почти на каждом из этих томов». По-видимому, большинство изданий, появившихся на аукционе, были распроданы. В последнее время лишь весьма немногие из этих книг встречаются у парижских антикваров и библиофилов. Во время моего пребывания в 1966 году во Франции один из тамошних антикваров показал мне экземпляр вышедшего в парижском издательстве Этцеля в 1862 году перевода романа «Дворянское гнездо» с дарственной надписью Тургенева Жорж Санд. Надпись гласит: «A Georges Sand son ami et son admirateur I. Tourgueneff. Noant 1872). («Жорж Санд ее друг и ее почитатель Иван Тургенев, Ноан, 1872»). Благодаря любезности антиквара я смог получить фотографию авантитула этой книги, на котором дарственная надпись Тургенева.

«Я думаю, что через 50 лет меня совершенно забудут...» — утверждала Жорж Санд в 1872 году. Но она и предположить не могла, что через сто лет после ее кончины интерес к произведениям, созданным ею, будет во всем мире возрастать.

Еще в большей степени не угасает, а непрерывно возрастает за рубежом и тем более на родине великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева любовь к его творчеству. В конце 1960-х годов издательство «Наука» завершило выпуск первого полного собрания сочинений и писем Тургенева. Теперь «Наука» выпускает то же издание, но в значительно обогащенном виде, благодаря находкам последних лет, при этом тираж сочинений удвоился и достиг 400 тысяч экземпляров.

Иван Сергеевич Тургенев является гордостью русской и мировой литературы, а его произведениям суждено бессмертие.

Польша, год 1983-й

См. стр. 5.

дентами Варшавского университета, где он работает уже много лет.

— Вакуум в идеологии, формальная работа в молодежных союзах, закостенелые формы политической учебы — вот где закладывались сегодняшние успехи влияния церкви на молодое поколение,— так считает профессор.— Увы, сегодня наметился приток молодежи в костел. Это вопрос не только мировоззренческий, но и практический. Напомню, что прошлым летом уличные беспорядки, в которых участвовало много подростков, начинались зачастую сразу же после богослужения в костелах! Не хочу обобщать. Речь идет не обо всех священнослужителях, а о тех из них, которых можно назвать «экстремистами в сутанах». Об одном из них, Сильвестре Зыхе, вы, наверное, слышали? Средь бела дня шайка молокососов, в которой он был «духовным наставником», убила в варшавском трамвае милиционера...

Мой собеседник искренне любит молодых, верит в них и помогает по мере сил разобраться в сложной ситуации тем из них, кто к этому стремится. С гордостью рассказал он о своем сыне-математике, который недавно вступил в ряды ПОРП.

— Меня, как и всех честных коммунистов, радует, что за два года в партию пришло много молодых. Выступая на отчетной конференции варшавской организации ПОРП, товарищ Ярузельский отметил как важный факт, что 58 процентов новых членов партии составляют молодые люди до 29 лет. Это, конечно, воодушевляет, но не заставляет забывать о том, что борьба за молодежь продолжается.

Учитель, воспитай ученика!

Я побывала в Варшавском университете. Узнав о моем приезде, откликнулся мой добрый знакомый Анджей Слиш: много лет тому назад он работал в Москве. «Приезжай завтра на факультет журналистики и политических наук, я там заведую кафедрой истории печати. Вот и поговорим обо всем, что тебя интересует, как два историка-слависта!» Анджей, оказывается, не забыл, что я окончила кафедру западных и южных славян исторического факультета Московского университета. Здесь у него, историка, было много друзей среди моих бывших преподавателей и сокурсников.

В университете начались студенческие каникулы — по полупустому коридору факультета с обреченным видом слонялось несколько бородатых молодых людей в ожидании, когда закончится совещание преподавателей. Я прислушалась к разговору. Тема была вечная, неизбывная — кому из преподавателей приятнее «толкнуть» задолженность, и я обрадовалась, что при этом предпочтение получил мой знакомый.

Заглянув в прокуренную комнату, я увидела в облаках дыма знакомую плотную фигуру в коричневом костюме. Анджей мало изменился, разве чуточку погрузнел.

— Я преподаю историю печати — и, не скрывая своих убеждений, своей веры в социализм и коммунизм, веду откровенный разговор с молодежью. И честно скажу: было у меня за эти три года немало трудных дней.

Так началась беседа, которая длилась допоздна.

— Листовки? Мы находим их и сейчас в аудиториях! Враги, орудовавшие здесь, в университете, отступили во время военного положения, затаились, ушли в подполье и ждут «второй волны», чтобы сорвать выход страны из кризиса. А как уверенно они себя чувствовали в дни забастовки в университете! Никогда не забуду 7 ноября, когда было решено провести общеуниверситетское партийное собрание и пригласить на него одного из секретарей ЦК партии. И что же? Мы, коммунисты-преподаватели, должны были получить разрешение на вход в аудиторию, где намечалось собрание, у забастовочного комитета так называемого Независимого союза студентов и «Солидарности», которые организовали эту постыдную забастовку!

Враги добивались, по существу, отказа государства от всякого контроля над высшей школой. Автономию вузов они толковали весьма своеобразно: требуя упразднения преподавания марксистско-ленинской философии и русского языка, отмены военной подготовки студентов и права на антисоциалистические публикации и выступления. Как это выглядело на практике? В коридорах университета продавались груды антисоветской, антисоциалистической литературы. По дешевке можно было приобрести речи Пилсудского и даже майки с изображением этого «вождя», которого молодежи усиленно подсовывали как «отца нации». «Независимые» — это небольшая, хорошо подготовленная кадровая организация экстремистов, имевшая, как выяснилось, воздействие на большое число студенческой молодежи. Они возникли не вдруг, а много лет назад, в 70-е годы, когда в Варшаве и других крупных городах страны появились так называемые «летучие университеты». Их организовывали некоторые преподаватели, профессора, подбирая тщательно и скрытно студентов из числа любивших подискутировать на тему свободомыслия. Лекции проходили на частных квартирах два-три раза в неделю. Списки студентов, посещавших эти сборища, направлялись на Запад, и «хорошие ученики» получали ежемесячные пособия.

...Я слушала этот взволнованный рассказ с тяжелым чувством. «Учитель, воспитай ученика!» Из далекого прошлого пришел к нам завет, в котором сама мудрость человечества взывает к совести, чести и ответственности наставника перед его воспитанником. Чистота помысла учителя — в чистоте дел его ученика. А тут? Наставники дали ученикам чашу, наполненную националистическим ядом. Первый глоток из этой чаши вызвал студенческие волнения в марте 1968 года. Я в те дни была в Польше, в Щецине, в переполненном студенческом клубе «Контрасты». Мне довелось в течение шести часов слушать речи «наставников», а потом и «учеников», повторявших старших даже в интонациях. Ректор Щецинского политехнического института тогда сказал мне: «Это спровоцированная империалистическими просионистскими кругами попытка расколоть молодежное движение в Польше. Наши студенты больше всего боятся прослыть «серыми». Во что бы то ни стало они хотят иметь свое мнение и что-то значить в глазах других. У них одна задача — учиться, а надо их привлечь к общественно полезному участию в управлении страной!»

К сожалению, эта задача не была осуществлена. Еще в те дни выявилось, что молодежная организация в вузах оказалась практически разваленной, и среди тех, кто привел ее к развалу, называли Адама Михника — того самого ярого контрреволюционера, который стал одним из основателей пресловутого Независимого союза студентов и в феврале 1981 года в информационном бюллетене этой организации втолковывал молодежи: «Необходимо научить власть сосуществовать с обществом. К сожалению, она это не умеет и отступает только тогда, когда к ее виску приставлен пистолет. Поэтому надо периодически приставлять этот пистолет».

К созданию этой организации самое прямое отношение имела враждебная группировка КОС-КОР, создание которой было санкционировано западными спецслужбами. 17 февраля, когда регистрировался этот «союз», бастовали 29 вузов, и министерство было вынуждено уступить его требованию — отменить преподавание марксизма.

Атака, предпринятая врагами на общественно-политические дисциплины в вузах, свидетельствовала о том, как важна именно в этом направлении работа со студенчеством. Теперь уже сделаны выводы и предприняты конкретные шаги — с октября прошлого года во всех высших учебных заведениях страны преподается обязательный предмет «Наука о политике». Новый предмет только входит в права гражданства, но уже сегодня польская печать обращает внимание на то, чтобы программа его не позволяла преподавателям превращать эту дисциплину в беседы на «свободные темы». Важное значение имеют также новые правила приема в университеты, педагогические и политические институты, экономические и сельскохозяйственные академии. Согласно этим правилам, дети из рабочих, крестьянских семей, а также молодые люди, которые прошли службу в армии, получают преимущество на вступительных экзаменах. Конечно, все эти меры принесут пользу делу. Но пока еще, по мнению Анджея Слиша, ситуация продолжает оставаться сложной.

— Например, в нашем университете 5000 преподавателей и научных работников. Из них 3500 были членами «Солидарности». Новый закон о работе вузов, который вошел в силу с прошлого сентября, предоставил сенатам вузов широкие права, в том числе по выбору кандидатуры ректора. В сенате нашего университета — 70 человек. Из них только 14 членов ПОРП.

— Ну, а студенты, какое у них настроение?

— Учебный процесс в вузах с февраля прошлого года восстановлен, и студенты, лишенные главарей — экстремистов, сдают экзамены, учатся. Побеждает рационализм. Кому охота быть вечным студентом-бунтарем? Я читаю лекции, веду семинары, вижу — молодежь готова слушать преподавателя. Нужно искать ключ к сердцу молодых, нужно работать с ними по-новому. Помнишь слова Горького о том, как надо писать для детей? Он говорил, для них надо писать, как для взрослых, только еще лучше. Так вот, с молодым поколением надо работать, как со взрослыми, только еще лучше!

Интервью с министром по делам молодежи

Анджей Орнат — учитель по образованию, долгие годы возглавлял Союз польских харцеров. А сегодня ему доверено очень важное и нелегкое дело. Он министр по делам молодежи. Я попросила у министра интервью. «Я знаю «Огонек», читаю его и готов отвечать на ваши вопросы!» — ответил Анджей Орнат. И наша встреча состоялась.

— Комитет по делам молодежи был создан прошлой осенью. Какие задачи поставлены перед ним и что уже удалось сделать?

— Кризис, который пережила и переживает наша страна, нанес самый большой моральный удар молодому поколению. Враждебные силы, действовавшие у нас и за рубежом, учитывали, как остро воспринимает молодежь социальную несправедливость, и умело направляли ее недовольство не против отдельных негативных явлений общества, а против социализма как системы вообще. Вот почему в минувшем году партия посвятила проблеме молодого поколения специальный пленум ЦК. В решении его записано как важнейшая задача: программа для молодежи ПОРП будет осуществляться только при активном участии самой молодежи! А чтобы обеспечить координацию и контрольные функции правительства по решению этой задачи, был создан наш Комитет, в который вошли министры, руководители центральных органов.

Нами уже рассматривались хозяйственные инициативы молодежных организаций, обсуждались социальные проблемы молодой польской семьи, вопросы о кредитах для нее, а также об организации яслей, детских садов. Мы широко обсуждали также задачи участия молодого поколения в патриотическом движении национального возрождения, участия ее в народных советах и в инициативных группах по организации новых профсоюзов, в системе самоуправления на предприятиях. Сейм принял закон о гарантии работы для молодых выпускников вузов, и мы сейчас поставили задачу — добиться, чтобы были созданы условия для нормального жизненного старта молодых рабочих, техников, инженеров. Могу сказать, что почти во всех воеводствах уже созданы комитеты по делам молодежи, которые действуют совместно с партией и администрацией.

— В нынешнем году в высшие учебные заведения пришло около 55 тысяч абитуриентов. Всего в Польше почти 420 тысяч студентов. Какая ситуация в вузах страны?

— Сложная ситуация. Это связано с тем, что, во-первых, часть преподавательских кадров составляют люди безответственные, враждебно настроенные, а во-вторых, молодежные организации студентов оказались слабыми и политическое сознание студенчества значительно деформированным вражеской пропагандой. Процесс перевоспитания учащейся молодежи трудный и длительный. То, что произошло в нашей стране в области идеологии, потери, которые мы здесь понесли, надо восстанавливать годами!

— Мне приходилось сталкиваться с мнением педагогов, партийных работников о том, что студенчество оказалось в плену враждебной идеологии также и в силу того, что в школе и в вузах преподавание идеологических дисциплин велось недостаточно серьезно.

— Безусловно! И это тоже важная проблема, которой занимается наш комитет. Программы школ и вузов должны быть такими, чтобы воспитывать в молодежи гражданственность и социалистический патриотизм. Должна быть поднята роль молодежных организаций как политических воспитателей. Ныне самая больная проблема — педагоги для школ. Именно от них зависит судьба тех, кто только сегодня пришел в первый класс. Тут у нас много проблем, так как учителя школы в большой степени не на высоте этой политической задачи.

— В 1981 году в лагерях, организованных костелом для молодежи, отдыхало 20 тысяч ребят, в прошлом году — уже 80 тысяч! Костел, как я слышала, организует дешевые столовые для плохо обеспеченных студентов, оплачивает квартиры тем из них, кому трудно даются студенческие годы, и даже организует ясли для студенческих семей. Как вы к этому относитесь?

— Мы считаем, что в социалистической Польше должна быть только социалистическая школа, и принимаем во внимание, что существует отделение церкви от государства. Мы будем решительно бороться за социалистическую школу без влияния церкви! В некоторых частях страны слишком активно действуют церковники, используя многовековые традиции и настроения польского общества, дает о себе знать клерикализм.

Государство, обеспокоенное положением с молодежью, делает сейчас немало для того, чтобы организовать, например, ее летний отдых. Миллионы злотых были отпущены на летний отдых, и лично товарищ Ярузельский поставил задачу перед общественностью и организациями страны, чтобы хорошо организовать досуг молодежи летом. Но надо честно признать — пока наши экономические трудности не дают возможности полностью осуществить наши планы. Хочу подчеркнуть, что для нас сегодня, в это трудное время неоценима помощь, которую мы получили и получаем из СССР, других стран социализма. Наша экономика начинает подниматься на ноги. Если бы не эта помощь, ситуация в стране была бы намного сложнее!

— Западная печать, рассказывая о нынешней ситуации в Польше, называет молодежь «потерянным поколением». Что вы, товарищ министр, скажете по этому поводу?

— Мне знаком этот тезис о «потерянном поколении», и я не могу с ним согласиться! Потому что, когда мы говорим о нашем поколении молодых, мы должны вспомнить, какой была Польша после освобождения от гитлеризма: повсеместная безграмотность, не было школ, больниц. О дне сегодняшнем надо говорить в сравнении с прошлым. Никогда не соглашусь с полными националистического яда, лживыми утверждениями, которые раздаются на Западе, что наша молодежь против социализма. Нет, она за социализм, но против тех отклонений от социализма, которые были характерны в нашей стране, особенно под конец 70-х годов. Молодые сегодня должны стать в одну шеренгу с рабочим классом, включиться в создание материальных ценностей своими руками. Тем самым мы хотим начать борьбу с духом иждивенчества и потребительскими вкусами. Мы в прошлом году сумели частично — я не хочу преувеличивать наши успехи — поднять потенциал молодого поколения, привлекая их к участию в политической жизни страны. Впереди еще много трудностей, но главное — есть у нас четкая программа действия.

ГЛАВА III. КУЛЬТУРА: ШАГИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ДОВЕРИЯ

Одним из важнейших условий для укрепления социалистической стабилизации стала задача преодоления кризиса доверия, застоя в общественном сознании миллионов поляков.

Я встречалась со многими представителями интеллигенции, и все были единодушны в том, что идеология и культура не должны быть областью каких-либо тактических компромиссов. Мне называли имена — громкие, известные не только в Польше, но и за ее пределами. Писатели, художники, артисты, театральные режиссеры, кинематографисты — всем им народная власть помогла раскрыть талант, а они использовали свой талант для глумления над прошлым и настоящим народной Польши.

Как считают некоторые в Польше, диагноз этой «болезни» — мания модернизма. В погоне за модерном, за авангардной формой искусства довольно большая часть творческой интеллигенции стала проповедовать идеи, навязанные Польше капиталистическим обществом потребления. Зараженные этой болезнью яростно сокрушали социалистический реализм, вопия при том о свободе творчества. И сейчас, когда страна с превеликим трудом подымается из экономической разрухи и начинает выходить из кризиса, с упорством, достойным лучшего применения, они пытаются любым способом подорвать доверие к народной власти, отрицая вопреки очевидным фактам достижения Польши за минувшие 39 лет! И не случайно, демонстрируя в дни введения военного положения свое недоброжелательное отношение к существующему «режиму», некоторые литераторы, деятели театра и экрана объявили бойкот государственным средствам массовой информации — радио и телевидению.

Недавно, 20 августа, принято решение распустить Союз польских писателей. Эта организация была лишена возможности продолжать свою деятельность по вине его главного правления, избранного в декабре 1980 года. Приняв программу деятельности, противоречащую традициям и уставу организации, этот руководящий орган союза писателей стал практически выразителем взглядов антигосударственной политической оппозиции. За полтора года, прошедших со дня приостановления деятельности союза, руководство организации не изменило свою позицию. Вопреки призывам государственных органов, желанию и надеждам большинства членов союза его руководство не отошло от позиции, занятой группой членов союза, которые в политическом плане сомкнулись с зарубежными подрывными центрами и внутренней контрреволюцией.

Принятое решение о роспуске Союза польских писателей было вынужденным, и собравшаяся в те дни в Варшаве группа писателей, обсудив важные проблемы творческой жизни литераторов после роспуска союза, заявила о необходимости возрождения творческой организации писателей, уважающей государственное устройство и законы Польской Народной Республики и способной действовать в интересах всей польской литературы. Под этим заявлением стояли подписи семидесяти двух писателей и среди них — Збигнева Сафьяна, Януша Пшимановского, Зофьи Быстшицкой.

«Слово — наше оружие»

Один из дней моей короткой командировки в Варшаву я провела в обществе двух людей, которые пользуются широкой популярностью не только в Польше. Писатель и общественный деятель Януш Пшимановский известен в нашей стране как автор серии «Четыре танкиста и собака». С его участием была также поставлена другая телевизионная серия — «Вызываем огонь на себя». А польские ребятишки знают его как автора веселых и умных книжек, посвященных защите природы. Но самой главной темой его творчества остаются война, подвиг тех, кто освобождал Польшу. И потому депутат сейма Пшимановский работает в двух его комиссиях — комиссии культуры и народной обороны.

Писательницу Зофью Быстшицкую знает, без преувеличения, большая часть женского населения Польши: во-первых, как автора популярнейших романов «Одиночество» и «Контузия» (эта книга была два года назад издана в СССР). А во-вторых, Быстшицкая двадцать лет ведет рубрику в женском журнале «Зеркало».

В судьбах этих двух больших друзей, писателей-коммунистов решающую роль сыграла война с фашизмом. Они шагнули в нее совсем юными, хотя позади у обоих уже было немало тяжелых испытаний. Вышли они из той страшной, кровавой купели целеустремленными и твердо убежденными в том, что у Польши есть только один путь в будущее — социализм! И потому в самые тяжелые дни оба встали по ту сторону баррикады, где надо было сражаться за это будущее. В феврале прошлого года, когда некоторые писатели-депутаты отказались работать в комиссиях сейма, демонстрируя свое неодобрение «военному режиму», депутат Пшимановский напомнил им о долге перед родиной и о списках на уничтожение защитников социалистической Польши, заготовленных контрреволюционерами.

В рабочем кабинете писателя Пшимановского я видела две папки с письмами. В одной — угрозы, хулиганские пасквили, проклятия. В другой — славные, взволнованные письма, которые прислали те, кто разделял боль и возмущение писателя. «Дорогой брат поляк! С тяжелым сердцем я переживаю то, что происходит на моей родине. Мы, те, кто помнит оккупацию, знаем, откуда подул этот гнилой ветер. Если бы не было народной Польши, разве те, кто вдохновляет молодежь на уличные сражения, имели бы возможность получить дипломы юристов, инженеров? Я пережила войну, трудное послевоенное время и вижу, что мы попали в большую беду по своей вине, по вине тех, против кого вы справедливо выступали в сейме».

Вот уже больше года прошло с того дня, а до сих пор приходят письма с «приговорами к смерти» депутата сейма Пшимановского. И до сих пор анонимные хулиганы терзают такими же угрозами телефон писательницы Быстшицкой: в дни бойкота телевидения вместе с Пшимановским она написала патриотическую пьесу «Форт непокоренных сердец», которая прошла по телевидению страны.

— И вам не страшно? — спросила я.

Маленькая, изящная пани Зося ответила:

— Со мной-то ничего не случилось! А вот актер, который исполнял в нашем спектакле главную роль, вернувшись в Лодзь, был зверски избит и долго лечился в госпитале...

Я спрашиваю пани Зосю: как получилось, что часть творческой интеллигенции, выросшей и воспитанной в социалистической Польше, оказалась незакаленной, идеологически неустойчивой?

— Мне уже немало лет,— ответила она,— и большая часть моей жизни связана с варшавской партийной писательской организацией. В течение пятнадцати лет меня избирали в партийное бюро. Я много размышляла, почему расстались с партийными билетами прежде всего те, кто нас моложе и, следовательно, жил в лучшее время? И вот что я скажу. Каждое поколение настроено критически. Это закон жизни: молодые ищут свое, главное дело. Мы закалились в борьбе с фашизмом, мы многое поняли тогда. И они, те, кому сегодня 30—35 лет, тоже хотели что-то сделать. Но, разочарованные искривлением линии социализма, говорили: «Нам такой социализм не нужен!» И тут надо было сказать — стоп! Давайте разберемся, прежде чем зачеркивать социализм, за который мы, старшее поколение, дрались не на жизнь, а на смерть! Но время было упущено. И пришел август 1980 года, и «Солидарность» позвала за собой тех, кто попался на ее демагогию.

Зофья Быстшицкая рассказала, как однажды в Союз писателей явился один из видных деятелей «Солидарности», Буяк:

— Послушала я его — так этот «лидер» попросту малограмотный и недалекий человек! Он объявил собравшимся писателям свою «культурную программу» — первой книгой в Польше должна быть... библия! Я слушала эту ахинею и вспомнила, как впервые в семнадцать лет прочитала «Манифест Коммунистической партии» и не расставалась с книгой, перечитывала бесконечно, все лучше и лучше понимая окружающий меня сложный, противоречивый мир! Я слушала рассуждения этого безграмотного «лидера», который даже не удосужился узнать как следует историю своей страны, и тогда особенно ясно поняла, как же плохо мы учили свою молодежь и как мстит за себя формальное изучение марксизма, когда люди зазубривают и «сдают» этот предмет, не вникая в суть того, что стоит за названием «социал-демократия» и в чем проявляется в наши дни троцкизм...

— Верно! Нужно упорно пробиваться к молодежи! — поддержал ее Пшимановский.— Но признаемся: у нас теперь не всегда есть батальоны пропагандистов, и мало орудий и боеприпасов — книг, фильмов, пьес, с которыми мы можем вести трудную битву за души поляков, и прежде всего молодого поколения! У нас нет времени для того, чтобы откладывать эти дела на лучшие времена. Не надо забывать, что наш идеологический противник уже давно и успешно работает с творческой интеллигенцией. Стоит кому-то из писателей написать книжонку, ругающую социализм в Польше, как его тут же издают на Западе большим тиражом, да еще и позаботятся о хороших рецензиях. Зато тех, кто пишет не по заданному сценарию, разного рода «голоса» тут же начинают поносить. Расчет простой — если мазать грязью человека, что-то все же к нему пристанет. В этой борьбе мы должны учитывать, что в Польше тяга к книге огромная. До войны на поляка приходилось только восемь десятых книги. А теперь? Уже 16 декабря 1981 года, то есть через три дня после введения военного положения, был подготовлен проект книжных изданий на 1982 год. Там значилось 174,5 миллиона экземпляров, а было выпущено 190 миллионов. На первом месте в этом списке были учебники, книги для детей и подростков, классика.

...Как же молоды эти двое немолодых! С каким жизнелюбием и энергией живут они в это нелегкое время, не давая себе ни дня передышки в борьбе за возрождение той Польши, за которую они отважно дрались с фашистами. То, незабываемое, неотторжимо от дней нынешних, и полковник Пшимановский командует: «Едем к Висле! Я покажу вам то место, где шли страшные бои...»

В пасмурный день Висла выглядит серо, неприветливо. Ветер рвет шапку с головы, Януш Пшимановский рассказывает. Тут, на этой выложенной булыжником площадке, в 1944 году стояли небольшие домишки. И среди них восемь дней и восемь ночей он побеждал боль и страх. Здесь он был ранен, когда пытался под обстрелом вытащить из шлюпки своего командира...

— Я привел вас сюда, потому что нынешние события в Польше и история борьбы за ее освобождение неотделимы друг от друга. Но враги Польши все время подтасовывают историю, стараются прочесть то, что никогда не было написано на ее страницах!

Быстрыми шагами он ведет нас к монументу неподалеку от набережной. Солдат стоит на колене и держит в руках мину: чуткие пальцы напряженно ищут смерть. «Слава саперам»,— написано на постаменте. И цветы, цветы, цветы... Этот памятник встал здесь не без участия Януша Пшимановского, писателя, депутата сейма, члена Польской объединенной рабочей партии.

И маленькая мужественная женщина, которая стоит рядом с ним, негромко произносит:

— Придет время, на полках появятся товары, и мы забудем о карточках. Забудем о том, что во время очередей и перебоев с продуктами в Польше появилась новая «профессия» — «стач». Это человек, который стоит за деньги в очередях и отоваривает карточки тех, кто не может стоять сам. Мы забудем, что жили во времена феномена ценообразования, когда в ходу было 5 разных цен на товары! Но гораздо позднее придет день, когда мы скажем: утраченное доверие народа восстановлено. И чтобы приблизить этот день, каждое писательское перо должно быть на счету. Ведь слово — наше оружие!

Телевидение после бойкота

В подъезде его дома я увидела на стене объявление, отпечатанное на машинке. Жильцы дома уведомлялись, что в квартире номер такой-то живет «коллаборационист» — журналист Мариан Сечковский.

— Идиоты! — Марек сорвал объявление.— Какие же упорные идиоты! Мы с Касей сорвем эту пакость со стены, а назавтра она опять появляется, да еще с угрозой, мол, недолго тебе, Сечковский, ходить по земле. Я эти угрозы слышу уже полтора года. Правда, однажды разволновался, получив письмо, в котором было написано: «У тебя есть дочка, подумай о ней, если о себе не думаешь». Моей Эве уже шестнадцать исполнилось, и как уследишь, чтобы ее не обидели? Эти мерзавцы способны на все...

Долгие годы он работал в Москве корреспондентом журнала «Пшиязнь», мы с ним были дружны, вместе побывали в Якутии, но теперь, встретившись спустя годы, говорили не о прошлом, а о том, что происходило и происходит в Польше. Сечковский — один из руководителей главной редакции программ социалистических стран и международной публицистики польского телевидения.

— Знаешь, что меня больше всего радует? Мы выдержали тяжелый бой и не уступили свои позиции «Солидарности» в телевидении! Они рвались захватить это самое важное средство массовой информации и делали все, чтобы достичь своей цели. Не получилось!

В марте 1981 года бывший лидер Валенса прислал письмо председателю Польского телевидения о том, что он приедет к нам в сопровождении большой группы рабочих с тракторного завода «Урсус» и устроит демонстрацию протеста по поводу того, что «Солидарности» не дают телевизионного канала. Прибыли усиленные отряды милиции, чтобы в случае необходимости силой отстоять телевидение. Без преувеличения могу сказать, что передовая линия идеологической борьбы проходила на польском телевидении. Враждебные нам силы имели численный перевес, и каждый честный коммунист-журналист был на счету. Шел настоящий бой...

Контрреволюция планировала установить полный контроль над средствами массовой информации, в которые ею уже было внедрено много своих людей. Ситуацию в Польше 1981 года называли «информационной контрреволюцией». Под флагом «Солидарности» миллионными тиражами выходили еженедельники, листовки, брошюры — в то время как урезали бумагу для газет и журналов. Антисоциалистические силы намеревались открыть собственные радио и телестудии. Валенса провозгласил намерение создать свою телестанцию — оборудование для нее уже было завезено из-за границы. Это не удалось — партия не отдала главный экран страны. Телевидение тогда, как и сегодня, остается главной политической сценой, на которой разворачивается идеологическая борьба.

— Мы выстояли и во время бойкота,— рассказывал Сечковский.— Передачи шли, у нас хватало запасов пленки, да и не все актеры приняли участие в бойкоте. Смелые, честные люди продолжали работать с нами. Хотя многие «мэтры» ушли «во внутреннюю эмиграцию», то есть продолжали работать в театре, категорически отказываясь от участия в теле- и радиопередачах. Мы стали приглашать выступать у нас театры и театральные коллективы из провинций, которых прежде теснили знаменитости, и они с радостью работали. Ну а «мэтры», понятное дело, оскорбились, объявили, что польская культура «посерела», она катится в пропасть.

...Еще в 70-е годы телевидение страны сделало резкий крен в сторону западных фильмов. Создавались передачи, напоминавшие те, что делает «индустрия развлечения», демонстрировались фильмы и спектакли, рождавшие пессимизм, неверие в социализм. А что теперь идет на экран? Судьба телевизионного театра волнует многих. В газете «Жиче Варшавы» я прочитала беседу с Ежи Кёнигом, руководителем редакции театральных постановок на телевидении. «Приходить в норму нелегко, хотя уже многие режиссеры и актеры не отказываются сотрудничать с телевидением,— сказал он.— Не хватает средств для создания новых спектаклей, но все-таки благодаря заботам государства уже идет работа, и польские зрители скоро увидят новые постановки, а также пьесы польской и зарубежной классики в исполнении представителей театров всей страны».

— Телевидение выстояло в самое трудное время, но это не значит, что все уже позади. Теперь мы вступили во второй, более сложный этап идеологической борьбы, которая усугубляется сложностями в экономике,— рассказывал Сечковский.— Силы оппозиции ушли в подполье, затаились. Переданные по польскому радио записи дискуссий и бесед скрывающихся в подполье функционеров «Солидарности» свидетельствуют, что они не отказались от своих планов. Сегодня сложность в том, что по-прежнему в разных социальных слоях населения бытуют поддерживаемые западными подрывными центрами стереотипы мышления, сформировавшиеся в результате постоянного пропагандистского воздействия. В настоящее время семь западных радиостанций, координируемых и направляемых тайными штабами НАТО, ведут на нашу страну передачи в общей сложности 38 часов в сутки!

Творческая интеллигенция, научные работники и студенчество — вот на какие силы теперь делается ставка врагов Польши — контрреволюционеров. В начале года был взят штаб подполья в Познани. И кто же в нем оказался? Представители интеллигенции, науки. Причем особенная ставка делается на студенческую молодежь.

— Ясно одно: надо в идеологии наступать активно и очень аргументированно. И я верю в то, что Польша выстоит, хотя знаю — это будет нелегкий и долгий путь.

Вернуть доверие народа к власти в условиях острой идеологической борьбы нелегко. И путь тут один — широкая гласность всех шагов, предпринимаемых для блага общества. Например, на телевидении в качестве комментаторов по проблемам экономической реформы стали привлекать рабочих, людей труда. Пусть они почувствуют себя хозяевами микрофона, пусть на глазах у всей страны задают вопросы, которые их тревожат, экономистам, партийным и хозяйственным руководителям. Уже создана новая программа для молодежи.

— Доверие к факту — вот что важно воспитать в молодежи. С ней надо говорить серьезно о серьезном и не уходить от остроты. Но, надо, пробуждая в молодых патриотизм, любовь к родине, вместе с тем показать Польшу на карте мира, чтобы они не замыкались только в проблемах жизни своей страны и не забывали, что мы живем в эпоху острейшей схватки двух идеологий,— говорил Сечковский.— Для нас, поляков, конечно, важны наши проблемы, но, решая их, нельзя забывать, что империалисты договариваются о том, чтобы не абстрактные, а конкретные «першинги» стояли у наших границ и под их смертоносным прицелом оказался наш общий, большой дом.

Варшава — Москва.

Окончание следует.

Р. САРИМОВ

ФЕЛЬЕТОН

БУДЬ ЗДОРОВ, ДОРОГОЙ!

Не знаю, как вы, читатель, а я взял себя наконец в руки. Позабыл всех докторов — и закаляюсь. По утрам бегаю трусцой, а по вечерам стою на голове. Дышу только через нос. Пить бросил, а курить, спасибо себе, и не начинал. Словом, взял себя круто в оборот.

Вообще-то я давно собирался заняться вплотную своим здоровьем. Но все откладывал до понедельника. А тут вот взял и начал. Вам, конечно, интересно узнать, какой же я испытал толчок, чтобы, преодолев притяжение земли, вдруг затрусить. Откроюсь: понял, что болеть при моих скромных доходах никак невозможно.

Другое дело, если работать в Аджарском республиканском аптекоуправлении, как, например, водитель М. Харабадзе. Вот тот бы мог болеть на здоровье. Но он, слава богу, не болел, а все доставаемые им лекарства получали больные. Конечно, они могли бы купить эти пилюли и в аптеках, но вот ведь напасть какая — граждане-батумчане, огибая аптеки, бегут сразу к воротам аптекоуправления. Где Харабадзе всегда оказывает им непосильную лекарственную помощь. Правда, не из старомодных филантропических побуждений.

— Чего так дорого?— стонали страдающие.

— Дороже жизни может быть только жизнь,— играл тот словами.

И за флакон цепорина, стоящий два рубля, взымал два червонца. Только от одного флакона облепихового масла, проданного пешеходу И. Давитадзе, водитель Харабадзе получил сорок семь рублей чистой прибыли. Стоит товар три рубля с копейками, а уступил он его всего за полсотни. Но вы, читатель, не вздумайте при этих словах упасть в обморок. У меня для вас нашатырного спирта нет. А Харабадзе может вас за него раздеть и голым в Африку пустить. Брал же он за медикамент «Лив-52» в двадцать восемь раз дороже его аптечной стоимости. Да что там какой-то малоизвестный «Лив»! Даже банальный пенициллин ловкий бизнесмен сбывал втридорога. Вы спросите: как попал пенициллин в разряд дефицитных? Наивный вопрос — неужели вы никогда не переплачивали «посредникам» за обыкновенный железнодорожный билет, чтобы прокатиться в полупустых вагонах?

Как-то «в минуту жизни трудную» прибыл к воротам аптекоуправления известный в Батуми брадобрей Д. Абашидзе и, отвесив полуземной поклон не менее известному в городе Харабадзе, пробасил:

— Продай, дорогой, антистафилококковый гамма-глобулин.

— Жди меня — я вернусь,— сказал тот, убегая за ворота.

Бежал же он к сотруднице аптекоуправления А. Локтевой. А добежав, сделал ей заявку:

— Карегиновна! Требуется срочно анти... анти...

— Стафилококк, — досказывает за него Локтева.— Я дам тебе его, дорогой, но флакон будет стоить не дешевле бутылки «Наполеона».

— Побойтесь бога,— стыдит ее Харабадзе.— Анти стоит всего три тридцать!

— В аптеке, дорогой, а не в аптекоуправлении.

Должно быть, Локтевой не очень было трудно доставать столь нужные людям лекарства. Сама работала в аптекоуправлении, а дочь Жанета — в аптеке. Правда, Аида Карегиновна говорит, что за лекарствами ходила за три моря в Ленинград. Но лепету ее никто всерьез не внемлет. Не такая уж у нее голова дурная, чтобы ногам покоя не давать.

...Добыв в аптекоуправлении «заказанный» медикамент, Харабадзе бегом возвращается к клиенту и просит отсчитать быстрее деньги.

— Сколько?

— Так и быть — уступлю тебе за сорок пять. Но это только тебе.

— Не гневи бога, Османович! Стоит он раз в четырнадцать дешевле.

— В аптеке, дорогой, а не у подворотни аптекоуправления.

— Сбавь хоть на пятерку-то,— пробует сбить цену покупатель.— Точно такие же флаконы я покупал в республиканской детской больнице всего по четыре червонца за штуку.

— Так они достались твоим медбратьям за здорово живешь,— оправдывает Харабадзе свою алчность.— А я сам отслюнявил сотруднице нашего аптекоуправления столько же, сколько ты — «людям в белых халатах».

Купил Абашидзе у живодера целебное вещество — и сам пошел драть три шкуры.

— Почем? — прицениваются к флаконам теперь уже Х. Беридзе, завороженно на них глядя.

— Тебе, дорогой, уступлю по полсотни за флакон.

Выложил бедняга сто пятьдесят рублей за три флакона и поплелся прочь. Ладно, коли для себя приобрел. А что если и он захочет получить из кочующих флаконов свою прибыль?

Спекульнул перекупщик лекарствами и засеменил опять к подворотне республиканского аптекоуправления.

На этот раз Харабадзе вынес ему десять флаконов цепорина.

— И за что я тебя, дорогой, так люблю!—удивляется.—То, что продавал гражданам Микеладзе и Дарчидзе по двадцать рублей, тебе отдаю по двенадцать.

Просто Абашидзе был его постоянным клиентом. А завсегдатаи завсегда пользуются определенной льготой. Да и зачем бы брадобрею промышлять не своим делом, если бы оно не давало ему никакого барыша? Правда, перекупщик довольствовался жалкими крохами с богатого спекулянтского стола. Взять хотя бы его операцию с пенициллином. Его он купил у спекулянта за десятку девять флаконов, переплатив в пять раз больше. А сам продал оптом за тринадцать.

Между тем многие лекарства, которыми в Батуми бойко спекулировали бизнесмены, близкие к кругам фармацевтов, обычно не являются дефицитными. Может быть, здесь умеют делать дефицит и из изобилия?

Что, думаю, скажет на это начальник аптекоуправления Т. Накаидзе? Но, оказалось, он уже заведует аптекой. Говорят, пострадал в связи с делом о спекуляции лекарствами. А новый руководитель, Т. Палавандишвили, объяснил так:

— Не завезли вовремя — вот и дефицит.

Бывает и так. Не знаю, поставщики ли «помогли» создать в Батуми желанный для спекулянтов лекарственный голод или аптекари без них управились. При желании они могут делать дефицит и из большого достатка. Например, лекарствами повышенного спроса, за которые спекулянты в Батуми драли с людей три шкуры, в Ейске просто кормили баранов. Правда, ейские аптекари делали это без злого умысла — их толкали исключительно честолюбивые побуждения. Очень им хотелось, чтобы хвалило их за усердие начальство. А как можно быстро и легко расправиться с планом оптового товарооборота? Конечно, скармливая медикаменты скоту!

Только одна 197-я аптека, возглавляемая Ю. Денисовым, сбыла таким образом колхозным и совхозным млекопитающим на сто семнадцать тысяч рублей дефицитных лекарств. «Вот бы их нам»,— сказали бы, наверное, батумские спекулянты. Но они бы очень пригодились и самим ейчанам. При всей щедрости аптекарей население и лечебные учреждения города постоянно недополучали лекарства. Например, не удовлетворив полностью заявку тубдиспансера на новокаин и левомицетин, в то же время аптека продала их в огромных количествах Староминской птицефабрике. Может, курам на смех, а может, петухам на радость. В другой раз, отпустив детской больнице в десять раз меньше пенициллина, чем требовалось, аптекари, не скупясь, отгрузили его аж тысячу тридцать флаконов свиньям в совхоз «Октябрьский». Недодав той же детской больнице необходимого количества тетрациклина, аптекари шлют тысячу сто шестьдесят семь упаковок этого лекарства парнокопытным совхозов «Ейск», «Советский» и колхоза «Россия».

Естественно, от такого старания усердных фармацевтов и недефицитные лекарства станут остродефицитными. Тем более что умники имелись и в других аптеках города, которые тоже охотно сбывали медикаменты нелечебным организациям, что, разумеется, запрещено.

Заведующий-провизор центральной районной аптеки В. Ковалев, которому подчинялись все ейские аптеки, конечно, знал о начинаниях своих предприимчивых подчиненных. Но не мешал им.

Итог таков: Харабадзе приговорен к пяти годам лишения свободы с конфискацией имущества, Абашидзе — к полутора годам, Локтева — к одному году, а Денисов уволен с работы.

Батуми — Ейск.

Рис. Б. ЛУКИНА
Одесса.

— Весь отпуск играл в преферанс.
Рис. В. ВОЕВОДИНА

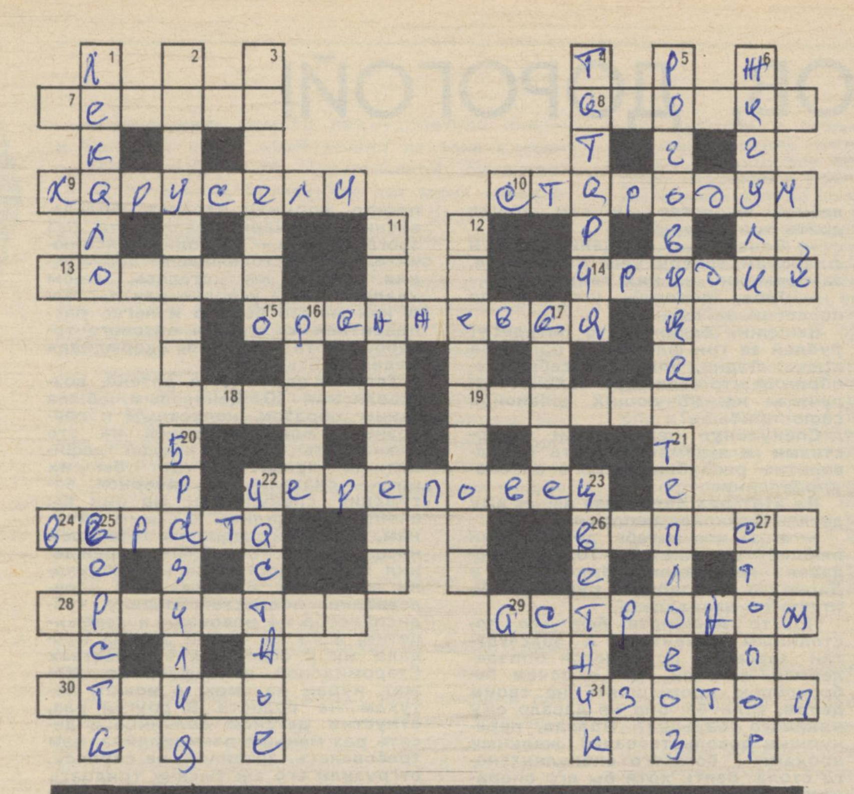
ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Во всех агентствах «Союзпечати» и отделениях связи, у общественных распространителей печати принимается подписка на журнал «Огонек».

Подписка производится без ограничений.

Подписная цена журнала на год — 20 рублей 76 копеек, на полгода — 10 рублей 38 копеек.

В случае возникновения сложностей с оформлением подписки просьба обращаться в журнал «Огонек». Пишите нам по адресу: 101456, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.



КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 8. Хирург, академик, Герой Социалистического Труда. 9. Аттракцион на народных гуляньях. 10. Действующее лицо комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». 13. Созвездия, расположенные вдоль эклиптики. 14. Химический элемент, платиновый металл. 15. Река на юге Африки. 18. Американский страус. 19. Областной центр в Танзании. 22. Город в Вологодской области. 24. Лесная певчая птица. 26. Учащиеся, окончившие одновременно школу или вуз. 28. Симфоническая поэма А. Н. Скрябина. 29. Специалист, изучающий космос. 30. Маскарадный костюм. 31. Разновидность одного и того же химического элемента.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Чертежный инструмент, фигурная линейка. 2. Лекарственное и декоративное травянистое растение. 3. Советский военачальник, маршал авиации. 4. Автономная советская республика. 5. Прозрачная часть наружной оболочки глаза. 6. Марка советского легкового автомобиля. 11. Разновидность рубанка. 12. Народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда. 16. Французский поэт XVI—XVII веков. 17. Приток Ориноко. 20. Государство в Южной Америке. 21. Локомотив. 22. Результат деления в математике. 23. Клумба. 25. Русская мера длины. 27. Деталь для фиксации частей механизма в определенном положении.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7.«Стрекоза». 8. Орошение. 9. Конференция. 12. Овьедо. 14. Апулей. 15. Каракал. 17. Давид. 18. Вальс. 19. Копнитель. 20. Фазан. 22. «Гость». 24. Наровля. 27. Розина. 29. Доклад. 30. Диагностика. 31. Фонетика. 32. Имитация.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Стыковка. 2. «Хорошо!». 3. Камфора. 4. Ровница. 5. «Родина». 6. Мирабель. 10. Речитатив. 11. «Русалочка». 13. Рагимов. 15. Клоун. 16. Лилия. 21. Апостроф. 23. Трапеция. 25. Арагуая. 26. Люстрин. 28. Анилин. 29. Дикция.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Заместитель начальника московского Метростроя Герой Социалистического Труда Т. В. Федорова в бригаде, которую возглавляет Сергей Сивец (второй слева), строящей станцию «Савеловская» Тимирязевского радиуса. (См. в номере материал «Пока бьются наши сердца...».)

Фото А. Награльяна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Образцы одежды финских модельеров с выставки «Женщина и мужчина-84». (См. в номере материал «Новинки моды».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-80; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 29.08.83. Подписано к печати 13.09.83. А 00720. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 815 000 экз. Изд. № 2422. Заказ № 1197.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КНИГА -

Раздел молодых африканских стран (Ангола).

Двое из сотен тысяч книголюбов...

Экспозиции союзных республик выставки-ярмарки.

Феликс МЕДВЕДЕВ,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Не хватит эпитетов, чтобы должным образом назвать это пиршество печатного слова, достижений полиграфического искусства. В павильонах ВДНХ разместились 180 000 книг, привезенных сюда со всех концов света. Лучшие книги, изданные фирмами и организациями более чем девяноста стран мира, выстроились на праздничный вернисаж. Книжная полка планеты простерлась от соседней Финляндии до дальних Сейшельских островов, от книг, изданных на заре человеческой цивилизации, до самых наипоследних новинок, отпечатанных на супермножительных аппаратах. Малюсенькие, умещающиеся на ладони микроиздания, и огромные, в пуд весом, фолианты; древняя индийская рукопись на пальмовых листьях, новгородская грамота на бересте XII века, уникальная китайская рукопись, издания, выпущенные для коллекционеров тиражом в триста экземпляров...

Московская международная выставка-ярмарка — парад печатной продукции, организуемый Госкомиздатом СССР, ВААПом и «Международной книгой»,—проводится раз в два года и стала традиционной. Традиция эта прекрасна. Для судеб миллионов людей важна возможность через печатное слово говорить на одном языке — языке мира, прогресса и взаимопонимания. Девиз ММКВЯ-83 — «Книга на службе мира и прогресса».

Тысячи людей нескончаемым потоком шли и шли в павильоны ВДНХ на свидание с книгой. Москвичи приветствовали всех, кто приехал в Москву с благородной миссией книгообмена.

...Переходя из павильона в павильон, от стенда к стенду, мы радовались тому, что на ММКВЯ-83 представлены не только опытнейшие издательские фирмы мира — постоянные участники предыдущих Московских форумов книги, но и государства, которые не так давно наладили выпуск собственной печатной продукции. Среди них Верхняя Вольта и Камерун, Лесото и Уганда, Гренада и Гвинея-Бисау. Интерес участников и гостей Московской ярмарки вызвали экспозиции КНР, Вьетнама, Индии и КНДР. Характерно и другое: в выставке-ярмарке принимали участие книгоиздательские организации и тех государств, с которыми у нас нет дипломатических отношений.

Самая обширная экспозиция — советская. Глаза разбегались здесь от обилия книг. От прекрасно изданного Политиздатом двухтомника «Воспоминаний о К. Марксе и Ф. Энгельсе» или книг серии «Пламенные революционеры» до великолепных детских книг, выпущенных Пермским и Свердловским книжными издательствами. От солидных томов издательства «Наука» до изящных миниатюрных книг Пушкина, Лермонтова, Гете, Стендаля, Толстого, выпущенных издательством «Книга». Политиздат представил на выставке-ярмарке около семисот книг, изданных после ММКВЯ-81. Здесь труды В. И. Ленина, выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, материалы партийных съездов, сборники документов, посвященных борьбе за мир. Один из самых издаваемых в мире авторов — В. И. Ленин. Его произведения выходили в 65 странах на 120 языках народов мира.

В павильоне номер один размещалась не только советская экспозиция. Здесь же можно было познакомиться и с состоянием книгоиздательского дела ряда стран Азии и Америки.

ПОСЛАНЕЦ МИРА

Радушно встречают гостей в экспозиции Туркменской ССР.

Стенд издательства «Планета».

ММКВЯ-83 — это не только переговоры и контракты, не только официальные деловые контакты. Во всем здесь ощущалась приподнято-творческая атмосфера. Каждодневные пресс-конференции, заседания «Клуба деловых встреч», международный конкурс детского рисунка, встречи литераторов с книголюбами.

У стенда «Молодой гвардии» состоялась беседа директоров и главных редакторов молодежных издательств социалистических стран. Среди них были представители издательств «Млада фронта» и «Смена» (ЧССР), «Народна младеж» (НРБ), «Комсомольское издательство» (ВНР), «Искры» и Агентства по выпуску литературы для молодежи (ПНР), «Нойес Лебен» (ГДР).

Присутствующие обменялись опытом, рассказали, над чем сейчас работают. Основное внимание было уделено подготовке совместных изданий по темам, особенно волнующим молодых людей. Было достигнуто соглашение о выпуске совместного издания к 40-летию победы над фашизмом.

Ведущие ученые Советского Союза встретились в стенах Академии наук СССР с руководителями крупных издательств мира, участвующих в работе Московской выставки-ярмарки. На встрече присутствовали руководители «Эдисьон Лейпциг», «Пергамон Пресс», «Пауль Парей», «Шпрингер Ферлаг», «Интернэшнл Юниверсити Пресс», «Гордон и Брич», а также ученые и представители Карлова университета, Национального университета Сан-Маркос, директора Международной юношеской библиотеки и библиотеки Британского музея. От имени Президиума Академии наук СССР собравшихся приветствовал вице-президент АН СССР академик В. Котельников.

Директор Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР академик Е. Чазов принял президента фирмы «Шпрингер Ферлаг» (ФРГ) Хайнца Гетце. Кардиоцентр установил тесные контакты с издательством с целью выпуска книг советских ученых-кардиологов в ФРГ. В свою очередь, «Шпрингер Ферлаг» знакомит Кардиоцентр с работами немецких врачей.

На пресс-конференции «Мир — главная тема современности» журналисты задавали вопросы известным советским писателям—Сергею Сартакову, Феликсу Кузнецову, Генриху Боровику, Ивану Стаднюку, Екатерине Шевелевой. На другой день в этом же зале крупнейший итальянский издатель Серджо Джунти представлял первый том шестнадцатитомного каталога серии «Эрмитаж».

На последней встрече организаторов ММКВЯ с журналистами прозвучала цифра 2500. Столько контрактов на выпуск литературы в СССР и за рубежом заключили между собой участники ярмарки. Эта цифра значительно превышает результаты прошлой ММКВЯ-81.

Вот мнения о ярмарке некоторых ее гостей и участников. Писатель Чингиз Айтматов: «Чем больше подобных встреч, тем лучше. Я не говорю даже о чисто коммерческом значении всех этих мероприятий. Но сегодняшняя ярмарка дает возможность установить живые контакты между коллегами разных стран. Живое, активное знакомство всегда ценнее, эффективнее».

Академик, Герой Социалистического Труда И. Петрянов-Соколов сказал: «Я считаю, что самое важное значение Московской ярмарки именно в том, что она международная, что она объединяет людей в наше трудное время». Генеральный директор торгового объединения из Никарагуа Давид Флорес Серпас заявил: «Только революция и свержение диктатуры Сомосы помогли нам участвовать в ММКВЯ. Могу сказать, что я поражен размахом выставки». Хейкки Реенпяя, президент Ассоциации финских издателей: «Некоторые считают, что печатное слово рано или поздно исчезнет. Это не так. Книга будет существовать всегда. И подтверждение тому Московская выставка-ярмарка. Это одно из самых значительных книжных мероприятий в мировом масштабе».

Итак, ВДНХ, сентябрь, ММКВЯ-83. Книга шагнула сюда через моря и океаны, через барьеры недоверия. Она приехала в Москву с посланием мира. Пусть и впредь умная, добрая, честная книга сближает народы и континенты.

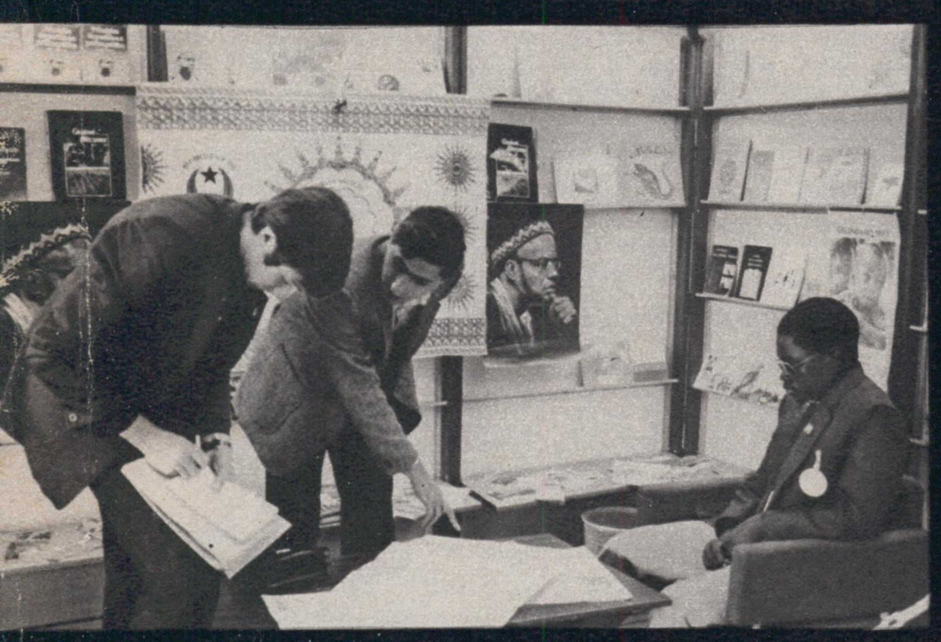
До следующей встречи в Москве через два года!

Представители издательства «Картя Молдавеняску» ведут переговоры с организаторами экспозиции «Патриоты Чили».

Итальянский издатель каталога сокровищ Эрмитажа С. Джунти приехал на ярмарку с дочерью и племянником.

Полиграфисты Греции заинтересовались работами издательства «Искусство».

Как приятно перелистать хорошо изданную книгу!



На стенде Гвинеи-Бисау представлены новинки детской литературы.

Интервью в индийском павильоне.

Деловая встреча на ярмарке: писатель Ю. Бондарев и заместитель председателя Всесоюзного общества любителей книги И. Котомкин.

Очередной контракт западногерманских издателей со Стройиздатом.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663